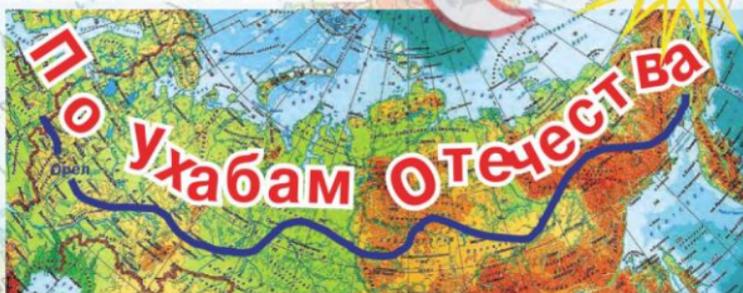

Виктор РАССОХИН Сергей РАССОХИН

**Классики
помогают в жизни**

**Высший военный
орден "Победа"**

**Школьникам –
новые книги**

Засели надолго

Помощь пришла

**Поклон героям-
танкистам!**

**Никто не забыт,
ничто не забыто...**

**Благодарность
трактористу!**

И металл устаёт...

**После бури –
в дорогу**

**За что
разгромили?**

Забятая ферма

**Книгу
"Победившие
смерть" – в дар
ветеранам**

**Свидетельница
страшных лет**

**У скита
святого Кукши**

Скелет реформаций

**В библиотеке
г. Мценска**

Репрессии не прощаем!

У орловского "кулибина"

**Когда вырастет –
всё узнает...**

**Цветы
авиаконструктору
Н. Н. Поликарпову**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Портрет А. С. Пушкина
В. А. ТРОПИНИН

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка:
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл.....

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

Александр ПУШКИН
1823 г.

Тройка
П. П. СОКОЛОВ

Полдень. В окрестностях
Москвы
И. И. ШИШКИН

Спуск к перевозу
П. О. КОВАЛЕВСКИЙ

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Автор "Очарованного
странника" ещё мало изучен...

Видим в мире КОЛЕЮ,
Ту, что слабо видят –
"Правды", "Вести", "сотни "Нью",
Ливия, Египет...

Есть она в любой стране
При жаре, при снеге.
Не вела бы лишь к войне
В автострадном беге.

Книги наши Бог простит,
Делали по-божьи.
Каждый смертный не забыт
В жёстком вседорожье.

АВТОРЫ
2011 г.

За мир на Земле!

Готовимся к новым встречам

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

По ухабам Отечества

Раздумья о Родине

•

Стихи

•

Поэмы

•

Статьи

•

Очерки

•

Рецензии

•

Письма

Российская Федерация
Орёл, 2011

ББК 63.3(2)64

Р-24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин

Р-24 По ухабам Отечества. (Раздумья о Родине. Стихи. Поэмы. Статьи. Очерки. Рецензии. Письма). — Орёл, 2011. — 632 с., ил.

Всё, что здесь собрано, создано в конце ХХ и в начале ХХІ веков. Много отсечётся, но что-то останется, поскольку человеческая жизнь в её низших и высших инстанциях — в физическом явлении — для всех одинакова. Разница лишь в том, кто и как прикоснулся к духовным ценностям цивилизации, к её апогею или к её шлаковым выбросам, угнетающим сознание.

*Мы все под Шапкой Мономаха
Живём под страхом и без страха.
Но страшно, что во всех веках —
Сам человек рождает страх.*

Однако заметим: иногда прошлое жёстко говорит о настоящем, а порой от настоящего — ужасается будущее...

ISBN 5-89436-090-0

© В.В. Рассохин, 2011

© С.В. Рассохин, 2011

*Иван-царевич
на Сером Волке*

*Виктор
Михайлович
Васнецов*

Троснись, Иван!

Часть первая

*Владимир
Егорович
Маковский*

Не пуцу!

НЕЛЮБИМАЯ ПРАВДА

Окаянные дни...

Иван Бунин

В окаянных веках
Человек бесприютен.
С детства тянется к солнцу —
При планетном: АГУ!
А как вырастет он —
Он в тенётах иудин,
Что предали Христа,
Как предатель
Не служит врагу.

Они есть в исламизме,
В буддийских одеждах.
И в католиках тоже
Сидит Сатана.
Помоги нам, Господь,
В жизнь — направить надежды!
ЖИТЬ НАДЕЖДОЙ УСТАЛИ —
ЛЮДЯМ — ПРАВДА НУЖНА.

Пусть она навсегда
Воцарится на троне,
И всем страждущим мира
Выльёт солнечный свет.
Пусть планетное зло
Без торжеств похоронят
В тех местах, где идут
Испытанья ракет!

РАДИЩЕВ

*Книга Александра Николаевича
«Путешествие из Петербурга в
Москву» с 1790 года по 1905 год рас-
пространялась в списках.*

— Семь лет Сибири — вольтерьянцу!
Царица молвила сама,
Кто шёл к крестьянину-страдальцу
Всей силой мощного ума.

Через века философ в силе,
Опровергаю его смерть:
Не отравился он — убили,
Чтоб в глубь властей не мог смотреть.

Молчит продажная наука,
Где памятник — пророку строк?
И о Радищеве — ни звука,
Да и о Разине — молчок.

НЕОСБОРЩИКИ ДАНИ

Отбивали жуткие атаки
Коловрат, Козельск и князь Донской.
А теперь московские баскаки —
Завладели накрепко страной.

Лезут на поля, леса и воды,
Их бунчук — скорей собрать налог
При капризах мученой природы,
При ужасной ломкости дорог.

Собирайте — но придёт расплата,
Бойтесь спекулировать Ордой.
Могут и потомки Коловрата
Вам ударить в спину за разбой.

НАСТАВНИКАМ

Пообнаглели малолетки:
Бьют стариков, машины жгут.
Страх не берёт, что будут в клетке,
Пока законы берегут.

И вы, и мы за них в ответе.
Втяните в спорт и в сеть «Зарниц»,
Чтоб эти брошенные дети
Не докатились до убийц!

ОПАСНАЯ СКУПОСТЬ

У прогресса есть тоже клыки,
При прогрессе — бывает несладко.
Мы вас любим, фронтовики!
В полный рост Вы поднялись над схваткой!

Миру Ваших заслуг не учесть,
Ваше мужество Правду спасало.
На века — отдаётся Вам честь,
Президентской пока ещё мало.

Кто-то делит миллиарды купюр,
Отчисляя Вам крошки, и крохи.
В плюшкинизме всевластных структур —
ВЫ — ЛИЦО ЛЕГЕНДАРНОЙ ЭПОХИ!

С Вами тыл, с Вами те, кто погиб,
Кто таранил, кто шёл в штыковую.
Вам низжайший поклон, что смогли
Обезглавить войну мировую.

Я б от имени тысяч частей,
От проблем океанского Флота,
Снял с высоких бы должностей —
Кто стоит к Вам — в п о л о б о р о т а!

ПОЭТАМ XX ВЕКА

Их пинали подло в златоглавой,
Деревенских искренних ребят,
Что в Москву стремились не за славой,
Не за малой толикой деньжат.

Там следили зорко и сурово
Злобные опричники вождей,
Изучая рукопись и слово:
«Чем живёт невольный соловей?»

«Что там в «Колыбели» и в «Капели»,
Не опасен ли «Круговорот»???
И нещадно перьями скрипели,
Мыслям перечёркивая ход.

Детскою брошюрой, как насмешкой,
Вышли во суровость зрелых лет.
Но в тисках «орлов» не стали решкой —
Правдолюбцы горя и побед!

СХВАТКА ПОЛОВ

Она когда-нибудь настанет,
Заметно это с каждым днём,
Как дамы — девочки жиганят
Всё больше за чужим рулём.

Ухожены, красивы, сыты —
Спешат к мужьям и от мужей
Ньююлии и Карменситы
Из Подоляни и Кнубрей.

Они давно надели брюки,
В их лексикон внедрился мат,
А жёстко-грабельные руки
Не знают тяпок и лопат.

Наиматёрейшим таксистам
Наглёж их виден через край,
Когда летят они со свистом,
Куда — попробуй угадай!

Не призовёшь таких к ответу,
Одёрнешь — сделают назло.
Что для ГАИ — гони монету,
Когда не меряно бабло.

БЕССОННИЦА

Я счастлив тем, что я не сплю,
Перед глазами — лица, лица...
Как вы смогли в меня вместиться,
Чья жизнь — подвержена рублю?!

Все ваши горести б на ноты,
Не всё же Мусоргский решил.
Как передать, когда банкноты
Не у людей, а у «горилл»?

ПОЗИЦИЯ

Не уважаю кривотолки,
Люблю лучистый свет ума.
Передо мной на книжной полке
Стоят бесценные тома.

В них столько мудрости крылатой,
А с нею — трудности легки...
Вот так в строю стоят солдаты,
За правду выставив штыки!

ТАНЦПЛОЩАДКА

Какими высветить словами
Тебя — кудесницу любви?
Под танго с «Чёрными очами» —
Нас окрыляли соловьи.

Под нежный выплеск джаз-оркестра
Спешили в парк со всех сторон.
«Цветущий май» снимал нас с места,
Водил по кругу саксофон.

Аккордеонное звучанье
Дарило радостный настрой.
И каждый думал о свиданье,
И об единственной — одной.

Невыразимо пела скрипка,
Так — до щемления в груди,
Но озаряла всех улыбка
И то, что будет впереди.

Мы музыкантам поклонились,
Влюблённым будет не до сна.
И уходящие светились
Сильней, чем полная луна.

ПРИЗНАНИЕ

Скрипит паром печально и тоскливо,
Я остаюсь один на берегу.
И не скажу, что ты была красива,
А вот, что симпатична, — не солгу.

Мне крикнуть бы тебе на всю долину,
С причала на руках бы унести.
Хоть Млечный Путь над речкой перекинут —
Мне по нему к тебе не перейти.

Я знаю, боль заглушится годами,
О ней я не пожалуюсь нигде.
А ты всегда светись перед глазами,
Как лилия на утренней воде.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Цветёт черемуха, сирень.
И яблоня — цветенью рада.
Нисходит ночь, а белый день
Ещё стоит в аллеях сада.

ВЕЖЛИВЫЕ ЧЕРТИ

Вглядитесь в скользкие их лица —
Отличные от простаков.
У них и герб сидит в петлице,
Над ними флаги двух веков.

Они учтивы так предельно,
Под ручку к шефу проведут,
Но предадут в тиши... отдельно —
Святых затопчут там и тут.

БУХГАЛТЕРА

— О нас не пишут. Давят нас вериги.
— Отчёты часто мы берём в дома...
— О вас напишут следственные книги,
Кому с брошюру, а кому с тома.

РОДИНЕ

Не болей, страдалица моя!
Кто тебя силком загнал в аптеки?
Голуби, с обличьем воронья,
Принимают дорогие чеки.

Экстрасенсы с помощью газет
Разгоняют вроде бы печали.
А ведь нужен здесь один рецепт:
ДАЙТЕ ТО, ЧТО БЕЛЫМ ДНЁМ ОТНЯЛИ.

Пусть все лжецелители поймут,
Не поймут — воочию увидят:
Конь косится на плетённый кнут,
Разнесёт — когда его обидят.

АВТОРЕВОЛЮЦИЯ

«Тачки», словно конфетти,
И «Пежо», и «Мерседесы» —
Все летят за интересы,
А проходим — не пройти.

Если б силу острых взглядов
Зеркалами залучить,
Молнию крутых разрядов
Мог шофёр бы получить.

И за ними, как диктатор,
Начеку — эвакуатор.

ФИНАНСОВОЕ МОРЕ

Его на карте мира нет,
Но есть любители купанья.
Кто формирует свой бюджет
ЗА счёт народного страданья.

Нырять в нём хоть голышом!
Обвесьтесь золотом, драгкамнями,
Но бить по нищему грошом —
Страшнее, чем навлечь цунами.

ОТВЕТ НА ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯ

Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна, Тарханы — великолепно. Но есть ещё родина великого сатирика. Кто о ней помнит?

(Из письма)

Как бы жизнь нас ни крутила
От зари и до темна,
Почему страна з а б ы л а
Салтыкова-Щедрина?

Знаю, он не станет другом,
Тем, кто кровь людскую пьёт.
Есть в глуши село Спас-Угол.
Где родился патриот.

Не России, а Планеты...
Это он, живя вдали,
Дал блестящие портреты
Осквернителей Земли.

И сегодня давят души,
Мир утаптывая в грязь,
Помпадуры, помпадурши,
В тогу истины рядясь.

Побесились власти с жиру,
Но мы видим из углов,
Кто готов стрелять в Сатиру
Миллиардами стволов*.

* Редакция «Орловского вестника» отказала в публикации в год 180-летия писателя-ясновидца.

ЛЮДИ НА ПОДХВАТЕ

Есть публика — на всякий случай,
Сороконожку обойдёт,
То мелодит «Бесамэ мучо»,
То гимн фальцетом запоёт.

Вы доброхотов зрите в мире,
У них всегда не пуст карман:
До хрипоты кричат в эфире
И нагло лезут на экран.

Внесут деньгу, подарят вещи,
Попавшим в горе и в беду.
Кому-то сразу станет легче,
Но поимейте их в виду.

Они повсюду на подхвате —
Неограниченный лимит.
На государственной оплате
Порыв душевный их стоит.

Другие рады бы — да нечем
Помочь в расхристанности дней.
А тот, кто в скользкости замечен,
Глядишь, в фаворе у властей.

ПОМОЩНИЦА

Моя машинка — все калибры пушек,
За ней провёл я многие года,
Чтобы строка с пути сметала души,
Спиной стоящих к истине всегда.

В КАПКАНЕ

Красивы в радости своей
Три юных существа,
В тисках финансовых страстей,
Теряя все права

На честность, правду, романтизм.
На веру и любовь,
Когда дензнак — авантюризм,
Помноженный на кровь.

ОТГОРОДИЛИСЬ

Ах, высокие эти заборы
Возле белых ухоженных дач!
К вам направлены взгляды и взоры,
Вас не видит лишь тот, кто незряч.

Вас обходят тропинкою новой,
Здесь овчарок холёных не счесть.
Как иголки на ветке сосновой,
Так на них поднимается шерсть.

Грибники не живут без улыбки,
Мигом шутку подбросят в уют:
— Исправляем всё время ошибки,
А заборы растут и растут.

ВАЛЮТОПЛЕННЫЕ

Бегут за долларом, за марками,
За ложной радугой реклам.
Готовы шаркать за подарками
То в христианство, то в ислам.

Не важно — дяди ли там, тёти ли,
Но златолюбцы всех систем
В погоне этой — отойотили,
Омерседесили совсем.

Слепая алчность жаждет скорости,
Что ей всемирные ГАИ.
Они враждебны к знаку совести,
Когда вершат дела свои.

Грязны их речи откровенные
По части правды и свобод.
Они всегда валютнопленные,
Затылком смотрят на народ.

Пройдут сквозь войны, мимо голода,
Прибрав сокровища к рукам.
— Сезам, отдай брильянты-золото!
Откроет двери им Сезам.

Но не везде они всевластные,
И суд Сезамов будет крут:
Скелеты паукообразные
Лишь здесь р у ч и щ а разомкнут.

ДОДУМАЛСЯ

Кто научил часы переводить?
Кто видел эту голову воочью?
Как смог он нагло вековую нить
Порвать пиратски между днём и ночью?

Живёт, подлец, и пристально следит
При злой усмешке за материками,
Как в спешке человечество бежит,
Дыша в затылок, сталкиваясь лбами.

ДЬЯВОЛЬСКАЯ ФРАЗА

Я побывал в райцентрах и в самых дальних деревнях и сёлах не только Орловщины. Встречался с людьми разных профессий и разных точек зрения на происходящее в стране. При разговоре с ними я уловил одну закономерность: при различии характеров и судеб — люди не хотят войны и хотят быть защищёнными своим государством. Я попытался выразить их настроение в этом стихотворении.

Старый бес.
Рисунок
А.С. Пушкина

Умудрился ж какой-то кремлёвский злодей
Бросить фразу, как бомбу, в сознание людей.
— ДЕНЕГ НЕТ! — И легли ветераны во гроб.
О взбурьяненном поле всплакнул хлебороб.

В безымянных психушках — свихнувшихся
тьма.

Располнела от шаек бандитских тюрьма.
Медицина себя положила на стол,
Но укол дорогой. ДЕНЕГ НЕТ на укол.
И согнулся в бараний спиралевый рог
Перекрученно-верченный педагог.
За сосиски актёры играют «Отелло».
У шахтёров — терпение окаменело.
На распутье стоит ошельмованный вкладчик,
Сердце стало его, как без воздуха мячик.
И на «горькие травы» посажен писатель,
Облетевший планету, правдоискатель.
И поставили зубы на полку войска.
Их не маршал ведёт, а кулеш котелка.
И милиция взвыла сиреной ГАИ.
До чего же своих — обокрали свои!
— ДЕНЕГ НЕТ!!! — повсеместно скулят
спутники.

Наши помыслы властью коварной убиты.
На особом пайке эти скользкие лица:
В них балык, салями и икорка искрится.
После службы их ждут «Мерседесы»
и «Вольвы».

Вечера их и ночи ошампаненно-вольны.
А потом они прутся в чужую кровать,
Чтобы, лежа, Россию повыше поднять!
В уважаемых банках, где деньги зажаты,
На тебя, на Россию в упор — автоматы.

А статистика лживая сытым властям
Ежедневно отчёты строчит по смертям.
И молчит что-то Крест, и молчит
Полумесяц —
Вандализм с вакханалией длятся не месяц.
— ДЕНЕГ НЕТ!!! — это дьявольски-жуткая
фраза.
Не берёт же таких судьбоносцев проказа!
А возьмёт их земля — знайте, Бог и Аллах,
Что нечистая сила жила при деньгах!
И спала на деньгах, и деньгами давилась,
А о благе людском и клялась, и молилась.
И на самом закате двадцатого века
Зачеркнула стволами права человека!

Май, 1996

ЧАСТОЕ НАЗВАНИЕ

Через лес ведёт дорога
К деревеньке над рекой.
Хмелевых — настолько много,
Трезвых — нету ни одной.

А пахать кому-то надо,
Как ни лейся самогон.
По работе ведь награда
Обмывалась испокон.

НЕТОПЫРИ

Бесшумно зрели в недрах власти,
Пока микронной, чтоб потом,
Пройдя «народное согласие»,
Лезть в горсоветы и в обком.

В другие — новые структуры,
Чтоб вентиль туго завинтить.
А СМИ — они же труבודуры:
Нельзя помиловать, казнить.

О запятой — прекрасно знают,
Что отделяет жизнь и смерть.
И нетопырность поощряют,
Чтоб ордена от них иметь.

ГЛАВНОМУ БОГАТЫРЮ

Русь и безденежно рожает,
Под нацпроекты водку пьёт.
Усердно храмы посещает,
И лихо властущку клянёт.

Средь бесов, шедших лабиринтом,
Она сожгла могучесть сил.
ИЛЮША МУРОМЕЦ... Смотри там,
Чтоб враг страну не разорил.

НАРОДЕЦ

Народец — вовсе не народ.
Народец тот, кто ест и пьёт,
Рвёт книги, током рыбу бьёт,
В пакетах — видит огород.

Кальмар, конечно, не пескарь,
И Таиланд — не Волчья Яма,
Где позабыт отец и мама,
Отдавших души на алтарь.

Народец — стадия уродства,
Где в силе Магия Обжорства,
Жируя, к мысли недвижим,
Чему и рад любой режим.

ПРОДАЖНЫЙ КУКЛЯЖ

Красивые дамы России,
Вошедшие в телеэкран,
Хоть горы у вас золотые —
Вы всё же попали в капкан.

В зажиме — за доллар и евро,
Как юмор бы ни был остёр,
Прошу, не играйте на нервах
Своих всероссийских сестёр.

Они — и светлей, и красивей,
Пускай кругозор маловат.
Девчата великой России
Сомнут ваш плейбойс-аппарат.

Поскольку они — откровенны,
Столица живёт их трудом.
А все ваши сексо-фазенды
Страну превращают в дурдом.

С такой красотой не воспрянешь,
Она обостряет нам боль.
Вы очень похожи на пряник,
В котором избыточна соль.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Налогам всю живность обложили,
Недвижимость «спасают» от греха.
О, если бы так ПИСЬМА приходили,
Как нам летят счета из ЖКХ.

СЛЕПОЙ ГОРОД

И ночь-то ещё молодая,
И диск лучезарен луны.
Заснул он, в постелях ласкаясь,
Спиною к архивам страны.

Зачем ему глыбоидеи?
Пугает квадратность окон,
Что в стенах так жутко чернеет —
Как будто бил фаустпатрон.

ВОПРОС РЕБРОМ

В который раз народ распят,
И кто спасёт нас от обмана?!
Кто он, грядущий наш собрат,
С причёскою «а ля Сократ»,
Или с прищуром Чингис-хана?

ИЗВЕСТНОЙ ПЕВИЦЕ

С эстрадою прощаться не спеши,
Не вся ж ещё под крыльями планета.
Ведь где-то есть на доньшке души
Такая боль, которая не спета.

НЕМОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Оно похоже на профессоров,
В молчаньи — с академиками схоже.
Не зрят междоусобицы миров,
Знать не хотят, что род людской тревожит.

Откормленное мощною роднёй,
Жирком заплыло европоколеньё.
Так занорилось, что не вступит в бой,
Когда повсюду — правдоподавленье.

Такое — не полезет напролом,
За боль страны крестьянско-пролетарской.
Где ректор, выдающий им диплом,
Где есть графа о трусости гражданской?

КРЕДИТЧИКИ

Друзья застолий, расписные крали,
Чиновничьи мамыши и братья
В российских банках вежливо стояли,
В надежде, что не будут без копя.

А те, кому нужна копейка эта,
Не знавшие лазейки и ходы,
Горбячили в рассвет и до рассвета,
Полушку получая за труды.

СОВЕТ ОТЦА

Вырос ты, сынок, на Гимне,
На стерлядке с колбасой.
Лучшим фильмом помоги мне,
Флаг Отчизны — батя твой.

И не спорь в кругу порхатых,
Так не любящих царей...
В мире есть ещё солдаты,
Что не подняты с полей.

ПОЗДНО РАЗГЛЯДЕЛИ

Суперзаконодатель —
В жизни он лжец-предатель.
Общается часто с народом,
В народе — слывет уродом.

ОСТОРОЖНЕЙ С НАГРАДАМИ

*Как станешь представлять
к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному
человечку.*

А. С. Грибоедов

В столице будьте поумней,
Каков бы ни был куш желанным...
Глядишь, — матёрый прохиндей
Идёт с «Андреем Первозванным».

А люди что? Они молчат,
Хотя готовы плюнуть в харю
Пустому неогосподарю —
Которому положен Мат!

ЗАБЫЛИ ПРО КНИГИ

Есть звери в Полесье,
а лавки писателей нету.
Коттедж дорогой,
что и Сон ужаснётся в рублях.
Но всё же на Троицу —
утречком кланяются лету,
Летят земляки
в «Мерседесах», «Рено», «Жигулях».

Хмелеет сосняк
от дурмана шашлычного дыма,
От плясок «крестьянских»
рябит в помутневших глазах...
Взглянул бы Тургенев,
проехал бы в Спасское мимо
И слуг госкультуры
за «празднество» б высек в строках.
Приехали люди,
что с пляшущих взыщешь?
Они, может, камень
снимают с уставшей души.
Пусть многих волнует
магический запах кострища,
Но слово писателя
тоже сверхважно в глуши.

СТРАННЫЙ НОВЫЙ ГОД

Из Кремля — прекрасна весть!
Только жизнь сурова:
Не у всех баранчик есть,
Не у всех — корова.

«Джипы» тоже не у всех,
Не у всех — коттеджи.
У кого-то — жизнь в обрез,
И каюк — надежде.

Щедровата стала власть,
А в душе смеётся:
Погуляйте, люди, всласть,
Как кому придётся.

Растрясите кошельки —
Вам дана декада.
Супер-маркеты, ларьки —
Всё там есть, что надо.

А за вашей суетой
В трезвости и пьянке,
Проследят отчёт-строкой
Мини-экстра банки.

Не взбунтуют торгаши,
Что стоять устали,
Видя тыщи и гроши
В хитром карнавале.

За спиной пол-января,
Головы в дурмане...
— Длинный отдых дали зря! —
«Шутят» — россияне.

2009

ПОСЛАНЕЦ

Приехал он, чтоб все развесть печали,
Чтоб правду возвести на пьедестал.
Но так его газеты укатали:
За портретизмом — рухнул идеал.

ЦАРЬ-ЖЕЛУДОК

Ничтожно общество людское,
Когда в нём жгуч инстинкт еды.
Так пьяница во дни запоя
Алкает огненной воды.

Тогда ни бога и ни веры,
До западни заужен мир.
И всюду правит дух пещеры,
А мясо мамонта — кумир.

МНЕ ДОРОГ ХУДОЖНИК...

Глядишь, ушёл прозаик в букинисты,
Поэты — огитарались совсем.
Другие — на собраниях речисты,
А люди ждут романов и поэм.

Не барабанных, с грохотом вселенским,
Не с ежедневным вскрытием могил.
А с истиной, которую под Мценском
Когда-то нам Тургенев приоткрыл.

Пой истину, с которой враг не спорит,
Пой истину — свою вторую мать.
А в букинисты — путь давно проторен,
Гитару у цыган — не отобрать.

САМОТЛОРСКАЯ ВСТРЕЧА

Мне воспеть бы над Обью закаты,
Да вот совесть велит, не молчи:
Инженеры, врачи, кандидаты —
Были в прошлом, а нынче — БИЧИ.

Непривычная слуху насмешка
Въелась в массы, как чернь в серебро.
Неужели всю жизнь будет решка?
Подниматься пора на ребро!

Может долго придётся катиться
Из тайги — от ствола до ствола,
Чтобы водка не старила лица,
Чтоб судьбина легла на орла.

Чтобы вместо бутылочной звени,
Лихорадочной выгрузки барж,
Надо выйти из зоны презренья —
Стать к станку, заточить карандаш...

Я не верю, что чувства сторели,
Что сердца остывают, как шлак.
И пока есть рубаха на теле —
Разорвать её надо на флаг!

ЛЕЧЕБНЫЙ БИЗНЕС

В «народных аптеках» — звериные цены:
Владельцы плюют на труды Авиценны.
И что им болезни? Им надобен куш:
Качать день и ночь из доверчивых душ.
Ловки «фармацевты» при белых халатах,
Они, как двойняшки, в России и Штатах.
В очках, при валюте, спецы по латыни,
А бедный больной — стал беднее отныне.

МИЛЛИОНЫ ЗА ДУРЬ

Дорогой мой, любимый народ,
С сверхмозолистыми руками!
Почему артистический сброд
Охмуряет тебя вечерами?

Бытовщинкой тебя веселят,
Пережёванной липкостью сплетен.
Даже, если покажут вам зад,
Значит, ум у «жрецов» не заметен.

Будь построже, эстраду любя,
И с семьёй киловатты сжигая,
Не ограбь в этой пене себя,
Лицедейство тупиц поощряя.

«ВЕЖЛИВАЯ» ДАНЬ

Сигнал пошёл... Кто первый сообщил
Начальнику о госте из столицы?
Шеф стал во фрунт и быстро заспешил,
Чтоб вовремя в багажник класть гостинцы.
Но снедь, она для избранных — есть снедь,
Её едят в дороге и на даче.
Тут надо всё продумать и успеть,
ЧТО поднести к вкуснейшей передаче.
Гость уезжал, с поклоном руки жал
Начальнику и подначальной свите.
Шеф не дрожал. В душе — матище слал,
Которого не встретишь на иврите.

БАТОН

Есть «Подмосковный», есть «Горчичный»,
С изюмом, с маком и простой.
И все мы по привычке личной
Берём к столу себе — любой.
Но вот беда и незадача:
Цена растёт, как снежный ком.
Душа кричит, а нету плача,
Глаза пред новым ярлыком.
Ох, до чего народ двужильный,
То хлеб — горой, то ничего...
Введите в торг батон «Стабильный»,
Но цены снизьте на него.

ИЗМЕНИЛАСЬ ТРАДИЦИЯ

Силён в привычках век наш пылкий,
Друзей на час — хоть пруд пруди.
Теперь к знакомым без бутылки,
К своей родне — не заходи.

Косятся, смотрят по-иному.
Краснея, топчешься в тиши:
— Не по вопросу я спиртному,
А по велению души.

Хочу совета — как нектара,
Беседы дельной за столом,
Где чай крутой из самовара
Не подменяется вином.

МЭРзкие ЛГУНЫ

Сыпят Индюшкину,
Сыпят Курревину —
Жалко ли что ль
Золотого зерна?
В банках у этих магнатов —
Не меряно:
Льва усыпят
И накормят Слона.

«ЛЫЖНИК»

Замешан не в рублях, не в центах,
А миллиардами крутил
Сегодня — рядом с президентом,
Но чем же он ЕГО купил?

На телевизор мы — глазасты,
Но не глазасты — на закон.
И, хоть в стране структуры властны —
Как «въехал» к ИЗБАННОМУ он?!

ОСТРЫЙ НЮХ

Не все словари одинаковы.
Я многое вынес из них.
Одни — редактируют яковы,
Иваны — мышкуют в других.

К трудам приглядишься обязательно,
И станет вдруг грустно-смешно:
Вычёркивают внимательно
Всё то, что ты ищешь давно.

НУЖЕН ЛИ ПИСАТЕЛЬ РОССИИ?

(Вопрос, заданный на встрече)

Да, нужен — только книга дорога,
Читатель рад купить их очень много.
Торговля ж — эта старая карга —
Даёт возможность книгу лишь п о т р о г а т ь.

На книгу нынче сели фирмачи,
Для них она со школы не любима.
Они их называли «кирпичи»,
В кювет бросали и в костры для дыма.

Теперь, позолотивши переплёт,
Девиц, родню расставив у прилавка,
«Закупочно-издательский» народ
Решил, что за товаром будет давка.

Деньга в карманы потечёт дуром,
В гараж прибудет новая «Тойота».
И над рекою встанет белый дом —
В цвет доллара — массивные ворота.

А это понимают наверху
И действуют по дедушке Крылову:
— Пускай едят «Демьянову уху»!
Читателю отбиты руки к слову.

Так нужен ли писатель «мудрецам»
От бизнеса до лидеров «прогресса»?
Тайга у них идёт... на блеф реклам,
Для творческих людей жалеют леса.

Мир приседает от больших пиров,
Локальных войн, до ужаса жестоких...
**ПИСАТЕЛЬ — КОНЦЕНТРАЦИЯ МИРОВ
СЕГОДНЯШНИХ, УШЕДШИХ И ДАЛЁКИХ.**

«ВЕСТНИКИ»

Редакторов — навалом,
Что ни газета — ложь.
А трактористов — мало,
И комбайнёров — то ж.

КУЛЬТУРНИКИ

В музеях — лёвины да левины,
Скулят, что мал у них оклад.
Они к писателям приклеены,
А проще — в души их глядят.

Но око зоркое чиновничье
Им скажет молча, не моргнув:
— Мысль... мы всегда считаем сволочью,
Верхи сторбатились от дум.

А сами выйдут по алеечке,
Зайдут во псевдотеремок.
Там будут возгласы: — Налей ещё!
— За гениальность вещей строк!

Поблещут званьями своими,
Ударив гневом по уму:
— Бокал за Рудина, что в «Дыме»!
— И за Инсарова в «Муму»!

ПЕРЕУЧИЛИ...

Столичный цензор был довольно ловок,
Что Третье отделение превозмог:
Не вмешивался только в заголовок,
Сёк юбилей и резал некролог.

ЛЕСНИК

Живёт — за Полесье в ответе.
К нему с колыбели привык.
И все его боги на свете —
Изба, тишина и родник.

Судьба не жалеет ударов,
Порой не по правилам бьёт,
То дымом гудящих пожаров,
То порохом тайных охот.

Живёт — за Полесье в ответе,
За иволгу и за лису.
И тужит, что взрослые дети
В людском заблудились лесу.

АККОРДЕОНИСТ

Белокур, спортивнейшей натуры,
Был вечерний маг клавиатуры.
В ресторане шумном на Оке
Пел он на сердечном языке:

— Друзья, купите папиросы!
Подходи, сержанты и матросы!...
В танец поднимал он всех гостей,
Больше слов не помню, хоть убей.

Все послевоенные печали
Так аплодисменты оглушали!
И стоял он, голову склоня:
— Граждане, послушайте меня!

«Брызги, вам, шампанского» иль «Встречу»,
Иль сыграть «Скажите, почему?»
Девушки, влюблённые в тот вечер,
Поцелуи слали лишь ему!

Поучитесь, баловни эстрады,
У того далёкого певца.
Пел он не за гранды и награды,
Покоряя музыкой сердца.

А стихи — тебе я посвящаю,
И, когда в газете их прочтёшь,
Приходи, наш друг, к Святому Маю —
На широкой площади споёшь:

— Друзья, купите папиросы!
Подходи, сержанты и матросы!
К седине — седые подойдут
И в свои объятия замкнут!

НЫТИКАМ

Весна — без грязи невозможна,
И, может, тем она красна,
Что за коротким бездорожьем —
Дорога твёрдая видна.

МИХАИЛУ ПРИШВИНУ

Я думаю о Ваших дневниках,
Нелёгкая досталась им судьбина.
Полвека — мысли жили в тайниках,
Сокрытые от зоркого Грузина.

Как страшно зреть — двойную жизнь в стране,
Когда в мерзлоты — адская дорога,
Где радио вещает на волне,
Что пахарь и рабочий выше Бога...

ЧУЖЕСЛОВИЕ

В России — мэры, президенты,
Сплошная менджерская рать.
И все живут на дивиденды,
Иль как сограждан ободрать.

Какое надобно стоумье,
Чтоб госпартийный молодняк
Своё пополнил ТОЛСТОСУМЬЕ,
Когда в стране бедлам и мрак?!

СЪЕХАЛИСЬ...

Сундук с железными углами,
В седой фольге иконостас,
И внучками, и дочерями —
Всё разобралось в скорбный час.

Переделили чашки, ложки,
В шкатулке — медные гроши.
Церковным книжкам под обложки
Совали острые ножи.

Искали деньги, как малину,
И жажда так была остра,
Что даже старую перину
Распотрошили до пера.

В родном дому столь пуха вилосьь,
Он мокрый снег напоминал.
А мать за них всю жизнь молилась,
Чтоб дьявол их не искушал.

ЛЖЕРЕКЛАМА

Не верьте этикетке.
Исчез тот идеал.
Здесь точно, как в разведке:
Где выжил, где пропал.

ПОЖЕЛАНИЕ

Всё было: кони, паровозы.
Всё будет: микровертолёт
И звездолёт на всём серьёзе
К другим планетам унесёт.

Какое счастье и комфортство:
Из баксодачи — в благодать!
Но вот всемирное уродство
Никто не хочет разгрести.

Хотя ещё есть чудо-люди,
Они безжалостны к себе:
И не едят на златоблуде,
Не прячут в банках куш у. е.

В быту тяжёлом — дарят мысли,
Чтоб души не были во мгле.
И надо их к святым причислить
За бескорыстие при зле.

ГЛАЗОК

Сосед улыбается сладко,
Играет набором ключей:
— Я вставил глазок для порядка.
Пужась незваных гостей.

А то, как теплыню потянет,
Когда закудрявится мир,
Идут погорельцы, цыгане...
Простите, но я не банкир!

...Ни в чёрта не веря, ни в бога,
У двери вопросом торча,
Он мать оглядит у порога,
И сразу не впустит врача.

Дешёвая вроде бы штука,
Но власть у неё велика:
Дверным астрономом наука
Назначила мужика.

ПОПУГАЙ

Свобода... Клетка — не одно и то же,
К чему бы вроде этакий контраст?
Среди лиан ругаться он не может,
А в клетке — вмиг хозяина предаст.

В ОДНОМ СЕЛЕ

Как обойдёшься без подковы?
А нет колёс — на месте ход...
Лежат в могиле — Кузнецовы.
И не семья, а целый род.

На полированном граните
Их золотые имена.
Расстрелян каждый третий житель
Когда-то крупного села.

И дело пахнет не подковой,
Нам не свернуть с пути отцов.
К новейшей технике и к новой
Опять же нужен — Кузнецов.

Теперь повсюду их нехватка,
И под водой, и в облаках.
И Поныри, и Ольховатка
Ещё аукнутся в веках.

А эти траурные плиты
Кричат сквозь ливни и ветра,
Что не враги врагом убиты,
Врагом убиты — МАСТЕРА!

*У обелиска погибшим
воинам с. Богородицкое*

НЕРЕСТ ПРОШЁЛ...

При виде её мы почти онемели,
Стояли вблизи не дыша.
Метровая щука по мели
Выбиралась из камыша.

Повернётся на бок, то на брюхо,
То поленом лежит у коряг.
Хорошо, что с остями вдоль луга
Не видать деревенских бродяг.

БОЕВИК

Натренированная масса,
На автомате — кисть руки.
И чем-то он похож на барса,
Глаза — как острые клыки.

Приказа нет — он жаждет часа,
Пока стоит носками врозь.
И, кажется, что видит масса
Толпу бунтующих насквозь.

А как стрелять — учить не надо,
И кроме азových основ,
Затылком мощного приклада
Он расколел десятки лбов.

НА ТРАССЕ

— Старушку с внуком подвези!
Без ног — фронтовика.
Ты сам недавно рос в грязи,
Ай, память коротка?

Машину гонит за рублём,
В глазах — рублевика.
Танцует чёрт перед стеклом,
Смотрясь в его очки.

Летит асфальтовый пижон,
Лицо — круглей руля.
За этот ветреный прогон
Клянёт его земля.

ЯСНОВИДЦЫ

Все умирают в мире этом
И президенты, и бомжи,
Кто жизнь рассеял по банкетам,
Кто — брассом плавал в море лжи.

От них всегда была разруха,
Житьё в жару и на юру...
Бессмертен тот, кто силой духа —
Без фальши звал людей к Добру.

ВОЛШЕБНИК КУИНДЖИ

В нём жил художник и поэт
И что-то светлое от Бога,
Что на картине лунный свет —
Невольно хочется потрогать!

«Лунная ночь на Днепре». А. Куинджи. 1880

ВЫХОДНОЙ У ДВОРНИКА

— Важного начальника
Видится приезд.
Стыдно мне от мусора,
Что лежит окрест.

Я в деревне зорями
Искони вставал...
На конце моей метлы —
Весь мой капитал.

САРАНЧА

Над «Тихим Доном» кружит саранча,
Садится — хочет съесть его страницы,
Где стяг царя и знамя Ильича
Деревни захлестнули и станицы.

Чрез мракобесье — светится любовь,
Герои в силе чувств не виноваты.
Там пролилась такая в мире кровь,
Что мелковаты Нилы и Ефраты.

Экспертотмазь пока ещё жива,
Что в рукописи ищет запятую.
Но оторвать у автора права —
Не оторвать, как родинку, вживую.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

— Устал я от ношения оружия,
Во всех карманах прячу пистолет.
Ведь люди едут к шефу сверхдосужие
И верят в положительный ответ.

А вдруг... возникнет злость от невезения,
С попыткой **разорвать живую нить...**
Смогу ни за секунду, за мгновение
В дерзнувшем обойму разрядить.

О РОДИНЕ

В миру мимоз и ананасов,
Тюльпанов зимних и страстей,
Фет позабыт, исчез Некрасов,
Мрак — в судьбах брошенных детей.

Моя страна — мне не родная,
Хотя мне мать давала грудь.
Но почему же ты **ЧУЖАЯ** —
Который раз меняешь путь?!

То от расстрелов до Победы,
То от Победы — в небеса.
При фейерверках — только беды,
И не берёт бурьян коса.

В какую пропасть ты попала,
И как тебя со дна поднять,
Чтоб ты ещё красивей стала
И не училась миру лгать.

СИЛА

Мы не можем мудрость половинить,
Кто мельчит — по-чаплински смешон.
Если бьёт, она так мыслью двинет —
В челюсти получит лже-закон.

НАКАШЛЯЛИ...

Скажите нам, в чём люди виноваты?
Из обихода нашего ушли

Слова:

«Дай до аванса, до зарплаты».

Жила так часть немалая Земли.

Сегодня — все затянуты в джинсины,
Коттеджи, иномарки при курке.
Ну, просто — рай... Ложись на апельсины,
Бананья — при сгущённом молоке.

В глаза и в уши втиснуты приборы,
Но глаз не видно, всюду шик и шок.
Ухожены до блеска коридоры,
А в спины втихоря следит зрачок.

Спасибо, господа, вам за компьютер,
За немоту при тысячах газет.
Похоже, что покинул бункер фюрер,
И Геббельс ткнул в культуру пистолет.

Но помни, сверхсмышлёный идеолог,
Не знающий ни пашни, ни жнивья:
Век псевдореформации не долог,
Когда раскроют формулу вранья.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИКТОР

Мы скажем вновь о Левитане,
О нём молчали много лет.
Его дебют приветил Сталин,
А почему? Его секрет.

Не все евреи — есть евреи,
Был в человеке б — человек.
Возьми их Гитлер: и на реях
Висели б диктор и генсек.

Он жил в эфире, не в экране,
А в Курске — сердце замерло.
Пусть человечество помянет
Того, кто Миру нёс тепло.

МУЖСКИЕ СЛЁЗЫ

— Подлец! — сказал отец о сыне.
Ему отдал весь капитал.
Возил чиновника в машине —
С деревней связи потерял.

Не едет к матери на Пасху,
Тут не до дедовских могил.
Значок «медведя» взял на лацкан,
И в городских ушёл кобыл.

Живу один. Со мною пчёлы,
Хотя на них налёг налог.
Да разве будешь здесь весёлый?
Жизнь стала жёсткой, видит Бог!

Не знаю, в чём мы виноваты,
Была ж Победа из побед.
Быть может, павшие солдаты
Дадут отшельникам совет.

ГОСТЕПРИИМСТВО РОССИИ

Лошадь, работающая всегда,
Пахота иль жатва в пекле зноя.
На тебя садятся овода —
Утром, днём и после водопоя.

Кровопийц немедля отряхни,
Судорожной дрожью в крепком теле,
Чтоб твои века и твои дни
Эти насекомые не съели.

РАЗНЫЕ МЕТОДЫ

Рыбаки есть и те, и эти,
Но загадки есть у реки.
Голавли попадают в сети
И не ловятся на крючки.

Почему? Да нужна насадка,
Лягушонок иль уклея.
Для других — возле дна посадка,
Ширь и прочная ячея.

ОСВОБОДИТЕЛИ

Счастливы, что видим вас живыми:
Ордена, медали и значки...
Будучи в те годы молодыми,
ВЫ врага подняли на штыки.

Были танки, ЗИСы, самолёты,
Лодки, боевые корабли.
Натиск гимнастёрочной пехоты
Перемочь японцы не смогли.

Не простим, кто может ВАС обидеть
В райсобесах, в хитрости аптек.
Плачут, слёзы воинов не видят,
Патриот — кремнёвый человек.

А наступит праздничная дата,
Мы ВАМ скажем истину свою:
Кроме Неизвестного солдата —
ЕСТЬ ЕЩЁ ИЗВЕСТНЫЕ В СТРОЮ.

ПОСЛЕ РЫБАЛКИ

Усталость — дело поправимое.
Когда за гаком пройден гак.
Но ты люби своё любимое,
Когда в заплечье пуст рюкзак.

Пусть ни поклёвки, ни пескарика
Твоя не видывала снасть.
И яркий свет мини-фонарика
Не заглянул в судачью пасть.

На сон надейся, как на глыбины,
Ты был под снегом, при дождях.
Такие он подарит рыбины —
Не унесёшь их на руках.

ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ

Скоролётность шапочного снега
Тает за минуту на земле.
Ранняя весна почти с разбега
Жизнь перевернула на селе!

Пусть грязны дороги и ручьиисто,
В сапогах пролезешь не везде.
...Жаворонок в небе голосисто
Песнь поёт о первой борозде.

ШОФЁРСКАЯ БОЛЬ

— Много «мёда» пьёт Москва
С окружных дорог,
Наступая на права,
Кто на них продрог.

ОСОБАЯ СРЕДА

В остатках прежнего Союза,
Снуют при тяжести телес,
Начпрод — пузцо крупней арбуза,
Грузин-посредник и черкес.

В столице мокро или сухо,
Белугу дай и осетра,
Чтоб государственное брюхо
Набить с утра и до утра.

И вроде люди при работе,
С усталости — по-русски пьют,
Но головы у них в заботе,
Желудком мыслят и живут.

Их алфавит — Бекон, Горбуша,
Домяги, Евро, Иваси...
А что волнует эти души?
Мы не берёмся — их спроси.

МУЖЕСТВО В КРИЗИСЕ

Я удивлён поступком бабки,
Что видел — рассказать спешу:
— Подвесьте, девушка, три лапки,
Сварю в бульончике лапшу.

И женщина, что шла за нею,
И заикаясь, и бледнея,
Сказала: — Я не потерплю,
Я вам... вам курицу куплю.

— Спасибо, дочка. Бога ради,
Мне хватит и своих рублёв.
Я ещё девочкой в блокаде
Варила суп... из воробьёв.

ДЕРЗКАЯ МЫСЛЬ В ЗАЩИТУ ПРАВДЫ

Я — ни ГАИ, я — ни «Истоки»,
Ни НТВ, чем не живу.
Автомобильные потоки —
Я повернул бы на Москву,

Чтобы навстречу автоасам,
Стоял бы с жезлом Президент,
Поскольку нынче разным «классам»
Госвласти выдали патент.

То ль в коммунизм без соцпрогресса,
То ль едем мы в милитаризм.
Россию-мать с всемирным весом
За горло взял авантюризм.

Избави, Бог, от этой сути,
Для тех, в ком память коротка.
При всей капиталистской жути,
Давайте вспомним ЯМЩИКА.

Он вёз и брал на чаевые,
Но знал неграмотный мужик,
Что его Родина — Россия,
Не попадёт в капкан-тупик.

По-пушкински: Щелчком бы в темя,
Щелчок — он малый лишь протест.
Чтоб не профукали Тюмени
И Самотлоры разных мест.

Спасёт ли россиян Верховный
В прямой атаке тайных сил,
Когда растоптана духовность
И дьявол на КРЕСТ наступил?!

ТРУЖЕНИКУ

Уходокался и спи,
Ведь вставать тебе с рассветом...
Очень жаль, что наши СМИ
Пахоту начнут с буфетом.

РАССЛАБИЛСЯ

Поэты, не ходите на пиры.

Р. Гамзатов

Вместо чая попал на вино
И на целый коньячный придаток.
Помнил я изречение одно,
Что писатель болтлив, а не краток.

Не припомню, что им говорил,
Но запомнил, что гости вопили,
И, хозяину, кто пригласил,
За меня чуть башку не срубили.

ЮРМАЛЬСКАЯ ПОШЛОСТЬ

Артистическое стадо
О бюстгальтерах визжит
И туда, куда не надо,
Всунуть зрителей спешит.

Всем понятно — мы оттуда
От кудрей до седины.
Все смеются, и — о, чудо! —
Горя нету у страны.

То мелькает профиль Сарры,
Рядом с ней заштатный шут,
Что отвозят гонорары
В банки — в сторону Бермуд.

А украинские дети
При фамилии на «О»,
Всех кацапов ловят в сети
И прибалтов заодно.

Ни словечка об эпохе,
О страданиях Земли.
Надувные скоморохи
Тёщу в «юмор» запрягли.

Едут «слабые» на бабе
Вот уже который год.
Так крепки артисты лбами,
Где в извилинах — ДОХОД.

ШЛЁНДА

Не пойму в какую же минуту
Родилась в России псевдомать,
Что за пачку «ярок» и валюту
Разрешилась деток продавать.

Дочку — на панель, сынка — для гомо,
За коттедж и золото — себя.
Матерь Божья шлюхе не знакома,
Шлюха отдавалась не любя.

Чужды ей страданья и надежды,
Вся в удавке жёлтого тельца.
Это остов в дорогих одеждах
При красивой подлости лица.

НАСТОЙЧИВАЯ ПРОСЬБА

Покажите народу владельцев экрана,
Радиошулеров и интернета.
Тёмные люди поздно иль рано,
Но попадутся в полосу света.

Денег не меряно в жёсткой когорте,
Крутятся баксы не в пользу России.
Вывод на чистую воду ускорьте,
Люди заплечья — страшнее стихии.

СТРАННЫЙ ГОРОД

Здесь все подвержены интриге:
И губернатор, и судья,
И прокурор чихнул на книги,
Где светит правда бытия.

И рыбаки, что ловят рыбу,
Фасуя чёрную икру,
Тому, кого бы взять на дыбу,
Чтоб он вертелся на юру.

ЗАБЫТЫЙ ХЛЕБОРОБ

Покосилась ограда —
Значит, вымерла родня.
Ничего ему не надо
В первый день Святого дня.

Рядом — водку распивали,
Кто-то слёзы стёр платком.
Я за труд и за печали
Помянул его стихом.

В ЦЕРКВИ

Смиренной бабушкой стояла,
Подчас давала ход слезам.
Но свечи тихо изымала,
Когда пустел от службы храм.

Так каждый раз, где боль и муки
Сгибали страждущих людей.
Её кощунственные руки
Заметил как-то иерей.

Но промолчал, себя смиряя,
И недоволен был собой,
Поскольку знал, что сила злая
Есть меж рукою и душой.

ЖЕЛАНИЕ ДЕНЬЖАТ

Сверххозяйственная прыть —
Цементируют ступени.
Магазин спешит открыть
Убежавший из деревни.

Дом весь ходит ходуном
От кувалды и от дрели.
А в глубинке его дом
Скоро рухнет от капели.

Сбить скорее капитал
Так его торопит кризис,
Что он в спешке написал:
«ЗАХОДИТЕ, МЫ ОТКРЫЛИС!»

ПИСЬМО В ЗВЁЗДНЫЙ ГОРОДОК

Не сегодня — выскажитесь завтра,
Только не за кухонным столом,
Дорогие наши космонавты,
Ведь в России — трудно жить молчком.

В основном вы — русские ребята
И герои многих-многих стран.
Мы дожили до такого мата,
Шаг один — и в стаде обезьян.

Вразумите вы ДЕТЕЙ ОТ ВЛАСТИ,
Вы же старше, дайте им СОВЕТ.
И когда наступит это счастье,
Если мы в несчастье сотни лет?!

Россиянам надо-то немного:
Хлеб. Тепло. Рабочая среда.
Вы почти за пазухой у Бога
Были в искромётные года.

За письмо короткое, простите,
Не поверим в узкий ваш мирок.
Землю видя сверху — НЕ МОЛЧИТЕ!
Русь взметнула «Спутник» и «Восток»!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Спасибо Вильяму Шекспиру,
Что «Гамлет» пролетел по миру.
Но Гамлет нужен каждый век,
Пока не робот — ЧЕЛОВЕК.

ДОБИРАЙТЕСЬ, КАК ХОТИТЕ...

Седых ветеранов позвали на митинг,
Наркомовской после в застолье нальют,
А там, добирайтесь домой, как хотите —
Машины дежурной для вас не найдут.

Таксисты вразвалку сидят за рулями,
Клиент не идёт, очень плата строга.
А мимо проходят, стуча костылями,
Топтавшие в беге знамёна врага...

ЧЬЯ «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА»?

См. № 50 (4874) от 25 марта 2009

Мы бы спрашивать не стали,
Хорошо б вы полистали
Неудобнейший формат.
Заголовок — сам не рад.

Посмотрите на сюжеты,
На огромные портреты.
Мысль одна приходит на ум:
Удивился б Наппельбаум!

И участники страниц —
Не в ладу от своих лиц.
Здесь и образ Президента
Сделан в день политмомента.

Ваш престиж здесь не уронен,
Господин-товарищ Фронин.
Мы не против Померанца
В мыслях нам — не побираться.

Просто Вы должны усечь,
Что тайгу надо беречь,
Будь над Вами — синий купол.
БОЛЬШЕ ПРАВДЫ! Меньше кукол.
Чтобы выпуск федеральный
Пах бы Русью изначальной.

ВЗГЛЯД ДРУГОГО ЧИТАТЕЛЯ

— «Российская газета» в вертикали,
Верти иль не верти её, как хошь,
Напомнила собой горбы печали,
Хотя редактор вроде русский то ж.

МНЕНИЕ ТРЕТЬЕГО

— Пусть кто-то зогкий входит в гаж,
Газете надобен **ТИГАШ!**

ЗРИ В КОРЕНЬ

О заслугах всемирно трубя,
Преуспели «философы» рая.
Не посмей одурачить себя,
Лицедеевых обогащая.

СПЕЦНАЗОВЕЦ

— Авиация проутюжила
До меня боевой объект.
Я с друзьями едва доужинал —
Я — в кювете, друзей уж нет.

На Кавказе — такое видел!
До сих пор по ночам дрожу.
Ты... не будь на меня в обиде:
Дал присягу — не расскажу.

БУРАН

Звереет — никуда я не поеду,
Спидометр перегрелся от дорог.
Мне ярче надо высветить Победу,
Посколь от равнодушных я продрог.

«РЫБАКИ» ГОССТОЛА

Хвалят стерлядь и жереха,
После «Путинки» — сеть.
Рыба ходит под берегом:
В нерест — надо успеть.

Водразбойники ушлые,
На два уха — звонки.
Основательно щупают
И фарватер реки.

На плотину надеются.
Перехвачен исток.
Но природа не делится —
Рвёт и трал, и мешок.

Пусть чиновники «тощие»,
Поглощая икру,
С водоёмами мощными —
Не вступают в игру.

ПРОСНИСЬ, ИВАН!

Живут в стране такие люди,
Как на земле обетованной:
Им всё подносится на блюде —
От банка до любви экранной.

Включите радио, в пример,
С утра такую чушь городят!
Нет в их реченьях буквы «Р»,
Как будто нет её в природе.

Проснись, Иван, водяру брось,
Ведь за спиной твоей — ПОБЕДА!
И, как бы трудно ни жилось,
Ты пригласи к ним логопеда.

ОТЛИВАЮЩИЙ ОТ ЯЙЦА

И отливать-то вроде нечего:
Яйцо-яйцом, белок-желток.
Но тип из рода человеческого
Продаст навар и кипяток.

В СОВЕТЕ ВЕТЕРАНОВ

Сидит алмазная старуха,
Всезнайка, но с главой — молчок.
Хоть нет ни зрения, ни слуха,
Есть — ядовитый язычок.

Она — противник всех изъянов,
Но не на деле, на словах.
Десятки Нин, Петров, Иванов
К ней не придут уже в слезах.

Терять им время надоело
В жестокосердии её.
Чтоб не убить святое дело,
На должность надобно чутьё.

И ТАКОЕ БЫВАЕТ...

Друзья приехали, попили,
Меня подняв на пьедестал.
Все — мои книги получили,
Но жаль, никто их не читал.
Потом, почёсывая темя,
Сказали: — КРИЗИСНОЕ ВРЕМЯ.

ВЕЛИКИЙ ТЕЛЕПАТ

Кризис появился за границей,
Шёл через Манхэттен, Тель-Авив.
Был подхвачен мудрою столицей,
Россиянам уши заложив.

Где же наши стражники стояли,
«Витязи», спецназы и войска?
Мессингом он был и... прозевали,
Потому и жизнь теперь горька.

ОДИНОКИЙ БОСС

Известно, правда — выше сплетни,
А явь всегда яснее снов.
Кто гениальный был намедни,
Остался нынче без штанов.

Он голый — этот маг купюрный,
Наотмашь бивший и в лицо...
Его дворец архитектурный
Немало видел подлецов.

Теперь без масс и лент-разрезов
Идёт без прессы и кино.
Икорного тяжеловеса
Паркета нянчит полотно.

И, хоть засел он в крупных вкладах,
Имея в сверхбомонд ходы,
Одна в миру ему награда —
Проклятье граждан за «труды».

РЕДАКЦИЯ ОБЛАСТНОЙ ГАЗЕТЫ

У входа — и вертушка, и охранник,
Туда без телефона — не пройдем.
«Народный» приспособился «избранник»
Люд привечать вот эдаким путём.

Мудрец же шеф в полковничьих погонах,
Властям дающий вовремя отчёт.
Да только вот во градах и районах
Подписка под приказами идёт.

Не дай, бог, всюду «новшества» такие.
Псевдоправдисту хочется сказать:
— Иди-ка побыстрей в городовые,
Отдав печать и не казня печать.

ВНОВЬ ОБМАНУЛИ

— Куда ты с выборов спешишь?
Спросил сосед соседа.
— Да показали крепкий шиш
При лозунге «ПОБЕДА!»

ПАМЯТИ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ II

Как будто гром из мироздания,
На нас обрушилась беда.
Его Пасхальное послание
В моём архиве — как звезда.

Смотрю на образ предстоятеля,
Болевшего за свой народ.
И даже слов нет у писателя,
Чтоб выразить его уход.

Он паству звал к Добру без устали,
Был сам пред Богом на духу...
Жалею, что его не слушали
Лжецы внизу и наверху.

10 декабря 2008 г.

В ОТСТАВКУ!

Навряд ли ум их станет выше,
Освобождайтесь от божков,
Что на бумаге «чинят» крыши,
А дождь идёт из потолков.

Для них порядок нужен строгий,
Но прежде, чем с работы снять,
Они все ямы и дороги
Должны лопатой заровнять.

Глядишь, дела пойдут в округе,
Дела пойдут — не марафет.
И всебюджетные хапуги
Скулить не будут про бюджет.

ЗАКОННИКИ

Не понимаем, хоть убей,
О чём мудруют свыше,
Когда в столице — бьют людей,
В провинциях — не тише.

НА ГРАНИЦЕ

(В первый день)

Училище с отличием,
И свадьба позади.
Лишь не хватало ордена
На молодой груди.

Но там, где надо орден бы
За подвиг прикрепить,
Из автомата... очередь,
Которой не забыть.

СПЕЦЫ

Тончайше разбираются в налогах
Под видом благоденствия страны.
Фальшивые улыбки в каталогах,
На деле — по-акульему хищны.

УЛЫБНИТЕСЬ ЧЕРЕЗ БОЛЬ

Часть вторая

КОРМИЛЕЦ

— Родня? Родня уже чужая,
Её примял комфорт и шик.
Она на праздник приезжает,
Чтоб здесь принять за воротник.

Скажу вам правду, я не брежу,
Надеюсь, все меня поймут:
Как поросёнка я зарезу,
Поспеют гуси — тут как тут.

Везут ко мне сынков и дочек,
И уезжают, кто куды...
Лопаты, тяпки не заточат,
Не принесут ведро воды.

ФОНДЫ «РАЗВИТИЕ»

В стране их развелось уже немало,
«Фельдегерский» в запале аппарат.
В крестьянство окунаются за салом,
Дешёвыми опилками копят.

Так молоко на виды разделили,
Что в нём осталась тень от молока.
И «Рамою» Отчизну обрамили,
На сливочное — память коротка.

Под фурами сгибается дорога,
В глазах у генеральных — только чек
И щупальцы мощнее осьминога,
Где вместо рыбы — схвачен человек.

СТАРЫЙ КУРИЛЬЩИК

У подводника жёлтые пальцы,
Лоб изрезали волны морщин.
— Мы в Атлантике били германцев,
И на Тихом — был бой не один.

Дед мне машет матросскою фляжкой,
Мол, давай по глотку заодно.
И сказал перед сильной затяжкой:
— Мы же «Тирпиц» пустили на дно.

БЕСТАЛАННЫЕ

Я о своём таланте много знаю...
Сергей Есенин

Талант лишь временно хоронят.
Хоронит тот, кто умер сам,
Кто услышал в набатном звоне
Призывы к бурям и громам.

Такие —
Всё отдать готовы
За гробовую тишину.
А СЛОВО?
Прорастает СЛОВО —
Идёт и вверх, и в глубину.
Какая силища живая!
ТАЛАНТ —
Я бью тебе челом
За то, что мёртвых убиваешь
На этом свете и на том.

ЧУЖОЙ

Был прислан сверху в область человек,
В нём не был ни крестьянин, ни рабочий.
Как аппарат, нам выдающий чек,
Доклад он молотил с утра до ночи.
Не видя зала, звал он граждан в рай,
Ни ям, ни гор, болот не замечая.
И от трибуны шёл командный лай,
Почти точь-в-точь ГУЛАГ напоминая.
Вязал снопы обкатанных цитат
Из тех томов, к которым люди глухи.
Вжимаясь в кресла, монолитнел штат,
Поскольку был научен в этом духе.
Тут молоко не только привезёшь,
Подойшь даже львицу от испуга...
А где-то в поле колосилась рожь.
Звала к себе хозяина и друга.

ПАМЯТКА

Жадны же наши богачи,
Чужие — пред людьми в ответе.
Как на утробу ни ловчи —
ХАРЧЕЙ НЕ БУДЕТ НА ТОМ СВЕТЕ.

НА ОЗЕРЕ

Играет волнами погодка
В преддверии лихой зимы,
Да так, что в мыс воткнулась лодка
С шипящей пеной у кормы.

ЭЛИТНЫЕ ДОМА

Какие люди во дворе!
И академики, и боссы,
Советник, живший в Анкаре,
Гэбисты и единороссы.

И дворник, раньше чем заря,
Сгребаёт всё при малой силе.
Кивает, тихо говоря:
— Меньшие братья победили.

А те, при ромбовых значках,
За чьих собак метлу ломаю,
Ни днём не видят, ни впотьмах,
Как я всю нечисть убираю.

Я сотни перемёл дворов,
«Хрущёвки» были и бараки,
Но я не знал такой клоаки,
Тем более, тройных замков.

ПОПЫТКИ ЗАБВЕНЬЯ

Среди драконовских устоев,
Когда друг друга бьют под дых,
Стихи слагаю в честь героев,
Которых нет уже в живых.

Поклон вам, бабушки и деды,
Поклон юнцам и молодым,
Что вы до Знамени Победы
Легли под знаменем Святым.

Слезой горючей вы обмыты,
Мы сбросим натиск чёрных сил,
Чтобы кладбищенские плиты
Вовеки дьявол не крушил.

ЖУРАВЛИНЫЙ КЛИН

Летел красиво в полдень ясный.
Мы не устали вслед смотреть,
И, слыша с неба оклик частый —
Хотелось с ними улететь.

ПРИЦЕНКА НА ДОРОГЕ

- Куда гусей везёшь, дружище?
- Базар всё вымотал нутро.
- Давай за каждого полтыщи,
Тебе и потрох и перо.

ПОСЛЕДНЯЯ ХАТА

- Говорю со старшиной,
Умер хутор дальний:
— Правит кто теперь страной?
— Молодой, да ранний.

- И согнулся инвалид,
Разжигая примус.
— Ну, а как на то глядит
Генералиссимус?

- Будь он проклят, чёрт рябой,
Смерть — его мегрелу.
— Вы с наганом не за мной?
Я готов к расстрелу.

- Немец выбил всю семью,
А родню угнали.
Надо пить... но я не пью,
Не ношу медали.

Их два десятка насчитали,
Когда урезались харчи.

Потом размах был сильно сужен,
Пример не ставился в пример.
И двадцать первый был разрушен
При смене власти в СССР.

Менять названия — не новость,
Но мыслю я такую гну:
Не привела бы тупиковость
К обрыву дивную страну.

НА СЕВЕРЕ

Карабин — как синоним юрты,
Вертолёт — как дружок Москвы.
Почему же собаки тундры
Колбасу не едят? Увы!

Местный житель от госотстрела
Уморился от супер-лыж...
— Нам говядина надоела,
Оленину — жуёт Париж.

На здоровьице, франц-столица,
Но мы просим своих «ребят»
С россиянами поделиться —
Тем, что там уж давно едят.

СПАСИБО!

Стремитесь к премиям!

Совет читателя

Нам гранды не нужны,
Всегда опасны гранды.
Из кризисной страны —
Шлём мысль в Тибет и в Анды.

ГРУНТОВОЙ КОЛЕЁЙ

В узлах истрёпанная упряжь,
Ходок — заморен и истёрт.
Хмельной мужик обычным утром
Кнутом кобылку рьяно бьёт.

Полегче бы по косограмм:
Так можно сметить раной лоб...
Но, развёрнутому мотором,
Рысь тихоходна, дай галоп!

В сивушной ругани нахала
Острее пахнет конский пот.
Ну, а запалит, буркнет: — ПАЛА!
Амбар фуражный упрекнёт.

ПРОЕЗДОМ

Дороги в Ливнах так ровны,
Что крутишь руль, дрожа,
Ведь на булыжниках видны
Копыта мятежа.

ОПОЗОРИЛИ МЕНДЕЛЕЕВА

(шизометалл)

Вы неверие отбросьте,
Сковородка — центр стола.
Верьте, жарить даже гвозди,
Та, чугунная, могла.

А теперь одна беда:
Не печёт сковорода
Ни оладьи, ни картошку —
Людам сделали подножку!

Вся блестит и крутобока —
Обманули нас жестоко.
И не в том, что денег жаль —
Отефалилась «туфталъ».

МОНОЛОГ БЕЗРАБОТНОГО

— По прессе с губернатором знаком,
Но я прошу вас, чтоб по всем каналам
Не просто шикнуть, шикнуть с ремешком
По задней части всяким чинодралам!

Чтобы они, придя к столу домой,
БОЯЛИСЬ СЕСТЬ при виде антрекота,
Сказав жене, друзьям, семье родной,
Что завтра день строжайшего отчёта.

ВАЛЮТА ПЕРЕВЕСИЛА

(Свои-чужие)

— Прощай, село! Прощай, столица!
Съезжаем мы на острова.
Пусть у кого-то вздрогнут лица,
Кто мог отнять у нас права.

— Мы — иностранцы, иностранки,
Но проживём в другой стране.
Наш «труд» вошёл в крутые банки,
Где драгоценности в цене.

ВОЗМУЩЁННЫЕ ПТИЦЫ

Кричат весенние грачи:
— У вас рвачи, рвачи, рвачи!
И жуток воздух, где летаем,
Что даже гнёзда покидаем.
Хоть улетай опять назад,
Кто нам устроил радиад???

ОКРУЖИЛИ

Куда б ты ни зашёл — везде стоит охрана,
ГАИ — на бугорке, на площади — наряд.
В уютном кабаре в погончиках «Сюзанна»,
А у пивной с утра дружинники стоят.

Спасибо господам за добрую заботу,
Что вы проникли в нас... поверхностно пока.
Вы в буднях начеку, тем более в субботу,
Но у гранат порой срывается чека.

НЕНАВИСТНИКИ ПУШКИНА

Они в любой есть области,
Их не пробьёшь стихами.
Ничтожные до подлости
С «народными» правами.

В живую прибыль впавшие,
Жалеющие снега,
И двойки получавшие
За «Вещего Олега».

КЛЕТОЧНЫЙ АКАДЕМИК

На кафедре томился он всю жизнь,
Втихую изучая матерьялы.
То верил, но с оглядкой, в коммунизм,
Теперь поверил твёрдо в капиталы.

И вынырнул на радио-экран,
О дне морском рассказывая байки,
Да так, что удивилась даже РАН,
Что их коллега мастер на утайки.

— Нам океаны будут помогать,
И голод нас глобальный не коснётся.
Из глубины должны мы пищу брать,
Ведь водам — достаётся больше солнца.

Так выплыло учёное ничто,
Рецептик предлагая эпохальный,
Когда великий труженик Кусто
Давно раскрыл подводные нам тайны.

Стыдись, «знаток», не знающий лагун,
За мысль чужую — следует расплата.
Попался, как акула на гарпун,
За скользкую идею плагиата.

МЕЧТЫ И ДЕЛО

О, всероссийское пространство!
Стал клочок земли уже не наш.
Уходит в прошлое крестьянство,
Пришёл приказчик и торгаш.

Они похожи друг на друга,
Роднит их баксоаппетит.
В них что-то есть ещё от плуга:
Не впрягся в пашню, но блестят.

Старайтесь, будем очень рады,
И отвечайте головой!
Хлеб не везите из Канады,
С родных полей берите свой.

ПАМЯТИ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

*В Японии и США изданы
десятки томов о Второй
мировой войне, у нас — 12.
Почему?*

В странах зарубежья преуспели —
О войне издали много книг.
А вот мы — т а й г у для книг жалели,
Убивая истину живых.

ОТРИНЬ СОБЛАЗН

Подвержен мир сплошным интригам,
Порой не верится глазам,
Как сытый люд идёт по книгам,
По флагам, нотам и холстам.

Какое им владеет чувство,
Чему он рад, красу губя?
И почему он суть искусства
Так изгоняет из себя?

Отбросив в сторону газеты,
Увидел, где его судьба:
Ножи, наркотик, пистолеты
И автоматная пальба.

Стремится он туда, где слаще,
Где царство гульбищ и пиров,
Но попадает в «чёрный ящик»
Небесноземных катастроф.

Порвав в пустых надеждах шкуру,
И, натолкнувшись на обман,
Не плюй в великую культуру,
Не опустишь до обезьян.

КОММУНИСТ

— Мордастая партия!.. Я говорю:
Объелась кремлёвского супа.
Я жизнь проверяю по Октябрю —
От голода умер Цюрупа.

Нарком! Разве хлеба найти он не мог?
Иль чаю б не выпил из блюда?
А вы государственный жрёте пирог,
Да так, что аж уши трясутся!

Я Шишкинских с детства люблю медвежат,
Медведи не жадные, кстати.
А вклады у вас за границей лежат,
И здесь вы при «тощей» зарплате.

Россия, ты снимешь тяжёлую боль,
Когда их доходы возьмёшь на контроль.
Пусть действуют русские банки,
Не падай до содержантки!

ГОВОРИТ ПЕХОТА

— В боях не ели бутерброды,
Нам кашу — вовремя доставь!
Переходили реже броды,
Но реки — чаще брали вплавь.

У них — гармоника губная,
У нас — одна на сердце боль:
Как выбить недруга из рая,
Что напророчил им Адольф.

Плакат Л.Ф.
Голованова. 1944

ШАХТЁР НА МИТИНГЕ

— Не верю мордастым мздоимцам,
Прошедшим по тысячам душ!
Когда же появятся ЛИЦА
В столичном обличье чинуш?

ПРОПАЛИ ЗА СМЕЛОСТЬ

*И на мух, и на блох
Наложили продналог.
Частушка давних лет*

Её когда-то спела молодлица
С румяным гэпэушником в кругу.
И пара эта милостью ревнивца
Была навеки сослана в пургу.

Сегодня он всю клянёт налоги,
И прав, плешивый, нечего сказать.
А надо бы в норильские берлоги
Вот этого доносчика сослать.

ЛЕТОПИСЕЦ

Труду он предан без гордыни,
Но кто всегда за ним следит?
Шестиголовый Змей-Горыныч,
Сверхизучивший алфавит.

Какой бы памятник поставил
Наш скульптор — Клыков Вячеслав,
Прибавив к всероссийской славе
Мысль мудреца — среди держав?

ЗОРКОСТЬ

Полёт у ястреба хорош,
Парит он вроде бы без толку,
Но не спасает даже рожь
Замеченную перепёлку.

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Самим вам Богом велено,
Чтоб истину не рвать:
Похороните Ленина,
Где спит в покое мать.

Сльвёт же площадь Красная
Во всей своей красе.
Россия — не опасная —
Пусть знают вся и все!

ПРЕДИЗБИРКОМА

Семь должностей сменил и был отличник,
Ему оценки ставили верхи.
Был офицер, стал генерал-опричник,
Набрислся на прозу и стихи.

А где же избиркомовская честность?
Где правда при подсчёте голосов?
Техшулерист угнал их в неизвестность
И совесть крепко запер на засов.

ШТРИХИ К АВТОБИО

Пресс-шеф, обласканный вояжем,
Сверхбизнесменством всех мастей,
Сказал: — Рассохиных накажем
За поучение властей.

Ну, а Рассохины такие;
Тревожат Рим, трясут Москву,
Лжецов за таинства морские
Бьют не во сне, а наяву.

Пусть Тель-Авиву непонятно,
Что Палестину — не стереть.
Мы даже солнечные пятна
Желаем лучше рассмотреть.

СКОРБНЫЕ ВЕХИ

Куда мчится Русь-тройка?
Вопрос почитателя Н.В. Гоголя

Сегодня водители — асы,
Быстрее, чем коньки-горбунки.
По обе стороншке трассы —
Оградки, кресты и венки.

Конечно, беда — в самогоне,
Беда — коль заснул за рулём.
Но жизни — уходят в погоне
За кратким и длинным рублём.

Кто гонит моторы нещадно?
Ответят с матком шофера:
— «Мудрец», узаконивший жадность,
ДИКТАТОР — в личине добра.

СУДЬБА

Во вселенском шуме,
Что правдив и лжив,
Для кого-то — умер,
Для кого-то — жив.

ПЧЕЛИНЫЙ МАГНАТ

Он всё о пчёлах изучил
Вплоть до страниц «Войны и мира»,
Потратив очень много сил,
Живя под прозвищем «Вампира».

Кричат в деревне стар и млад,
Привыкшие вставать по солнцу:
— Мы не пройдем в цветущий сад,
К реке и к старому колодцу.

— Замучил нас ульёвый царь,
Где ни ступни — везде нет хода.
Округу жалит господарь,
Топя свой ум в бидонах мёда.

«ОХОТНИКИ»

- Мы так «сдружились» нынче с кабанами,
Что нажимать устали на курки...
— А ЧТО тому, кто вслед придёт за вами?
— Музейные — щетина и клыки.

ОДИНАКОВОСТЬ ОТКАЗОВ

Нам художник говорил,
Как писал Генсека.
Он угробил уйму сил
Ради человека.

Думал, будет гонорар
При большой работе...
— Принимаем мы ваш дар!
Знаем, вы не против?

— Демократ теперь, марксист —
Ушлому «народу»
Говорю: — Я — пейзажист,
Еду на природу!

ИЗ МОЛОДЫХ — ДА РАННИЙ

Один чернявенький юнец
От спорта вышел в депутаты.
И, детвору загнав вконец,
От каратэ — летает в Штаты.

КОНТРОЛИРУЮЩИМ БЮДЖЕТ

Нам деньги «ваши» не нужны,
Обходимся без них.
При баксомании страны
Люд хочет новых книг.

Кремль далеко от их Прилеп,
От Волчьих Ям и дыр.
Не стыдно ль вам съесть их хлеб?
А РУССКИЙ где Шекспир?

Нельзя народ всю жизнь толочь
При сваре мировой.
Продлите людям день, а ночь
Придёт сама собой.

МОЛЧАНЬЕ УМНЫХ

Дивлюсь спокойствию людей,
Кто так далёк от пут интриги.
Когда чиновник-фарисей
Им шлёт удавные вериги.

БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ АЛЧНОСТЬ

Львов и пантер... престиж-редакций
Лишь стервенит паденье акций.
При аппетите златоустом
Противников сжирают с хрустом.

НАРКОМАНЫ АСФАЛЬТА

Дорогие ГАИ! В наше жёсткое время
Вы мне ближе по трассе, чем стиль МВД.
Вы — послушники знаков, и мы в той системе,
В зной и в град, и в метель, и по вешней воде.

Есть разбойная каста рулевых на дороге,
Это каста непьющих, но монстров аптек,
Для которых давно не кумиры спиртбоги,
Ими в бешеной скорости смят человек.

Отловите их жезлом — по совести долга,
Отловите убийц стариков и детей.
Пусть не грузят страну жутким виденьем морга,
Потому что в стране мало солнечных дней.

ОШИБКА

Как мог нам священник сказать
На митинге и на экране:
— Казанская Божия Мать —
Явилась ещё до КАЗАНИ.

ПЕРЕЕХАЛИ В ГОРОД

Деревня — осталась деревней,
Какой бы этаж кто ни взял.
Чуть смерклось — по практике древней
Все спят — за кварталом квартал.

Зато, как огурчики, утром,
И жёны встают, и мужья,
И мчатся по разным маршрутам
По жгучим вопросам житья.

Им гений, политик не нужен,
Свою сократить бы беду.
Скорей бы садится за ужин.
Обед у них был — на ходу.

УСТАВНЫЕ КНИГИ

Энциклопедии режимов,
Что клялись нациям в любви,
Вы столько знали херувимов,
Чьи крылья белые в крови.

СПУТНИК

Вот и постарел любимый Шарик,
К конуре подполз и лёг у дров.
А, бывало, звонким своим лаем
Он встречал и добрых, и воров.

Деревушки все вокруг известны,
Все ходы прошёл наискосок.
Над дворами — жалкое скуленье,
Неохота псу в иной мирок.

Не скули, подслепший бедолага,
Прежней прыти годы не дадут.
Твой хозяин финна бил и немца,
А родные — строчки не пришлют...

СТАРАТЕЛЬ

Областной фараон пирамиды не строил:
Португалил, швейцарил, Манхэттен любил.
Он всегда в человеческом крике и вое
Намывал золотишко и там же... КОПИЛ.

СПЕШАЩИМ В МЭРИЮ

Что вы мчитесь за советом,
Ваши просьбы — вам же кнут.
Все избранники при этом
С вас — налогами живут.

Прикрывают их газеты,
Телерадио — своё.
Ваши мощные пикеты
Понимают, как враньё.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Морозом напоследок обжигая,
Слегла зима в урочище лесном.
И речка, из-под снега выбегая,
Сказала, что повеяло теплом.

Прилётный чибис бегаёт меж кочек.
От звонких трелей небеса звенят.
И листья к свету из набухших почек
Всею силой жизни вырваться спешат.

РЕДАКТОР-КЛЕВЕТНИК

Громил подвальными статьями
Тех, кто к неправде был суров.
В прокуратуру — шёл с усами,
Оттуда вышел без усов.

ЗЕМЛЕПАШЕЦ

Случаются в жизни моменты,
В ней всё есть — паденье и взлёт.
Уходят вожди, президенты,
А пахарь Планеты — живёт.

Учитесь труду у собрата,
Что пашет в зарю и в закат.
Пусть жизнь у него не богата,
Он духом богаче в сто крат

Того, кто глаголет часами,
Чья пашня — извечная ложь,
Кто мчится с «мигалкой» полями,
Забыв, где пшеница и рожь.

ВЫЖИЛ

Близкие в Сталиногорске...

Из письма.

Две медали «За отвагу».
Плен. Побег.
Путь лежал теперь к ГУЛАГу —
В колкий снег.

Не захныкать — не заплакать:
Долгий срок.
Сосны валются на Запад.
На Восток...

До родных докостылял,
Жёлт, как воск.
...Без вождя уже стоял —
НОВОМОСКОВСК.

ОБЛЕНИЛИСЬ

Включишь телик: опять «Соловьиная роща»,
Винокура тревожит зловредная тёща.
В примадонну эстрадную Галкин поверил,
Побоялся верхов, говорят, о т п р е м ь е р и л.
Петросян и супруга к высотам не тянет,
И в быток быстровато чета п е т р о с я н и т.
Хорошо, чтоб хозяйчиков баксоэкранов
Припугнул бы разочек...

СТАЛИН-ХАЗАНОВ.

ПЕРЕВЁРТЫШИ

Патриарх ушёл — у них салют.
Кто они — вы знаете воочью.
Это те, что банками живут,
Сами грабят их и днём, и ночью.

Нехристи — по выходкам видны,
Мы просты — они всегда на связи.
В беды — уезжают из страны,
В дни Победы — льют ушаты грязи.

ТАКСИСТ РАЗОЗЛИЛСЯ...

— Можно всё поставить в рамки,
Но есть фокус на Земле:
Расплодились в мире самки
За рулём и при руле.

«Мерседесят» и «тойотят»,
Мчась с мобильником в «рено»,
В сногшибательной охоте —
Взять актёра из кино.

Кто их выгнал на панели
Исковерканных дорог,
Чтоб они на шею сели
Без любви и без тревог.

На педали нажимают,
Одурев от шашлыков.
И младенцев не рожают,
Превратившись в мужиков.

ГИГАНТСКИЙ АППЕТИТ

Иноверцы «Мономаха»,
Как туземцы Кука, съели.
Где же фильм суперразмаха,
Миллионы — где осели?

Зритель наш поверил в Солнце,
Князя Солнышком ведь звали.
Почему же венценосца
Сквозь столетья обокрали?

Надо стряпчих от экрана
Отучить от евромасти.
Алчность личного кармана
Не боится... высшей власти.

ЭФИРНЫЙ ЛЖЕЦ

Ни стыда, ни совести,
Лезет вон из сил.
Он цифирной повестью
Граждан усыпил.

А ведь утро раннее,
Надо по делам.
Лектор со старанием
Бьёт по головам.

Я б ругнул чиновника
В лице «мудреца!»
...В корпусе приёмника —
Не видать лица.

К ВЫСОТАМ СПОРТА И ДУШИ

Да здравствует Олимпиада!
Она прекрасна и светла,
Хотя народ — на грани ада,
Верхи — опухли от бабла.

Кто против — нам футбол отраден,
Чтим каратэ, пошли в у-шу...
Не жмите тех, кто обокраден,
Не дайте волю торгашу.

ИСПОВЕДЬ

— К «врагам народа» я был пылок,
Да разве знал, что он — комкор.
Я выстрелил ему в затылок,
Когда кончался коридор.

В журнале как-то мне попался.
Не я ж ответственный за смерть...
Он молодым в глазах остался,
А я сухой стою, как жердь.

ЖАЛОБА ПОДЧИНЁННОГО

— Из кабинета в кабинет
Не мог я перебраться.
Работал с шефом — двадцать лет
И ненавижу — двадцать!

ПОСЛЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

— Мы многое увидели,
В новейший век входя.
— Ты строил Храм Спасителя?
— Так выноси вождя!

Хмельной, но не пропойца,
За всех вмешался вдруг:
— Грузин пусть здесь покоится,
Симбирца — в Петербург.

Сказал тут горец истово:
— Рас мавзалэй на слом,
Ми Стальнына-марксыста
В Тбилиси унесём.

В плаще эпохи Брежнева,
Мужик вздохнул: — Беда!
Зачем, какого лешего,
Протиснулся сюда?

Глотнул из фляжки водочки,
Утёрся рукавом.
С Зюгановым молодочки
Прошли под кумачом.

За ними шла с вопросами,
При помощи локтей,
Толпа единорогая
Остриженных парней.

Охрана не обиделась,
Нарядам дан отбой.
Что драка — не предвиделась.
Жестокий мордобой.

ПОЧТИ АФОРИЗМ

Мы слышим народную боль не впервые,
И вряд ли кто скажет, что это враньё:
Всё хуже и хуже живётся в России,
Всё лучше и лучше — подонкам её.

ВЕРЬТЕ В СЕБЯ !

В Россию можно только верить.

Фёдор Тютчев

Давайте верить не в Россию,
А в тех, кто на разбеге лет
Не предаёт за чаевые
Страну, что краше в мире нет.

Держать в узде пришедших к власти
Вольны не судьи, а народ.
Тогда исчезнут все напасти —
И к власти не придёт урод.

НА ОШЕЙНИКЕ

Беспринципнейшие поэты,
Пёстроклоунские певцы,
Хоть глотаете вы МОНЕТЫ —
Вы подлее — чем подлецы.

«ВЕРУЮЩИЙ»

Он был миллионер,
Брал под контроль дороги.
Теперь — миллионер,
С дорог — ушёл в отроги.

Там дача у него,
В пруду — карась, стерлядка.
Он верит в Божество:
Богиня жизни — Взятка.

«КНИЖНИКИ»

Магнаты двинулись за словом,
Себя затиснув в переплёт.
И лезет денежная сволочь
Туда, где — истина живёт.

Забив киоски и прилавки,
Стоит «писательская рать».
Накинув Родине удавки,
Хотят в историю попасть.

Но красота цветных обложек
Общероссийских воротил
При позолоте не поможет
Тому, кто кровь людскую пил.

НУЛЕВЫЕ ЛЮДИ

— Ты куда ведёшь, поэт?
— Мы же — нулевые.
Месяц, как работы нет,
Что нам — в постовые?

Ну, а ежели вся страна
В МВД помчится?
Мисс Вселенная... нежна.
Детям пригодится.

Помоги-ка, Пушкин наш,
Нам притокориться.
Пусть поверит в репортаж
Жёсткая столица.

Пусть опомнятся вверху
С зарубежной скуки:
Гнули Курскую дугу
Золотые руки.

Братья наши и отцы
Пушками и бронью
Разнесли во все концы
Свастику тевтонью.

Пусть вернут нас на завод,
Под родные крыши.
Мы — не нулевой народ,
Нулевые — выше.

АПРЕЛЬСКАЯ РАДОСТЬ

Весь день ловил уклейку,
Хоть знал — под нею — язь.
Клевала шустро мелочь,
На солнышке искрясь.

Промчалось быстро время,
Домой пора шагать.
В садок под вечер глянул —
Улова не поднять!

БЫВШИЙ ЗЭК НА РОДИНЕ

— Судьба меня хранила,
Но в дом я ни ногой:
Супруга доносила
И тесть брал под конвой.

В кошмары перегиба —
Их смерть не обошла.
Им за «труды» — «Спасибо!»,
Но Воркута — спасла.

ФУРШЕТНИКИ

Непросыхающие лица
От вернисажей, спорт-систем,
Все горсоветы и столица
Подвластны фразе: «Пью и ем!».

Едят и пьют во имя шайбы,
Театро-пошлости, картин,
В багаж семей бросая слайды
О тех, кто ныне властелин.

А властелины оДЖИПели,
Икра в застолье и коньяк.
Есть входы в банковские щели,
В суде Верховном — есть свояк.

За сверхуспехи пьют глотками,
И даже рюмкам тяжело.
Они залапаны руками,
Кому в аферах служит зло.

УРОК ИСТОРИИ

Жестокость сечи не опишешь словом,
Свет пересилил наважденье мглы:
Сломали крылья в Поле Куликовом
Степные всемогущие орлы.

И память не померкнет о Победе,
Ничем нельзя Россию шельмовать.
Пусть ближние и дальние соседи
Себя не тешат мыслью: НАПАДАТЬ.

*Сергей
Радонежский*

*Дмитрий
Донской*

*Единоборство Пересвета с Челубеем.
Картина М.И. Авилова*

ЗОЩЕНКО В БАНЕ

Не мыться он туда пришёл,
А посмотреть через полвека,
Как унижает человека
Чиновно-МЭРзкий произвол.

Расценкам бешеным — заслон.
Людей не превращайте в стадо.
Пришедший париться — не слон,
Ему воды немного надо.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Я умных женщин не люблю,
И убедился в том воочью.
Их головы всегда к рублю
Склоняются и днём, и ночью.

О, как блондинки хороши!
Слились в шатенках все красоты!
Для них ничто порыв души —
Их просто ловят на банкноты.

ЭХО ТРАГЕДИИ

На воронку мы в лесу напали,
Вздогнули от жуткости судьбы:
Череп на дне её лежали,
Словно перезревшие грибы.

Видел бы кто это из «великих»,
Кто по картам знал кошмар войны.
И, хоть было море земляники —
Не согнули к ягодам спины.

Красными мы вышли на опушку,
От волненья выбившись из сил,
Проклиная вражескую пушку,
Чей снаряд в окопы угодил.

ПСЕВДОАКТЁРАМ И ПСЕВДОПЕВЦАМ

Вы любите страну ? Что за обман?
Смеётесь вы всем недругам в угоду
И туже набиваете карман,
Когда карман урезали народу.

ПОЛЯРНЫЙ ВЗГЛЯД

На днях скончался идеолог,
Чей путь в стране был очень долог.
Но прежде чем, как сам почил —
Жизнь тысяч граждан сократил.

НЕ ТОТ ИЗБРАННИК

Юбилейный Орёл обезглавлен,
Мэр-мошенник куда-то сбежал.
А народ, когда подписи ставил,
Разве знал, что он вхож в криминал?

Только странно, что власти беззубы,
Лицемерная пресса юлит.
Вроде ищут — привлечь по суду бы,
Где «бугор» — кто-то тайну хранит.

Проверяются люди терпением,
Глядь, забыли: другие в бегах...
Потому что фемидоблужденье
Под контроль не берётся в верхах.

Избиратели требуют кары,
Чтоб в тюрьму его вёз караул.
Он не только надул Чебоксары,
Он Россию преступно надул.

12 июля 2008 года за 24 дня до
5-го августа — 65-летия освобождения
Орловщины от немецко-фашистских
захватчиков.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Ехали на тройках с бубенцами,
В лимузинах мчитесь вы теперь.
Вам не до луны над облаками.
Что тулуп? Когда открыта дверь

В тёплые, уютные хоромы.
И зачем вам вихре-снежный путь.
Если не дадут светлано-томы
После вакханалии вздремнуть.

РЕГИОН РАЗВРАТА

Мы не знаем, что к чему,
В чём людское счастье.
Люд здесь чтут не по уму,
А по нижней части.

ВЫРОДОК

Если б знала о взятках мать,
Как сынок будет «жить» на свете.
Не решилась она б рожать,
Видя в будущем цепи эти.

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

У России заступников нет,
И не будет при лживой свободе.
Потому что при силе побед
За узду нас валютчики водят.

Да откройте вы банки свои,
Чтобы не было гражданам трудно.
Пусть сбегают от нас холоуи,
Словно крысы с тонущего судна.

ТУПИЗМАТИКИ

*В 60-х годах появились физики и лирики,
XXI век породил новый термин.*

Они на Севере и Юге
Промёрзло-выжженной Земли.
Держа народы на испуге,
Его в теракты завели

На Ниле, Ганге и на Тигре,
Где снежный барс и где верблюды.
Клан скорпионов тащит в «игры»
НЕ ПО-ЛЮДСКИ живущий люд.

А человеку много ль надо?
На нём и так висят грехи.
Его, трудягу, гонят в стадо
Академичные верхи.

Ответьте, макси-олигархи,
Над кем ваш взвился жёсткий кнут?
Скатиться можете до плахи,
Страшней — когда вас проклянут.

ГОГОЛЬ НА ЯРМАРКЕ

Пудами сало можно есть!
Горилка с перцем — к ней колбаски.
Казённых ряженных не счесть,
Да вместо лиц — сплошные маски.

КАЛИФАМ НА ЧАС

Для вас народ, конечно, быдло,
Вы с ним не вступите в союз,
Когда похож он на повидло,
На скользкость угря и медуз.

Но в жизни есть метаморфозы,
Пусть эти миги коротки,
Когда, терпя, вам дарят розы,
Сажая после на штыки.

ФРАГМЕНТ БЕСЕДЫ

Как-то в плену ностальгии
С другом присели за стол:
— Умер читатель в России —
ЖИТЬ в телевизор ушёл.

В мусор забросил он книгу,
Мир у него на дому.
Только огромную фигу
Кажут каналы ему.

Видит убийства и пьянку,
Путь, где слабы тормоза.
Вывернули наизнанку
Душу его и глаза.

— Правильно, друг мой, неплохо
Мыслишь ты так не один:
Чем костоломней эпоха —
Мелочней — гражданин!

СОВЕТ ЭКСТРАСЕНСА

— Прими, родное человечество,
Рецепт, проверенный веками,
Что алчность — войнами не лечится,
Её — уничтожайте сами!

ДЕТИ И ОТЦЫ (Музейный этюд)

Милые амчане, строгие орловцы,
Приезжая в праздник сердцем отдохнуть,
Знайте, что в культуре есть такие овцы,
Кто забыл тропинку, тот не помнит путь.

Люди постарели на «Отцах и детях»,
В Спасском принимают боссов и вождей.
Но творца работы, так не рассекретив,
Дух «литероведов» — снижен до рублей.

Знаем, госусадьба под контролем власти,
Знаем, что поэтам — слово не дают.
Но зато скрипачки и певцы о счастье,
Став спиною к Дубу — ни о чём поют.

Радость-то какая: мчит Тургенев в бричке!
В благостном поклоне пожилой актёр.
Со своим «Каноном» — робот по привычке,
Балаган снимает штатный репортёр.

А в газетах завтра — лошадь крупным планом,
За спиной возницы церковка вдали.
Классик машет шляпой Марьям да Иванам,
Что его творенья за век не прочли.

Некогда всё было: войны да несчастья,
Бытовые дразги, тяготы с детьми...
Но соцдепартамент по культурной части
Сам себя похвалит в подчинённых СМИ.

НЕОБЪЯТНАЯ РОДИНА

Нет, мы не можем гладить вязью
То, что коварно и темно.
С великой подлостью и грязью
У нас Отечество — одно.

Никак оно не разогнётся,
Мы по-уэллсовски — во мгле,
Хоть получаем БОЛЬШЕ СОЛНЦА,
Чем страны мира на Земле.

ОСТРЯК

Он в «Книжный мир» зашёл хмельным,
Ввёл в краску продавщицу:
— Побольше секса — молодым!
Равняйтесь на столицу!

Дай «Камасутру» посмотреть,
Запомни мысли Веньки:
Должна Россия молодеть,
НО ТОЛЬКО НЕ ЗА ДЕНЬГИ!

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

— Мы пьём за Русь.
За отчий дом,
За то, чтоб в мире было вольно,
Но почему в краю родном
Так государство бесконтрольно?!

ПОГОЖАЯ ОСЕНЬ

Листва ржавеет на дубах,
Дрозды снуют вокруг рябины.
Туман опёнками пропах,
Ползущий краешком низины.

Придавлен тяжестью грибной,
Присел на пень, где кочка сбита.
Уехать хочется домой,
Но держит лес — сильней магнита.

ТВОРЕНЬЯ, УХОДЯЩИЕ В ВЕКА...

Андрею Ильичу Курнакову

Ваш Дом — где живо так искусство,
Любой этюд и полотно,
Целебно действуют на чувство —
Где высота видна и дно

Людских надежд, противоречий
В бесцветье тьмы, в лучах лучей.
И кто б ни говорил здесь речи —
Работы — выше всех речей!

Художник, знавший мало ласки
В военный и кровавый век,
ПРИЗВАЛ СО ЗЛОМ БОРОТЬСЯ КРАСКИ,
ЧТОБ РАЗОГНУЛСЯ ЧЕЛОВЕК.

ГЛАВА РАЙОНА

Он в грудь стучал, что батя — фронтовик,
Что мать погибла в муках оккупации.
И при гостях был ловок на язык,
Когда кормил цифирью в ресторации.

Всё было на сверхпраздничном столе,
И песни были, и воспоминания...
Но книги об истерзанной Земле
Он обошёл без должного внимания.

МОНОЛОГ ТРАКТОРИСТА

— Мы все придурки в этом мире,
Но настоящий есть дурак,
Что на экране и в эфире
Кричит про свет, а сеет мрак.

От предоставленной свободы
Народ дошёл до худобы,
Когда поля, леса и воды
В протесте встали на дыбы.

РАЗДУМЬЕ

Если б был человек совершенен,
Он не шёл бы путём, как шёл Ленин.
Мы бы Гитлера даже не знали,
Полстраны б не расстреливал Сталин.
Люд Планеты сравнял бы ухабы,
Брест бы цел был, не вспыхнул Пирл-Харбор.
Мы не знали бы слово «блокада»,
«Лагерь смерти», «чистилище ада»,
Жертвы трумэновской атаки —
Хиросиму и Нагасаки.
Что ещё записать не успел?
Розуэлл,
Розуэлл,
Розуэлл...
Неужель за нехваткою хлеба
К нам трагедия свалится с неба???

НОЧНОЙ РЕДАКТОР

Он спит весь день иль пьёт коньяк на даче,
Мир отключив от глаз и от ушей.
Но в нужный час он ягуаром скачет,
Клыками вырвать правду из статей.

Кто вырастил свирепейшего зверя,
Что на деньжищах кроется в тиши?
Для истины великой — он — потеря,
Зато — находка для высокой лжи.

ЗА КАДРОМ

Нас приучают к термину «война»,
Показывают воинов с экранов.
Их тысячи, но видела страна
Не лица — а награды ветеранов.

Не бойтесь лиц, где шрамы налицо,
Где вместо глаза — чёрная повязка.
Брезгливость операторов-юнцов?
Иль это режиссёрская закваска?

Да, лица их избородила жуть
Судьбины довоенной и военной.
Но телемонстрам — страшно заглянуть,
Что в их сердцах — царит раскол Вселенной.

СЛЕПОТА ЗРЯЧИХ

Мы в провалах современности
Просмотрели мать с отцом.
При чиновничьей надменности
Стали жить с двойным горбом.

Власти вроде бы стараются,
Церковь бьёт в колокола,
Но погосты расширяются
У столицы и села.

Молодые быстро женятся,
Поезд свадебный искрит.
А невеста стать роженицей
Почему-то не спешит.

ПЛЮСЫ-МИНУСЫ

Лозунговая страна
С разноцветным ситцем.
Слов протестных до хрена
Видела столица.

Только всё наоборот
В благостном госхоре:
Нетрудящийся — живёт,
А трудяга — в ГОРЕ!

МОНОЛОГ ПРОСИТЕЛЯ

— Прощай навеки, Дом Советов!
Я шёл к тебе, чтоб ты помог,
Но казуистикой ответов
Сам подписал ты некролог

Себе и всей когорте клерков,
Что родом вышли из глуши.
От тысяч ярких фейерверков
Не будут будни хороши.

Зачем ты публику горбатишь
У vestibюля по утрам?
Того, что надо — не заплатишь
По своей трусости к верхам.

А мог бы каждого приветить,
И дух поднять, и сгладить боль,
Ведь не заложена в бюджете
При всех статьях — СПЛОШНАЯ СОЛЬ.

ЗАСПИННЫЕ ФИЛОСОФЫ

Как не смотрюсь я в человека,
Я тоже грешный человек,
Но есть уже такая веха:
Мельчает он из века в век.

Всё меньше смеха, меньше шуток
При уйме бендеровских сил.
Кто удлинил ему желудок,
А разум резко сократил?

ДРУГУ, СТАВШЕМУ НЕДРУГОМ

За стол мы сели отдохнуть,
А ты — выкачиваешь нервы...
У нас — наитруднейший путь,
И ты в обиде, что не первый

Среди художников, певцов,
Писателей, что пишут бойко.
И, закружившись в вихре слов,
Не понял слова «перестройка».

Но перестроился ты сам,
Молясь на церковь — с партбилетом.
Иди теперь к своим друзьям
С обмаранным авторитетом.

НАШИ ВЕТЕРАНЫ

А мы ходили среди них,
Раздаривали книги.
Хоть в горсовете нет слепых —
Есть мастера на фиги.

Медально-орденский народ
Поздравит... будет водка.
Героев после оберёт
По ЖКХашным сводкам.

Будь, избиратель, начеку!
Добро со злом не путай!
У вас нет спички к табаку?
Избранники — С ВАЛЮТОЙ!

КТО ОШИБСЯ?

И всё-таки явленье атавизма
Увидели мы въявь без всяких призм:
Один герой пришёл из коммунизма,
Другой принял его в капитализм.

ЧУЖЕЖЁНЦЫ

Он в дверь стучался кулаком,
Потом стал бить ногами.
Другой любовник — в его дом
Дверь открывал ключами.

КОРЕНЬ РОССИИ

Есть люди — всю жизнь копошатся в глуши,
Не все побывали в столице.
Но судьбы, попробуй ты их опиши, —
Рискнёшь — ОЗАРЯТСЯ СТРАНИЦЫ!

И жалко мне тех, кто при слухе — глухой,
Глаза у кого близоруки.
Власть может быть слабой иль очень крутой,
Но пусть бережёт она руки

Не те, что в крови от убийственных дел,
Не те, что опухли от денег,
А те, что сквозь омутный беспредел —
РОССИЮ ВЫНОСЯТ НА БЕРЕГ!

ТРЕЗВОМУ

Ругаться с собакой не надо,
Она при терпимости всей
Вонзится клыками вползада —
И жди потом помощь врачей.

А было бы тёплое слово
Дворняге на ранней поре,
Она бы кусала другого
На пьяно-бомжовом дворе.

БЕЗГОЛОСЫЕ

На экране — постарели,
Растолстели от зарплат.
Если раньше... ПЕСНИ ПЕЛИ,
Нынче — гонят суррогат.

От Утёсова до Отса
Вжились в принцип «Домино».
Так программа их крадётся,
Что на сцене быть — грешно!

Одного «певцы» не знают,
Что кумиры прошлых лет
Из могил их проклинают
За «талант», где сердца нет.

ПРОЖОРЛИВАЯ ПОЧТА

(Монолог пенсионера)

— Какие ж сели подлецы
Нам на хребет двужильный?
Я письма слал во все концы,
Не нужен был... мобильный.

Теперь открытку не пошлешь
Из пенсии дырявой.
Не стыдно им, ядрёна вошь,
В столице златоглавой?

Берут с провинции, дерут,
Считая миллионы.
Клянупу тебя, почтовый спрут!
Поклон вам, почтальоны!!!

КИНОТЕАТР «ПРОСЬБА»

Среди миллионов километров
Нелживой хроники времён
Кинохранители без нервов
В России сделали заслон.

Куда ж вы спрятали все ленты
Свои, трофейные не в счёт.
Жизнь — не всегда — аплодисменты:
В них только часть людей живёт.

Знакомьте молодость с архивом,
Глаза откройте старикам,
Что жили в мире несчастливом
В стремленьи к будущим векам.

СПАСИБО ЗА ЖУРНАЛ «НЁМАН»!

Александру Григорьевичу Лукашенко

В минуты всеземного мракобесья,
Уставши от ракет и от штыков,
Поём мы белорусскую «Олесю»,
Она — душа для всех материков.

Пусть разный у народов символ птицы,
Не знают где-то «осень» и «весну».
Пусть журавли нарушат госграницы
И крыльями пересекут войну.

НЕВИ́ДЕНЬЕ ПРОРОКОВ

Во дворе и джипы, и собаки
Тех пород — язык сломаешь вмиг.
А у горла мусорной клоаки
Сотни книг, неповторимых книг.

И какой-то дьявольский чиновник
Иль его валютная родня
Выбросили новенький трёхтомник
Лермонтова... прямо среди дня.

А ведь кто-то мог снести на рынок,
Передать их в школьные права...
Да, убийцей был тогда Мартынов,
Вы, как говорят: — УБИЙЦЫ — 2.

Мы такое видим не впервые,
Из народа — лепится толпа.
В истину, немытая Россия,
Стала на писателей слепа.

РАДУЙТЕСЬ! Пускай рычит желудок,
А с желудком рядом — голова.
Видно, ПЯТОЙ скоростью маршруток
Въедет в бездуховный мир Москва.

НЕОХОЗЯИН

— Я рыбаков всех вычел
От ночи до зари.
Я пруд заэлектричел —
Повсюду фонари.

На привязи собаки —
Держу и без цепей.
Когда бывают драки —
Зову на свист друзей.

Болею за природу,
Мщю за разбой в стране.
В любую непогоду —
Мой карабин при мне.

МИРОВОЙ КРИЗИС ПО-РОССИЙСКИ (Монолог учёного, торгующего яблоками)

— Не вешайте мне на уши лапшу!
Придумают же сверху чудо-юду,
Когда страна ударилась в у-шу,
А «небоскрёбы» выросли повсюду.

И улицы заХОНДили друзья,
И недруги великого народа.
В России бунтовать теперь нельзя,
Поскольку на руках у всех... свобода.

Девицы научились управлять
По холдингам, концернам, за рулями.
Какой мольбой нам Гоголя поднять,
Чтоб посмеялся он над москалями?

А гений удивился бы в ответ,
И, может быть, сказал одну бы фразу:
— От мёртвых душ стал тесен белый свет,
Залгавшимся — пусть Бог пошлёт проказу!

Добавим в новый век наш от себя,
Прислушиваясь к голосу кумира:
Как можно жить в России, НЕ ЛЮБЯ,
НАРОД, В СЕБЯ ВОБРАВШИЙ СТРАХИ
МИРА???

А кризис — не удавное кольцо,
Не первый раз его мы рвали сами.
Не тяжек он, когда лицо в лицо
НАРОД НА РАВНЫХ ДЕРЖИТСЯ
С ВЛАСТЯМИ.

РОМАНТИКАМ

Пусть никогда мечта не надоест,
В мечте всегда есть опиум азарта.
Так альпиниста манит Эверест,
А космос — будоражит космонавта.

ВНЕ БИЗНЕСА

Там лунок не было сто лет —
В глубинке деревенской.
Плотиною проходит дед:
— Берёшь карпа железкой?
— Да нет, я окуня ловлю.
И здесь, пожалуй, первый...
— Цапляй! У нас не по рублю,
Хотя вокруг... по евро.

ПРАЖСКИЙ ПРОФЕССОР

В Орле я повстречался с ним,
Был потрясён ужасно.
— Твардовский не переводим,
Хоть в «Тёркине» всё ясно.
Пускай не сходны языки,
Капризны переводы,
Но в чувстве истины близки
Славянские народы.

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

Имела ладную фигуру,
К лицу ей шёл костюм бордо.
Иван Сергеича натуру
Свела к Полине Виардо.
Потом Калитину хвалила
И Асю с вешнею водой.
А про язык и мысль забыла —
Сама блистала красотой.

УЛЫБНИТЕСЬ ЧЕРЕЗ БОЛЬ

Всё ошибки да ошибки,
Всё всерьёз да всё всерьёз...
Мы тоскуем по улыбке,
Как по истине вопрос.

Пусть угрюмость потеснится,
Пусть исчезнет культ гроша.
Чем улыбчивее лица,
Тем отзывчивей сердца.

ОБЕЩАТЕЛЬ

По всем структурам бытия
Он вроде свой, национальный:
И на экране — не нахальный,
И — как божественный судья.

Всё обещает превозмочь —
Зовёт к труду и манит к славе,
Одни — уже встречают ночь,
Других — заря на ноги ставит.

Наигромадная страна!
Живи сто лет — не облетаешь.
Вот в чём народная «вина» —
У златоуста — не узнаешь.

ИСТОК

Из родника течёт Ока,
Вся ширь — в сорочий скок.
Но без такого родника
И Каспий — не глубок.

РЕПТИЛЬНЫЙ

Несет в свой дом со всех палат,
Из мэрий и губерний.
Есть у него и в Штатах — штат,
И филиал дочерний.

По банкам — баксов не учесть,
Напрятал во владенья.
Он так валюту может есть,
Как динозавр растенья.

ЛАСТОЧКИ

Летают вниз на водоём,
То кверху, то отвесно.
Гнездо устроив над окном,
Где ласточатам тесно.

И чем темнее облака,
И ливень будет жуток,
Так птичья скорость велика,
Чтоб прокормить малюток.

ПОСЛЕ НАРКОМОВСКОЙ...

Ветераны запоют —
Это не эстрада.
Кого вспомнят, помянут —
Внукам же отрада.

Ну а тем, кто сердцем глух,
Кто увяз в деньжищах,
Эти песни режут слух,
Как стенанья нищих.

Только нищие ни те,
Кто в строю суровом,
А кто в огненной черте
Жил на всём готовом.

СДВИГ

Переоделся люд
В красивые одежды.
Но ограничен труд
И рушатся надежды.

В хитросплетеньях дней
Все стали просвещённой:
Ударить побольней,
Убить поизощрённой.

ПЛЕМЕННОЙ ХРЯК НА ВЫСТАВКЕ

Он смачно ел, похрюкивал в корыто,
 Не поднимал на публику глаза.
 Услужливая пресса без софитов
 У камер не искала тормоза.

Тяжеловес силён был на потомство,
 В ладоши били — евшие бекон.
 Ну, что сказать про селькультурактёротво?
 Сам Дуров бы сказал: — АТТРАКЦИОН!

ПИСЬМО ИЗ КОЛОНИИ

Спорные стихи, но стихи.

Увидал на экране
 Красоту наших дней:
 Увэди́стская «няня»
 Обучает детей.

Может, многим неясно,
 Но чутье говорит:
 Теледама — опасна,
 В ней — полковник сидит.

ЧУДАК

Пришельцев «видел» мой сосед,
 Бузил без перерыва:
 Литровку приняв за обед
 И пять бутылок пива.

ВОЗЬМИ ЛУНУ

(Песня девушки)

Возьми луну свою обратно,
И звёзды-серьги забирай.
Пускай мне больно, ну и ладно,
Я слепо верила в твой рай.

Я не заметила обмана,
Он был, как молния в ночи,
Плотней озёрного тумана,
И холоднее, чем ключи.

Иди по счастью и по розам,
Но одного не забывай:
Когда с другой пойдёшь по росам,
Ей Млечный Путь не обещай.

КРАСОТА В ОДИНОЧЕСТВЕ

В саду работал целый день,
Присел и рад крылечку.
Цветёт на хуторе сирень —
Аж запах через речку!

И над черёмухой, вверху,
Отчётлив гул весёлый.
Всё на виду, всё на слуху —
Не праздничают пчёлы.

Так хороша природа-мать,
Душе даёт советы.
Да ветки некому ломать
В душистые букеты.

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Профессора и академики,
При тяге к Солнцу и Луне,
Привыкли жить вы без полемики,
За званья прячась в тишине.

В стране трагедии и саммиты,
Чтоб государства не дрались.
Мы понимаем, что вы заняты,
Но всем заблудшим — бросьте МЫСЛЬ!

Не тормозящую — достойную,
Парализующую страх,
Уже в эпоху не застойную,
Когда Отечество в бегах.

ДУМСКИЙ КОРОБЕЙНИК

Избранник послан был в столицу,
Надёжно думать за народ.
А он там ловит злато-птицу,
Москва-реку проходит вброд.

Ну а в провинцию являясь,
Книжонки возит для детей,
От избирателей скрываясь,
Как мышь от муркиных когтей.

Он по научной части «дохтур»,
Не знает слова «реферат».
Но люд узнал о том и охнул,
И проярылил — ПЛУТОКРАТ!

ЧЕРНОРУБАШЕЧНИК

Розовый, с галстуком, в белой рубашке,
Живущий в сигарах — не в папиросах,
В дымке лицо от глубокой затяжки,
Нам говорит о фиалках и розах:

— Что вы опять мне...культура, культура,
Мешает она и мечу и ракете.
Она для меня — шаловливая дура,
Внебрачная помесь в секретной анкете.

АРКАДИЙ РАЙКИН

Он редко пел, но, если пел, шутя,
И не жалел для карьеристов жала.
Такого искромётного ДИТЯ,
Пусть Чаплин — бог, Россия не рожала.

РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Порой кричат кумиру: — Гений!
А за глаза трезвонят: — Шут.
Впадают люди в крайность мнений,
Но обе стороны не лгут.

И как бы ни было печально,
В оценках видится родство:
Шут — дополняет гениальность,
А гениальность — шутовство.

МИДовец

Шикарный магазинчик « ЭСКИМО »,
Реклама у витрин неповторима.
А шеф его, окончивший МГИМО,
Недавно нонгратирован из Рима.

Крутился там, стратегию ведя,
Среди креолок, вёртких сицилийцев,
Готовя «вклад» для нового вождя,
Как родственник обманутых партийцев.

«ФЕХТОВАЛЬЩИКИ»

Что мушкетёры с блиц-отвагой?
Стал не в почёте ближний бой:
Кололи мир пером и шпагой —
Теперь орудуют деньгой.

НУЖНА РЕШИМОСТЬ

Законы пишут в мире беззаконья
Вчерашние подвластные мужи.
Одна поправка: — Алчность урезоньте!
Разрушьте под собой фундамент лжи!

И сразу же увидите сограждан
Не сгорбленных, доверчивых, не злых,
Поскольку будет твёрдо верить каждый,
Что есть вверху заступники у них.

ПРОКЛЯТИЕ ВОЙНАМ

Узнайте теперь, кто Хозяин идеи,
Она при коварстве предельно проста:
Евреи — славяне, славяне — евреи,
Давида Звезда с озареньем Креста.

Меж ними, сияя, застрял Полумесяц,
Он бил тех и этих в дремучих веках.
И кто в этом мире теперь перевесит —
Решать не на саблях, ножах и штыках.

Стоят в стороне государства Буддизма,
Нирвана — нирваной, а мысль наяву.
Они, если надо, в эпоху трагизма
Надавят на кнопку, как слон на траву.

И что там Гоморра с ужасным Содомом,
Но, если все веры ракеты взорвут,
Земля перестанет быть радостным домом,
И крах не успеет заснять Голливуд.

Поймите, собратья, при жизни жестокой,
Когда человек при делах — не у дел,
Что есть пирамиды с их тайной глубокой,
Бог Ра и загадочный Розуэлл.

Пришельцы, возможно, владея мирами,
Дав клятву молчать и на тверди земной,
Нас видят они, но иными глазами,
Глазами, не смоченными слезой.

ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Горячится дед Панфилов,
На слова мудрён и крут:
— Скоро Нильских крокодилов
В устье Зуши разведут.

И смеётся, мысль итожа,
Поправляя седину:
— Аллигаторская кожа —
Олигархам на казну.

ВАЛЮТОСВОДКА

Когда нет денег — ты бываешь нищий,
Не властится, улыбок нет, труда.
А в СМИ продажных — инвестиций тыщи,
Как будто златождь идёт всегда.

ХЛЕБ

И города, и веси
Расстроены в стране,
Что стал он лёгок в весе
И так тяжёл в цене.

Был комбайнёр счастливым,
Шофёр спешил на ток.
Кто, озирая нивы,
Залез в наш... кошелёк?!

«ХОЗЯЕВА» ИЗГАЛЯЮТСЯ...

Цветущую гречиху запахали,
Людей обидев и ужалив пчёл.
И круглый спонсор, ласковый вначале,
Перепродал ту землю, что обрёл.

Пришёл другой на поле строить фермы,
Но одного «мудрец» не рассчитал,
Что бык хорош, нужны с быками нервы,
Коровам в стойлах — нужен идеал.

А третий бредит золотистым рапсом,
Не любит приисковый Магадан.
Золотоносным будущим запасом
Себя он обеспечил — не крестьян.

А люди, что Некрасовым воспеты,
Чей труд громил во все века врагов,
Сегодня с гневом строятся в пикеты,
Чтоб получить за пай у госворов.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ САНИ

По нервам едут, не по снегу,
Администраторы страны,
Стремясь с галопного разбегу
Заполнить пропасти казны.

Юристам я сказал бы жёстче:
От инвестиций толку нуль.
Карман заморский станет толще,
А вдруг — возьмут российский руль?

Магнаты вежливы, красивы,
И с ними дамы — хоть куда.
Остановить хочу ретивых:
Россия мчится не туда.

У ней великие просторы,
Не опрокиньте свой возок.
Всегда горьки златые горы,
Когда дела идут не впрок.

НЕЧИТАЮЩИМ

Писатель — нянька персонажей,
А может быть он — их отец.
Он правду сажею не мажет,
Со лжи убрав её венец.

РОЗОВЫЙ ПОЭТ

Хорошо ж ему живётся:
Что ни праздник — со стихом!
Возмечтал подбросить солнца
Через почту в каждый дом.

А земляк смеётся мило,
Видя скоропись в «трудах»:
— Очень щедрый на светило,
Не оставил бы впотьмах.

Нам и сумерки известны,
И закаты нам сродни.
А какие зреют песни
В дождь и в пасмурные дни!

МЕЖДУСТРОЧИЯ ИСТОРИИ

Профессора в очках и без очков,
И цензоры военные всех рангов,
Вы стольких умолчали мужиков
От самолётов, кораблей и танков.

Пехота??? Перед ней в тройном долгу.
Доспехи — за Отечество награды.
Она прямила Курскую дугу —
Чтоб на Берлин обрушились снаряды.

НЕ ПО-РУССКИ

Не может ярмарка быть жадной,
В ней суть — не деньги обрести,
А в нашей жизни безотрадной
Улыбку людям принести.

Они б наполнили корзины,
Но, из-за скупости ларьков,
Уходят часто в магазины,
Ругая «щедрость» земляков.

ГОРЦЫ

(Между плюсом и минусом)

Малик и Маис — оба с Терека родом,
Проживают в России с отроческих лет.
Первый — в отпуск спешит к встрече
с милым народом,
А второму — не нужен родимый Дербент.

Как понять уроженцев прекрасного юга,
Где та чёрная кошка — между ними прошла?
Первый — горькую пил за погибшего друга,
А второй — субсидировал очередь зла.

На Кавказе особые символы чести:
Есть Коран, аксакалы, завет Шамиля...
Если к распрям прибавятся кровные мести —
Может пропастью стать и родная земля.

ЯСНОПОЛЯНЕЦ

Толстого правила цензура.
И, говорят, была не дура.
Но за свои на Льва — рычания
Она попала в примечания.

У ХРАНИТЕЛЯ ЧАСТУШЕК

— Слышал я в селеньи вашем
Проживает чудо-дед.
Родион Лукич Милашин,
Краснослов — авторитет.

И услышал от бабули,
Что светилась добротой:
— Деда бури не согнули,
Под сто лет — а молодой!

Я скажу вам, как хозяйка,
Он, как ангел на крылах,
И гармонь, и балалайка
Пляшут в трепетных руках.

— Родион Лукич... Вы чтимы.
Люди ценят по уму.
— Спеть? Спою!.. Но все режимы
Застаьят меня в тюрьму.

Только мне не страшно это,
Я весь век до седины
Очищаю Боль-Планету
От цедильщиков казны.

Знаю ахи, знаю охи —
Весь любовный Эверест.
Вот тебе про все эпохи:
Слушай, коль не надоест...

Не туда гроза — «Аврора»
Опускала якоря.
Ей стрелять бы надо в свору,
А не в батюшку-царя.

Стали мы, как ишаки,
Лихо нас пригладили.
Меньшаки да большаки
Родину ограбили.

Горбоносы-царьки,
Аккуратненьки.
Душат люд, как хорьки
Во курятнике.

За ЦК идёт Чека —
Маузер с наганчиком.
Гонят пули в мужика
Пролетарским пальчиком.

Как же жить родной Рассее,
Коль на шею и на грудь
Заграничные евреи
Умудрились скакануть.

Брадобреем я был
Неуверенным.
Я бы Маркса побрил
Вместе с Лениным.

Так вселили людям страх,
Жизнь ломая занова.
Клеили на сундуках
Троцкого-Ульянова.

Мяли кашу, ели щи,
Холодец на праздники.
А теперь грызём хрящи —
Мясо съели карлики.

Ах, Рассея ты моя,
Красно-белая.
Ежли правду сказать —
Озверелая.

Отобрали горох,
Рожь с пшеницею.
Жаль, что вождь не помёр
За границую.

Заступись за нас, Махно,
Помоги, Антонов!
Кремль гребёт у нас зерно
Для своих масонов.

Нас Будённый топтал,
Его конница.
Пролетарская вошь —
Кровью кормится.

Хлеборобчики в Москве,
Что же вы настряпали?
Хлеб всегда был на столе —
В погребах не прятали!

Не усердствуй, Чека
Краснорожая.
За безглавье церковей —
Кара Божия.

Когда Ленин умирал
Сталину приказывал:
Меньше хлеба выдавай,
Мясо — не показывай!

Кто измерит море слёз,
Общую кручинушку?
Загоняли нас в колхоз
Хуже, чем скотинушку.

Ах, малина-калина
Шесть заветов Сталина.
Пять — Петра Великова,
Остальные — Рыкова.

Получай на орех —
Власть досужая,
За колхозный успех
Главокружия.

Не все «рыковку» пьют,
Жизнь — опалена.
Самогон будем гнать
Против Сталина.

У меня калоши есть,
Берегу их к лету.
А по правде говоря —
У меня их нету.

На селе расцвела
Вера-Верочка.
Пол-Кремля приняла
Эсэсэрочка.

На перине прошли
Млады годики.
И ежата пошли,
И ягодики.

Эх, огурчики
Да помидорчики.
Сталин Кирова убил
В коридорчике.

Трудодень на трудодень
Наложил сплошную тень.
Не купить за палочки
Подарок для Наталочки.

Без вождя, как без рук,
Спим с цитатами.
Ты наш Главный Паук
С паучатами.

Не косил, не пахал
С приближёнными.
Но людей укладывал
Миллионами.

— Вам поклон, Свет-Лукич!
В крови вертимся...
На Пасхальный кулич,
Может, встретимся.

ПЕРЕХВАТЧИКИ

Писатель писем ждал в печали:
— Ужель страна ни мэ, ни бэ?
А письма кипами лежали
В шестом отделе КаГЭБэ.

ГИПНОЗ ПРИРОДЫ

В золотых одуванчиках шмель,
Не жужжа, провисает с прогибом.
Майским лугом пришёл коростель,
Поздоровался — утреним скрипом.

А вечерней зарёй соловьи
Так в далёкую юность заманят
И с туманом — тебя затуманят,
Что забудешь заботы свои.

ПЕТРОВЦАМ

*Много было роз,
Было много маков.
Схоронили Петра,
Тяжело оплакав.*

*И с того ль, что там
Всякий сволок был,
Кто всерьёз рыдал,
А кто глаза слюнил.*

Сергей Есенин

«Песнь о великом походе»

Не все кричат ему: «Ура!»
Есть хмурые народы.
Во всём величии Петра —
Величие природы.

Стратег балтийского окна,
Спешил, гоня усталость.
Но корабельная стена
Не сразу прорубалась.

В бору кряхтели мужики,
Давясь тяжёлым матом.
Ходили с водкой черпаки
На зависть супостатам.

Рос флот и крепко пах смолой,
Чтоб обогнуть экватор.
Так кто же в сущности герой —
Народ иль император?!

К СВЕТУ

Не всё бывает в жизни ладно,
Порою думы, как свинец.
Нам надо всматриваться жадно
В неравновесие сердец.

А жизнь — не деньги и не роскошь,
Избыток их — сгущает тень.
И если кровь застыла воском —
Зови на помощь ясный день.

Крутись, Планета, — Солнце рядом,
И поколения готовь,
В ком нету зла, в ком нету яда
И в ком очищенное кровь!

ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Большой повязанные кровью
Лежат — ломавшие хребты.
Но всё равно к их изголовью
Несут поклонники цветы.

Пускай несут — они из близких,
Но люди, видящие их,
Глядят на них сквозьobeliski
И сквозь бурьян могил глухих.

И про себя, крестясь усердно,
Вдруг кто-то скажет невпопад:
— Уже не так идут победно,
Как сорок, тридцать лет назад.

Всё вроде просто, но не просто,
И чей-то дед изрёк в пути:
— Общерассейского погоста
На всей планете не найти.

ВЛАДЫКА ПАИСИЙ

Он прошёл огни и муки,
Ради страждущих сердец.
На груди скрестились руки,
Значит, жизнь ушла... конец.

Мир от смерти не свободен,
Участь каждого ясна,
Но остался он в народе
В праздник «Сороки» — Весна!

Слово Божье в души граждан
Нёс он в дебрях бытия
Тем, кто зол в рублёвой жажде,
Тем, кто помнит звон ручья.

Хоть молчите, хоть молитесь,
Поклонитесь, отойдя.
Это был духовный витязь,
Это был целитель-витязь,
ЛУЧ — в неистовстве дождя.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙОН

Он приютился в междуречье
Двух событийно-славных рек.
В его защиту были речи,
Чтоб жил там лучше человек.

Здесь раньше брали дань баскаки,
Прошёл француз и немец был.
Во времена колхозной драки
Мужик по-русскому не жил.

Церквушки нет и нету газа,
Лес полуспилен на дрова.
Пчелу убила химзараза,
Так — от жилетки рукава.

Пустует добрая земляца,
Забыв о плуге и сохе.
А государственные лица,
Тряся деньгой по заграницам,
Шанхаям, Лондонам и Ниццам,
Пред ним — в немерянном грехе.

КРИВЦОВСКИЙ МЕМОРИАЛ

Так обновил весенний дождь
Седые траурные плиты,
Но всё равно хватает дрожь
От сонмища имён убитых...

★
Вспоминайте, родные,
Вспоминайте, друзья...
Хорошо, что в России
БЫТЬ УБИТЫМ НЕЛЬЗЯ. ★

ДЕНЕЖНАЯ БОЯЗНЬ

Как в стадо сбежавшие овцы,
Приткнувшись к подвальным домам,
Торговцы, торговцы, торговцы
Развозят товар по утрам.

Играть с покупателем в прятки
Привыкли, свой крут очертя,
Рубли, пятисотки, десятки
В извилинах мозга вертя.

Страдают от скрученных нервов,
Налоги и шефов кляня,
И в банках меняют на «евро»
Липучую выручку дня.

БУЛАНКА

Не видел я пейзажа плоше
Ни в пойме речки, ни в степи:
Одна на три района лошадь
И та, бедняга, на цепи.

Туда-сюда автомобили
Снуют по трассам день и ночь.
Нас так прогрессы надломил,
Что, как чертей, их гонишь прочь.

Но тот мужик, встающий рано,
Имея домик свой в лесу,
Он не продаст её цыганам,
Не отведёт на колбасу.

РЕЧНОЙ ХИЩНИК

Я видел разных «рыбачков»,
Один из них — злодей:
Ловить приехал без крючков,
Но ставил семь сетей.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ

Убийством фильма наштигованы,
Разведчиков — за ратью рать.
И «мюллеры» уходят в клоуны
Смешить людей, себя спасать.

ПРЯЧАТЬ ЗА КУЛЬТУРУ...

Дворец в Кувейте он воздвиг,
Зреть море Красное с фасада.
По статусу — любитель книг,
По щупальцам — сильней Моссада.

СТРАТЕГ

В разгар трагедий был неистов,
Порой срывался до курка.
Он так залез в умы фашистов —
РАЗБИЛ, — не зная языка.

Предвидя правнуков и внуков,
Кто сменит меч на мощный плуг,
Он знал, что враг кому-то — Жуков,
Но человечеству он — ДРУГ.

БЕСПОКОЙСТВО

— Чего, мужик, ты рожь не сеешь?
В репьях-татарнике поля...
— Замордовали фарисеи,
Повсюду джипами пыля.

У них свои на землю виды,
Проворны в лабиринтах цен.
Жрецы торговой пирамиды —
Желудок взяли на рентген.

Они спецы и войн, и зрелищ —
Афган, Чечня, теперь Норд-Ост...
Мы полсела уже отпели,
К реке расширился погост.

Татарник, молвишь? Да, татарник!
Комбайн затупит здесь ножи.
А я ведь в прошлом был ударник,
Жил впроголодь во имя ржи!

Живите, милые, красиво —
Стрельбе устройте укорот.
И бойтесь водки, бойтесь пива
И девок модных, что игриво
Толкнут вас в глубь, где нужен брод.

ПРИМЕТА

Заметил издавна народ,
Запечатлел в стихе и песне:
Березу молния не бьёт,
Страдает в грозы — чернолесье.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Нет, не до свиданья — а до встречи,
Пред тобой — распахнутая даль.
Пусть звучит на множестве наречий
Боль твоя и радость, и печаль.

Никуда от истины не деться,
Там, где ты — там несказанный свет.
Глубочайшей искренностью сердца
Каждый освещён и обогрет.

Солнечна энергия рязанца,
Ты прижал униженных к груди.
Хорошо, что жарких слов боятся
Негодяи, изверги, вожди...

Идолов свергая с пьедесталов,
В души внёс лирический запал.
Для тебя одной планеты мало —
Нам Гагарин это доказал!

Скопин—Новомичуринск,
10 октября 1987 года

ВНЕЗАПНЫЙ КЛЁВ

Горошины росы на золоте кувшинок,
Июльская заря румяно занялась.
Причмокивая всласть у молодых тростинок,
Позавтракать решил серебряный карась.

Но поплавок молчит, белея возле рдеста,
Под листьями видны буруны и круги.
Ну, что ж ты не клюёшь? Бери червя и тесто,
К чистине выходи из зарослей куги.

И вдруг — дошла мольба —
Удилище дугою.
Рывок в гущину трав
И резок, и тяжёл.

Он солнце отразил
Слепящей чешуёю,
Обрызгал с ног до глаз,
Но... в мой подсак зашёл.

«ОЗДОРОВИТЕЛИ»

«Маяк», вещая о здоровье,
Так методичен по часам...
Деревни нет. Погост на взгорье.
И, плачь не плачь, она — вся там.

Какой «заботливый» инструктор
Так замаячил «наш» эфир?
Одних — угробил репродуктор,
Других — война и новый мир.

БРАТ — МЛАДШЕЙ СЕСТРЕ

*Стихи написаны по письму,
найденному в архиве*

Пишу накоротке
На фронтовой бумаге.
Мать — на Двине-реке,
Отец погиб в МАГЛАГе.

Всё было до войны
В твоей родной сторонке,
Где дочки и сыны —
Кулацкие подонки!

У смерти на краю,
Их лучше б в бой послали.
«За Сталина!» — в бою
Они бы не кричали.

Но за земельный клоч,
Где им пожить не дали,
Они бы на курок
Сильнее нажимали...

КАЗНЬ

Митрополита наголо остригли,
Лишили бело-жёлтой бороды
И подвели к зияющей могиле,
Где «контрики» лежали и «жиды».

Стрелявший видел пастыря впервые,
Освободив винтовку от свинца...
А он когда-то в годы молодые
Крестил его любимого отца.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С ЧАСТУШЕЧНИКОМ

— Родиона Лукича
Я не забываю.
Вам привет из Калача,
Жалко, что не к Маю.

Как же мудрый наш народ
В стих Историю берёт?

Прижал «ливенку» старик,
Низко ухом к ней приник.
В пляс пустились кнопочки,
Как душа от стопочки:

— Танцевали мы «Гопак»,
И была «Цыганочка».
Нас ломала, как сушняк,
Ни одна Лубяночка.

Соловки и Колыма,
Тяжко вам от идола.
Бесовская власть сама
Кровью вас обрызгала.

Эх, кремлёвская стена,
Красно-красная.
Неужели там шпана
Буржуазная?

Крутят-вертят, еть их мать,
Азию с Европою.
Всех тиранов бы связать,
Над огнём бы — жопою.

Прикатила война,
Мир весь тучится.
Люд не жил ни хрена,
Снова — мучиться.

Сталин семьи — в распыл,
В Магаданину.
Гитлер церкви открыл
Прихожанину.

Здравствуй, Власов-борец,
Гутен Власушка!
Съел нас горец-отец,
Его властушка.

Бог — безногова дал,
Ей — безрукова.
Хоть и лих генерал —
Славию Жукова!

Говорю неспроста,
Мы же сельские.
Значит, помнил места
Свят-Козельские.

Люду разно жилось
При свет-Сталине.
На весь мир о моче —
Левитанили.

А помёр мудрый вождь,
Иль угробили.
За уход из Кремля
Много попили!

У других по сей день
Вера в идола.
Полстраны в лагеря
Вьюга выдула.

Кто вас сглазил наверху?
Вы с ума не спятили?
Неужели в СССР
Люди — все предатели?

Научил нас вождь читать:
«Выселять и расстрелять!»
Вместе с ним внедрил расстрел
Государственный мегрел.

Ох, товарищ Берия,
Вышел из доверия.
А товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Слава смелому Хрущёву
За украинскую мову.
Ему русские «спасибы»,
Что убрал он перегибы.

Кукурузу для хрю-хрю,
В благость человеку,
Будем сеять среди льдов —
Урожай генсеку!

Хорошо кому в стране?
Друг ответил сразу мне:
— Буфетчице Нюрке,
Гагарину Юрке,
Леониду Брежневу —
Остальным по-прежнему.

Наступила пересменка:
Нам пророчили Черненко.
До чего ж ЦК тупой,
Он в могиле был — ногой.

То ли так, то ль сгоряча,
Кремль поставил Горбача.
И поссорил нас герой
С виноградною лозой.

Горбачёва славлю я
За непонимание.
Он для мира, без вранья,
Съединил Германию.

Всё партийное жульё
Проклинает Борю.
Ельцин сам «твое-МОЁ»,
Был причастен к горю.

Но любимым сразу стал —
Партбилет когда порвал!
Слабым был на глоточку —
Вылетел, как в форточку.

Может, где-то я дерзю,
Лезу не в ту сауну.
Сколько можно зю-зю-зю,
Зюкать по Зюганову?

Обещатель Жириновский,
Рот страна расширила.
Сделай так, чтобы она
Вмиг не обезжирила.

Не учись у Горбача,
Не руби лозу сплеча.
Мы теперь зубами — клац:
Не вино пьём, а эрзац.

С президентом не шути,
Он пока на полпути.
Как осилит Главный Путь,
Кому — рай, кому — капуть.

Удивляюсь я народу
Дюже терпеливому.
Прёт в любую непогоду
К общаку счастливому.

Брали мы под козырёк,
Поначалу верили.
Но кремлёвские царьки
Всю страну похерили.

Говорят, есть толк в пути,
Путин в мире крутится.
Мимо б голода пройти —
Каждый день распутица.

Был Поддубный — исполин,
Брал борцов за талию.
Поднимай-ка, славянин,
Русь из-под Израиля.

Будет новый ИМЯРЁК,
Русь — страна сверхбуйная!
Не уместится в стишок,
Если власть статуиная.

Зарубите на века:
НЕ ГНЕВИТЕ МУЖИКА !

.....

— До свиданья, друг сердешный!
Не считай года и дни,
А частушкою потешной
Страх из граждан изгони!

Чтобы правнуки и внуки
Знали твёрдо с ранних пор:
Кроме скучной госнауки,
Есть народная — ФОЛЬКЛОР !

Не возьмёт его цензура,
Не убьёт его донос.
Обойдёт литература,
Та, что смотрит на поднос.

Львы на нём висят, собаки,
Но фольклор приносит свет.
Он, как молния во мраке,
Кому — страшно, кому — нет!

ПРУЖИНЫ СТРАХА

Бывают разные приметы,
Одной был в детстве удивлён:
Огромный двор — у всех газеты,
И шёпот: «Берия — шпион...»

ВОЗВРАЩЁННЫЙ БУНИН

Всё пережил: гоненья и наветы,
Жизнь отражая в сполохах страстей...
Теперь в стране повсюду бродят феты,
Как будто нету окаянных дней.

Им недосуг, что пахарь обезличен,
Им некогда вступиться за детей,
И в мерзкой многоликости опричнин
Не видят униженья матерей.

Спешит наркота в тёмные аллеи,
А в парках бьют фазанов и косуль.
Стоит Поэт, за Родину краснея,
Что на сограждан не жалеет пуль.

ОКОЛОВРАЧИ

И дипломы есть у них,
Сносная зарплата.
Не калечьте НЕБОЛЬНЫХ —
Бойтесь Гиппократа.

РЕСТАВРАТОР

— Я жил среди вас и тяжесть жизни знаю:
Был голод, хлад и ненависть к врагу...
В миру все фотографии ветшают,
Но я вас воскрешаю, как могу.

ЛУНА НАД СОБОРОМ

В глубокую полночь, светя вполнакала,
Потом воссияла и силой лучей,
Казалось, что храм к небесам поднимала
С миллионом молитв и миллиардом свечей.

И звёзды боялись зайти во владенья,
Была она полной и мощной такой,
Что я, очарованный этим виденьем,
Почти до утра пробродил над рекой.

БОМЖ

— Ну, что мужичок, ты совсем опустился?
Щетиной оброс, по-бродяжки лохмат.
Связал бы берёзовый веник да с мыльцем
В парной похлестался б от шеи до пят.

И взгляд свой в меня настороженно вперив,
Сказал, отрешённо смотря на зарю:
— Без бани обходятся гады и звери,
А я пока зверь... только лишь говорю.

НА МОТИВ ИЗВЕСТНОЙ ПЕСНИ

«Однозвучно гремит колокольчик»,
И пылит «мерседесик» слегка.
Вслед ему по бурьянному полю
Разлетается мат мужика.

Сколько немощи в мате татарском,
По стране он идёт вкруголя.
В состояньи теперь пролетарском
Судьбоносная наша земля.

От свободы мы так похудели,
О зарплате не слышно вестей.
И коня ямщиковского съели
Реформаторы разных мастей.

В паутине статей и указов
Человек по рукам и ногам.
Эх, поднялся бы Коля Некрасов —
Младороссам бы дал «фимиам»!

ЦЕНЗОР

Он свои имеет штампы:
Буря в море — ставит... тишь.
У него стальные лапы:
Льва не тронет, давит мышь.

Что ему чужие души,
Если он раз пять в году
Пересаживает груши
Даже в собственном саду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Под старость он опять увидел день,
О родине хотел сказать стихами.
Но пахла подмосковная сирень
Тончайшими, парижскими духами.

Родных примет не замечал в Руси,
При юморе не замечал улыбок.
А мягкое привычное «мерси»
Звучало чаще тёплого «спасибо».

Когда февраль с сугроба на сугроб
Сметал снега дыханием холодным,
То вырезной на круглых ножках гроб
Родной земле казался инородным.

И близкие, в растаяв в тишину,
Дежурную выказывая жалость,
Не заменили дуба на сосну,
Чтоб хоть костям — свободнее дышалось.

И в дачной фешенебельной глуши
Им не дошло до сердца и до слуха,
Что для его истерзанной души
Земля должна быть — вдвое мягче пуха.

ФЛЮГЕРА

Лжерadio и лжеэкраны
От наглости вошли в зенит.
Довольно сыпать соль на раны,
Как песня-шлягер говорит.

Нам миллионы не сулите,
Вы сами, с текстами спеша,
Кого угодно продадите
И не за грош — за тень гроша.

Да, ваша ложь многоэтажна,
И, не считая «про» и «за»,
Не оскверняйте уши граждан,
Ну, а тем более — глаза.

Все ваши офисы и башни
Прокурены до тошноты.
Вы «А» не скажете без ПАШНИ,
Что вам знакома с высоты.

НОРНЫЙ

То Лисовой, то он Лисичкин,
То Лисишвили, то Лиссон,
То украдёт огонь у спички,
То стянет в норку миллион.

ЭНТУЗИАСТ

Век барабанил Барабанов,
Но не оглох от барабанов.

ОТРАЖЕНИЕ

Трюмо в изысканной оправе
От пола и до потолка.
Кто в комнате его поставил —
На годы или на века?!

Кому-то мира не хватало,
Кого-то к светлomu влекло,
Чтоб облик верно отражало
Посеребрённое стекло.

Гляжусь в него, далёк от глянца,
Далёк от полюсных идей.
А за моей спиной толпятся
Немые полчища людей.

Я их не видел и не вижу,
И не увижу никогда.
Давай, трюмо, подружим ближе,
Как дружит с берегом вода.

И тёмных пятен ты не бойся,
Не льсти, правдиво отражай
На лицах хмарь, на лицах солнце,
И в душах ад, и в душах рай.

Сдаётся мне — настанут сроки,
Расскажешь многое о них:
О невозвратных и далёких,
Об отошедших и живых.

ПЕСНЯ СТАЛИНИСТА НА МОТИВ «СУЛИКО»

Я могилу Кобы искал,
Слёзы лил в великой тоске,
Потому что палец мой мягче стал,
Что привык держать на курке.

Для меня наган, что отец,
Я не чту орла, чту звезду.
Мне бы только Тула отлила свинец,
А куда стрельнуть — я найду.

Что мне соловьиный прищёлк и цвирк,
Недруг бы мой стал — решето.
И в стране устроил я такой бы цирк,
Чтоб забыли цирк Шапито.

СИНИЧЬЯ СМЕЛОСТЬ

Заметней золото в ветвях.
Из дебрей гостья появилась.
И, презирая всякий страх,
С утра под окнами резвилась.

Боясь красавицу спугнуть,
Ей корм бросал я понемножку.
Вот так до вечера побудь —
Она бы села на ладошку.

БОГАТЫЙ ДВОР

Мамаш из малолеток
Мы видим в день весны.
Они родили деток
При помощи казны.

АППАРАТЧИК

Такого типа я не видел,
Пролез же хлюст на самый верх.
Он к горю чуток и к обиде —
И понимает больше всех.

Одно лишь жаль: его учтивость
Народ не сразу распознал.
Он беспардоннейшую лживость,
Как правду, людям выдавал.

РАССТРЕЛЯЛИ В СПЕШКЕ

Снайперам задание дали:
Гауляйтера убить.
— Будет рад товарищ Сталин,
Он сумеет наградить.

И ребята были в силе,
Глаз — острее чем штыки.
Только их опередили
Партизанские стрелки.

Но никто не знал об этом,
Через день иль через два,
Тех, кто связан был с секретом,
Разместили возле рва.

Краток был майор из СМЕРШа:
— Не исполнили приказ!
Автоматчики поспешно
Снайперов убрали враз.

Офицеры и солдаты
Настрадавшейся страны
Оказались виноваты,
Где их не было вины.

МНЕНИЕ

Таёжник, живший по соседству,
Сказал мне как-то во дворе:
— При всём достатке нету детства,
В них вижу старость при игре.

Стариковатость в разговорах,
Стремленье что-нибудь украсть.
В подвалах прячутся, как в норах,
И сигареты курят всласть.

Как с детских лиц стереть морщины?
Им чужды музыка и стих.
Какие женщины, мужчины
Через время вырастут из них?

СВЯТОСЛАВ ФЁДОРОВ

Он в споре был горячим,
Но в правоте — един:
— Народ быть должен зрячим
От соски до седин.

Отец — спасает сына,
А мать — спасает дочь.
Святая медицина
Пусть с глаз снимает ночь.

СВЯТЫЕ МОГИЛЫ

Более 30 лет назад, я посетил Новодевичье кладбище, чтобы поклониться А.П. Чехову, И.И. Левитану, В.М. Шукшину... То, что я увидел меня поразило. Были написаны стихи и я их направил в Мосгорсовет... Через время был получен ответ, который публикуется ниже стихотворения.

Цветы здесь поштучно и в банках.
Таблички — усилили боль.
Так ставят на школьных делянках
Фанерки «морковь» и «фасоль».

Не пять уже лет и не десять,
Но это забвеньё зачем?
«Катюшей» — один интересен,
Другой — реализмом поэм.

На холмики ходят коллеги,
С наградами и без наград.
Вот жаль, Моргунка на телеге
Смотритель отправит назад.

Привёз бы он, помня обычай,
Пахучий берёзовый крест.
Без всяких там знаков отличий
От горьких объезженных мест.

И Тёркин, кисет раскрывая,
Сказал бы, угрюм от беды:
— Да что ж, Москва золотая,
Бойцу не поставишь звезды!

... Душа разрывалась на части,
Я думал, идя сквозь туман:
За что так обиделись власти
На этих великих славян?!

Верховная власть своенравна
При точных кремлёвских часах.
Я понял, что правда и «Правда»
На разных стоят полюсах.

P.S. Ксерокопия письма прилагается

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

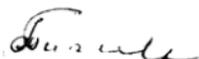
Управление
коммунального обслуживания населения
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ТРЕСТ
БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Гр. Рассохину В.В.
302030, г. Орёл, Новосильский пер.,
4-59

Адрес _____
Телефон _____
От 10.08.84 № 7/216
№ _____ от _____

Рассмотрев Ваше письмо, адресованное в Мосгорисполком, Спецтрест сообщает, что на могиле М.В.Исаковского, на Новодевичьем кладбище, установлен металлический памятник на постаменте из красного гранита. На могиле Твардовского А.Т., на этом же кладбище, имеется мраморная мемориальная плита и коколь из красно-серого гранита.

Зам.управляющего Спецтрестом

В.А.Тиганов

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

На свалке жалкие останки —
Стальное кладбище войны:
Здесь «фердинанды», пушки, танки
В смертельный мрак погружены.

Блиц-криг для них стал жутким креном,
Ржа точит гусениц углы...
И резал сварщик автогеном
Высокопробные стволы.

Увековечили
Тёркина...

НАШ РЕЦЕПТ

От войн есть мощный эликсир:
ВСЁ ЗОЛОТО — ИДЁТ НА МИР!

САЛЮТ РОДИНЫ

(5 августа 1943 года)

Сияли радостные лица,
Как будто май вернулся к нам.
Впервые древняя столица
Салютовала городам.

И было столько благородства
В глазах бойцов и горожан.
В войсках — качали белгородцев,
В войсках — качали орловчан.

Пахнуло нежностью черёмух,
Пришли мечты о соловьях
На боевых аэродромах
И на военных кораблях.

Мы помним радужное небо.
Оно светило над страной.
И каждый воин, где б он не был,
Сверял дыхание с Москвой.

*В.И. Образцов и И.Д. Санько (в центре),
водрузившие флаг над Орлом.*

ПОКЛОН ГЕНИЮ

К золотой мечте своей
 Шёл я через годы.
 Здравствуй,
 Пушкинский лицей, —
 Уголок свободы!

...Вот гусиное перо.
 Как оно скрипело!
 К обездоленным добро
 Искрами летело...

День брожу я... И во мгле
 Не проходят чары...
 Только жаль, что на земле
 Есть ещё анчары.

ПЕРЕБОР

Сегодня умных очень много,
 Дипломов красно-синих тьма.
 Но при сведении итогов —
 И, вправду, — горе от ума.

Титульный лист
 первого издания
 комедии
 А.С. Грибоедова
 1833

ТРАВЫ СОЗРЕЛИ...

Сенокос начинается с вечера,
Когда нет ещё россыпи рос.
И мелодия слышится вечная —
Перезвон отбиваемых кос.

Сразу меркнут все звуки привычные:
Рёв бурёнок да скрип журавля...
И тиха в это время обычное
Разомлевшая за день земля.

Ну, а завтра, зарёю весёлою,
Ослепляя бывалых косцов,
Упадёт разнотравье тяжёлое
На немнущийся ёжик лугов...

Пусть хрустит оно мягко под вилами
И ложится в тугие скирды,
Лишь бы небо дождями и ливнями
Зачеркнуть не успело труды.

НА БОЛОТЕ

Камыши, камыши, камыши,
Кряковые кружат то и дело.
Для охотничьей, чуткой души —
Превеликое время приспело.

Встрепенёшься от свиста крыла,
Когда на воду плюхнется стая,
И летит сноп огня из ствола,
Предвечерний туман разрезая.

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

Есть застрельщики ума,
Есть его целители.
Первым — надобна тюрьма,
А вторым — обители.

Чтоб в природной тишине
На Оке, на Жиздре ли
Помогали жить стране,
Побывавшей в выстреле.

МАТЬ

От судьбы — не в сторонке,
Век в горниле беды:
То идут «похоронки»,
То — повестки в суды.

Сколько лет её плачу?
Зрит сквозь слёзы на мир.
Младший — просит на дачу,
Старший — спился до дыр.

Внучек — клянчит на джинсы,
Внучка — ждёт на кулон.
Словно у мастерицы
За душой миллион.

Непослушные дети
При запросах больших...
Раньше всех на планете
Поседела от них.

МЕССИНГ В ОРЛЕ

Вольф вышел — сразу замер зал,
И тишь была необычайной.
Народ прекрасно понимал,
Что он владел глубокой тайной.

Шептали: — К Гитлеру был вхож.
— К нему был Сталин недоверчив...
И на ежа он был похож —
Аж голова входила в плечи.

Смотрел в глаза и щупал пульс,
На лицах видя перемены,
Что кто-то крикнул: — Я боюсь!
И убежал в партер со сцены.

Но смелым тоже не везло,
Они при нём так были жалки:
Всё время морщили чело,
И ноги делались как палки.

Как мастер численных систем,
Вникал в деленья-умноженья.
Когда он шёл, казалось всем —
Сходились тень и озаренье.

Он завлекал в свой круг людей,
Привыкших к голоду и к грозам,
Хотя и сам был у властей
Под государственным наркозом.

ТАНКЕР «ЛУГАНСК»*Сыну Сергею*

— В диверсионной перепалке
Держался танкер молодцом!
Теперь пойдёт на зажигалки, —
Сказал с улыбкою старпом.

Но фиолетовые спины
И жёсткость взглядов моряков
Напоминали мне про мины
У тех, далёких берегов.

Он в порт спешил, за милей миля,
Зловещим взрывом потрясён...
Неважно, что его распилят,
Но дух команды сохранён.

И ей курсировать в широтах,
Решая мирные дела,
Ведь золотой страницей Флота
Она в историю вошла.

Никарагуа — Новороссийск,
в порту стоял как «Томь».

ВАШ ВЫБОР

Ржавчина проходит по железу,
Как фискал идёт по этажу.
Ни в какие партии не лезу,
Ни в какие блоки не вхожу.

Знаю Баха, Гойю и Бальзака,
Дорог Рубенс, Репин и Толстой.
Общечеловеческая драка
Вечно пахнет бойней и войной.

Падок мир на сладенькие сказки
Фюрера, генсека и царька.
Не забудьте красные повязки
И на белом фоне — ПАУКА.

До сих пор нас дрожь берёт от вида
Свастики трагических времён.
И спасёт планету лишь планида
ОБЩИХ — не поверженных знамён.

УШИ СТЕН

Русскому напомним и еврею,
Чтоб вас не крутил державный псих,
Вспомните «великую идею»,
Как вы отрекались от родных.

Ну, а коль вы преданы охране,
В чьи-то жизни влезли до минут,
Пусть у вас в сердцах грохочут танки,
И аорты — гусеницы рвут.

Вот она паучья паутина,
Как ни полируй её, ни крась.
Оком быть и ухом властелина —
Самая преступнейшая страсть.

НЕОЖУЛЬЁ

Надёжно прячется в «пенаты»,
Не подберёшь туда ключи.
Из окон смотрят автоматы
Бритоголовой саранчи.

Глаза впиваются в дорожки,
Здесь мощный их водораздел.
От дятла пёстрога до мошки
Берёт охрана на прицел.

А за спиной — «божки» пируют,
Актрис в застолье, как опят.
Едят и пьют и в ус не дуют,
Но люди так о них толкуют:
«На бочке пороха сидят!»

ПОМНИТЕ!

Военкоматы Родины моей,
И все энтузиасты-следопыты,
Всех поднимите с моря и полей
Погибшие — вовеки не убиты!

ОТШЕЛЬНИЦА

— Самогонку гоню,
Властью нашей судима.
Прикипела к огню,
Без огня — нету дыма.

В пенсионный мой срок
Не спасёт клочок усадьбы.
Кормят — лишний рублѣк,
Похороны да свадьбы.

ЗАБЛУДШИМ

На баксо-полусленге зубоскаля,
Его словарь до дна не изучив,
Всѣ дальше удаляемся от Даля,
Смотря на Вашингтон и Тель-Авив.

МЧАТСЯ ГОДЫ...

Грустно, больно и обидно,
Поредел наш общий круг.
Ни друзей уже не видно,
А тем более подруг.

Разлетелись, словно тучки,
Кто в аду, а кто в раю.
Лишь увидишь в чьей-то внучке —
Одноклассницу свою.

КТО, ЕСЛИ НЕ ВЫ?

*(Открытое письмо экс-президенту РФ,
Председателю Правительства РФ,
Лидеру партии «Единая Россия»
Владимиру Владимировичу Путину)*

Уважаемый Владимир Владимирович!

Вы, как всеохватнознающий представитель КГБ-ФСБ, — скажите в XXI веке: **КТО УБИЛ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО???** Все «биографы» поступают по версии «самоубийство», хотя всё было не так... по утверждению ряда исследований.

Участники 100-летнего юбилея поэта в селе Константиново Рязанской области.

Не знаем, Вы пытались или нет,
Была ж пред Вами СУПЕР-КАРТОТЕКА.
И дайте нам в печати свой ответ
На два жестоких преступления века.

Мы знаем, что в архивах есть лгуны,
Подписку дав, — молчат чистосердечно.
Откройте людям тайну тайн страны,
Снимите гриф секретный «ХРАНИТЬ ВЕЧНО».

А если трудно сделать этот шаг,
Не будем беспокоить, как премьера.
Когда-нибудь найдётся ж некий маг,
Которому все сейфы, — как фанера.

Сергей Есенин.
1925 г.
Собирался
издавать журнал.

Ленинград. Гостиница «Англетер». 28 декабря 1925 г. «Исследователи причин смерти Сергея Есенина давно пришли к выводу о прямой причастности к гибели поэта ОГПУ. И документы об этом есть в КГБ, да вот уже семь десятилетий не дают читать их» (Известия», 25.09.97 г.). Теперь в ФСБ. Прошло 12 лет...? Гостиница «Англетер» снесена.

Прощание с великим рязанцем.
Москва. 31 декабря 1925 года.

Владимир
Маяковский хотел
сказать во весь
голос...

Грандиозные похороны поэта-
трибуна. Москва.
Так — лучше.
17 апреля 1930 года.

Слова не дали. За правду — пуля.
14 апреля 1930 года.

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЫКА ДУШИ»**АНАСТАСИЯ ВЯЛЬЦЕВА**

Откуда это колдовское соло,
Романсово-цыганистый размах,
Когда сам царь со слугами престола
Рукоплескал, забыв, что он монарх.

Стремительно о ней летела слава,
Красавица — лебёдушкой была.
Но сцена — очень тонкая отравка,
Сломала ей упругие крыла.

Бег времени не властен над искусством,
Не оборвал он песенный полёт.
И до сих пор весь мир вздыхает с чувством,
И слушает, как Вяльцева поёт.

ПЁТР ЛЕЩЕНКО

О, как жасмином пахнет пряно,
В жасмин — распахнуто окно.
И танго юности «Татьяна»
Звучит отрадно-неземно.

И я не чувствую пластинки,
Меня всего берет в полон
И волшебство цыганской скрипки,
И незабвенный баритон.

ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА

Завистливы духовные уроды,
Терзали песню даже в божий день.
Но светится и светит через годы
В росе алмазной
Белая сирень.

Ты устояла в хаосе жестоком,
С теплом сердец не потеряла связь,
Когда тебя за нежность и за локон
Режимная охаивала мразь.

ВАДИМ КОЗИН

Ему определили путь — в МАГЛАГ,
Чтоб там трезвей подумал о России.
И вроде бы не враг, но всё же враг,
Поскольку пел певец о ностальгии.

А ностальгия взята на прицел,
И приговор свершается в минуту,
Поскольку «государственный менгрел»
В культуре видел песенную смуту.

Он жил в краю, где золото и вошь,
Где по-иному видят луч свободы,
Пропев в конце: «Я ненавижу ложь!»
В надежде, что поймут его народы.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

Ему знакомы штили, бризы, бури,
Причудливая вязь людского зла.
В бананово-лимонном Сингапуре
Экзотика его не увлекла.

Летел через Гонконги и Шанхай,
Надеясь на упругость слабых сил,
Как лебедь, приотбившийся от стаи,
Как странник, что по дому загрузил.

И в год порохового лихолетья
Вернулся он на горькие хлеба,
Соединив забвенье и бессмертье,
Сняв пыльный плащ всемирного раба.

АЛЛА БАЯНОВА

Когда поёт — мы все бываем немые,
В себя глядим и глубже, и смелей.
Певица, щедро дарит хризантемы
Под оклик запоздалых журавлей.

Я в зал смотрел, где не было местечка,
Где люди забывали про года,
Как бирюзовым таборным колечком
Она их кольцевала навсегда.

ЮРИЙ МОРФЕССИ

Кумир Одессы, черноглазый грек,
Московский «Ярь» влюбил в себя всецело.
С годами повсеместно и навек
Его искусство миром овладело.

Рукоплескали Лондон и Париж,
Изысканная публика Белграда.
Хотел домой... Но разве полетишь,
Когда в престольной душится эстрада?!

Стреляет по «цыганщине» в упор,
И «княжьи» корни ищет у артистов
Вся голытьба, что вылезла из нор
Под лозунги ЧК — вэкапэбистов.

Но песню — никогда не запретить,
И, если в ней есть искренность и нега,
Она, как бриллиантовая нить,
Как первоцвет, глядящий из-под снега.

ФЁДОР ШАЛЯПИН

Безжалостно-наглеющие силы,
Увидев в нём враждебный рецидив,
В Париж его толкнули до могилы,
Лишив всего, на голос наступив.

Народ молчал.

Пришёл правитель жёсткий,
Надолго став у властного руля.
Но выше был гигант нижегородский
Чужого и высокого Кремля.

Выплёскивали всё на эмигранта,
Но имя опорочить не смогли,
Поскольку свет глубинного таланта
Лучами бил во всех концов Земли.

КОНСТАНТИН СОКОЛЬСКИЙ

Не позабыть сценического мига,
Он был в букетах астр и георгин.
Его талант приветствовала Рига,
На «бис» встречали Загреб и Берлин.

Внимали дамы, кельнеры, матросы.
Смягчалась предвоенная гроза,
Когда он пел «Дымок от папиросы»,
Про тройку и про чёрные глаза.

Мир клокотал, не всё в нём было чисто,
Но разве с пушкой сладит скромный стих?
И пел он о румяных гимназистках
И про гостинцы-прянички для них.

...Пластинку ставлю. Голос издалёка,
Как солнечного ливня полоса...
Как в этом мире ни было б жестоко —
Не прячьте в фонотеке голоса.

ГЕОРГИЙ ВИНОГРАДОВ

Он был отличный луночный рыбак,
И в глухомань сбегая из столицы,
Ловил ершей. Брал иногда судак,
В снег зарывались резвые плотвицы.

Так целый день — от зорьки до зари —
На льду речном, где тени от подлеска,
Певец светился счастьем изнутри,
Когда, звеня, натягивалась леска.

По январю он шёл, по февралю
Сквозь вьюги и крещенские морозы.
А после танго подарил «Люблю»,
Такое, что мы слышим запах розы.

ФЕЯ

Я подвергнут был многим печалям,
И скажу тебе вновь под луной:
— Свят... жасмин твой над белым роялем
И романсы, что спеты ТОБОЙ!

АЛЕКСАНДР ЦФАСМАН

В Гурзуфе цвёл миндаль,
На море не штормило.
«Мне бесконечно жаль», —
Как танго было мило!

Потом звучал «Джозеф»,
Ритмический и южный.
Развеивал он блеф,
Что композитор — чуждый.

Поэт и пианист —
Нёс людям свет и счастье
Под оголтелый свист
Глухонемых от власти.

ЛЕОНИД УТЁСОВ

Раскинулось море широко,
И льды подпирают ГУЛАГ.
Враг с Запада лезет, с Востока,
Не дремлет и внутренний «враг».

Под взором верховного глаза,
Где ноту лишь знают одну,
Внедренье заморского джаза
Подвижнику ставят в вину.

Тасуют ему инструменты,
Как шулеры карты в кругу,
Стремясь, обозначив акценты,
Согнуть музыканта в дугу.

Блюстители соло-порядка
При силе — понять не хотят:
— У Лёни — джазменская хватка,
Смотрите «Весёлых ребят»!

ЛИДИЯ РУСЛАНОВА

Под Новый год мело и выло,
И в эту заверть, в эту выть
Начальство лагеря решило
В свой круг певицу пригласить.

Коньяк. Шампанское. Лимоны.
На ёлке — алая звезда.
— У вас я чувствую стеснённо,
В бараки, может быть... туда?

И замполит замялся вроде,
Потом промолвил: — Всех собрать!
Кому придётся на свободе
Билет на «Валенки» достать?

А месяц, крашенный багрянцем,
А милый терем, где светло...
От непредвиденных оваций
Барак приземистый трясло!!!

Мечтами жизни довоенной
В режимный быт вошла она.
И между зрителем и сценой
Стояла счастья пелена.

А во дворе — на свет неяркий
Буран бросал колючий снег.
Да часовые и овчарки
Ловили плачь его и смех...

ЭДДИ РОЗНЕР

На Колыме и вьюжной, и морозной
Скулят овчарки, караул продрог.
В Кремле — тиран,
а здесь в фаворе Рознер,
Труба, как солнце, да и сам он — бог!

Играет с блеском Дюка Эллингтона
При лютой стуже

жаркий «Караван».

И, кажется, что отступает зона,
Теплеет Ледовитый океан.

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО

О, море в Гаграх в ночь очарования!
Старинный парк, где льются смех и речь,
То вас окружит плавно вальс «Молчание»,
«Записка» намекнёт о тайне встреч.

И голос, откровенный до наивности,
Захватит вашу душу целиком...
Она смогла на крыльях песен вынести
Тех, кто был ранен пулей и штыком.

В новейший век, когда глаза — полтинники,
Когда в ходу стрельба из-за угла,
Мне кажется, её платочек синенький
Трепещет одиноко против зла.

МАРК БЕРНЕС

Я был заядлым из кинолюбителей,
Экран вбирал мальчишеский порыв.
Он в нашу жизнь вошёл из «Истребителей»,
В любимый город каждого влюбив.

За сердце голос брал его лирический,
Солдаты крепче били по врагу.
Без «Тёмной ночи», светлой и трагической,
Артиста я представить не могу.

Дорога жизни — с пашнями и долами
Ухабистой бывает и крутой.
Не все с войны пришли тогда весёлыми,
А кое-кто пришёл с пустой душой.

Шипели: «На эстраде делать нечего...»
Начальственные лица на посту.
Но пел певец душевно и доверчиво,
И мир ловил те песни на лету.

НИКОЛАЙ СЛИЧЕНКО

*Экспромт, написанный после встречи
с артистом в Орле*

Может, это и самообман,
Но в минуты тупого бессилья,
Почему-то при слове «цыган»
У меня появляются крылья.

Слышу бубен, призывы монист,
И, хоть сам не цыган по анкете,
Я тогда на весь мир — гитарист
И единый плясун на планете.

ОСКАР СТРОК

Мелодия — красивая вакханка,
Она хмелит, как крепкое вино.
Быть королём сердечнейшего танго
Не всем маэстро Господом дано.

Звучал рояль. Какая вроде малость,
И что ни нота — искорка в крови.
О сколько пар под музыку влюблялось,
Перегорело в сполохах любви?!

И нынче из туманного далёка
Былая слава вновь пришла к нему.
Я имя повторю Оскара Строка
За вечное «Скажите, почему?».

Так слушай, новый век, его дыханье,
Оно летит в эфир во все концы,
Как радовались в краткий час свиданья
На танцах наши мамы и отцы...

Потом война усилила утраты.
Казалось, не пройдёт огонь и стон.
Но брали офицеры и солдаты
«Вельтмайстер» — дорогой аккордеон.

По клавишам тугим скользили руки,
И звали к мирной жизни голоса,
Не веря, что с любимыми в разлуке,
Надеялись на чёрные глаза.

Для многих — счастье виделось в тумане,
Других — терзало собственное «я»...
Властитель нот — талантливый рижанин
Спасал людей от каверз бытия.

НАНИ БРЕГВАДЗЕ

Тает вишенник в лунном тумане,
Кто-то крутит пластинку подряд.
Чудный голос волнует и манит —
Даже звёзды глядят в полисад.

И такая в нём тайная сила,
Что бескрылый рванётся в полёт!
Сколько жизней в «Калитку...» входило,
Сколько счастья в «Калитку...» войдёт?!

БУЛАТ ОКУДЖАВА

К сердцам людей он шёл от эпатажа,
Когда в стране чуть-чуть качнулся страх.
Его концерты осаждала стража,
Но в форме милицейской, на конях.

Анастасия
Вяльцева

Александр
Вертинский

Фёдор
Шаляпин

Пётр Лещенко

Юрий Морфесси
«Ах, эти чёрные
глаза...»

МУЗЫКА ДУШИ (Кумиры эстрады и кино)

Константин
Сокольский

Вадим Козин

Король **ТАНГО**
Оскар Строк

Леонид Утёсов

Изабелла Юрьева

Пётр Лещенко
и Вера Белоусова

Александр Цфасман

«Утомлённое солнце
нежно с морем
прощалось...»

Лидия
Русланова

Марк Бернес

Клавдия Шульженко
«Ты помнишь наши встречи
И вечер голубой?...»

«Вдыхая розы
аромат...»

Танго «Люблю»
прозвучало в
исполнении
Георгия
Виноградова

«Цветущий май»
Артура Полонского
помнят и сегодня...

Надежда
Плевицкая

Любовь
Орлова

О друзьях-товарищах
пела Клавдия
Шульженко

Алла Баянова

Искромётный
трубач Эдди
Рознер

Василий
Соловьев-Седой:
«Вечер на рейде»
Споёмте, друзья...

Марина
Ладыгина

Исаак
Дунаевский

Буллат
Окуджава

Николай
Сличенко

Евгений Мартынов

Вячеслав
Тихонов к/ф
«Война и мир»

Нани
Брегвадзе

Владимир Высоцкий
к/ф «Служили два товарища»

Очнувшись от всемирного пожара,
Он воинство решился прославлять.
Но не всегда «смирновская» гитара —
Сумеет боль и радость передать.

И радиоредакторы спецназа,
Дав микрофон, решили под шумок:
— Пускай себе поёт дитя Кавказа,
Поскольку песня — всё же не клинок.

К нему пришла прижизненная слава,
Но скажем не для красного словца:
— Свободой великая держава
Умело ограничила певца.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

С чьего мановенья центрального,
В глаза сверхзаботой пыля,
Певца и поэта опального
Свели к индустрии рубля?

Тюльпаны теперь над останками
Кладёт фарисейская рать.
Вчера его исповедь — танками
Она же хотела распять.

О, как его душенька мается,
Смотря на торги с высоты!
И глина уже возмущается,
И краски марают холсты.

Как молния, шёл он, зигзагами.
Оборваны тысячи струн...
А кони по-прежнему загнаны —
Над пропастью сбились в табун.

ОЛЕГ ЛУНДСТРЕМ

Был Харбин и был Шанхай,
Силы пробовал в Казани.
В музыкальный рвался рай,
Испытав ушаты брани.

Слушал я его в Орле
В ритме чудного оркестра.
И, казалось, на земле
Нет волшебнее маэстро.

СЕДОЙ СКРИПАЧ

— Я на критику не поддамся,
Шостакович был мерзок ИМ.
Люди знают расстрел под Брамса,
И расстрелы были под Гимн.

ДОБРАЯ ВСТРЕЧА

Валентина, звезда, мечтанье,
Как поют твои словьи?
Как луч света, как заклинанье
Блок оставил стихи свои.

И сквозь эту магию слова
Вижу розы я в хрустале...
Как отрадно, что Толкунова
Валентина поёт в Орле!

8 июля 1993 года

ДОКТОР ВРЕМЯ

Валерию Леонтьеву

Все трудятся в кошмарном белом свете,
Кто за миллионы, кто-то за гроши.
Когда талант за шар земной в ответе,
Здесь труд не в счёт — здесь каторга души!

СОФИЯ РОТАРУ

Ей дифирамбы распевать не надо,
Чарующей любимице страны.
Вошла в сердца прекрасная «Лаванда»,
Но выжал слёзы — госпиталь войны.

МОЛОДОЙ СОЛИСТКЕ

Когда тоску поведаешь берёзам,
Сумей заметить в этом же леске,
Как тянется меж солнцем и морозом
Подснежник с первой пчёлкой на цветке.

ГЕЛЕНА ВЕЛИКАНОВА

Её за «Ландыши» ругали:
— Другие песни ждёт страна!
А песню радостно встречали,
Сквозь зиму — виделась весна.

Как мерзки — цензоры искусства,
Кто им такую власть даёт?
Они топтать готовы чувства
И обескрыливать полёт.

АРКАДИЙ ПОГОДИН

Его в эфире редко вспоминаем,
Он до войны был признанный кумир.
А если запоёт, то замираем —
И каждый вспоминает... парк Чаир.

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА

Душа широкая, как Волга,
В нас лучезарный свет несла,
Затмив поющих без умолку,
А их сегодня — несть числа.

ГЛЕБ СКОРОХОВ

Он — мастер слова об актёрах,
О тех певцах, кто нёс тепло,
Чтоб общество в военных шорах
В звериный рык не перешло.

БЕЗ ЛУНЫ

Иду лужком, хоть росно, но короче.
Уже река на плёсах не видна.
И ночь намёком звёздных многоточий
Мне говорит, что не взойдёт она.

Мои давно освещены удачи,
И, может быть, здесь истина права,
Что без луны целуемся мы жарче,
Поскольку тьма — скупее на слова.

В УНИВЕРСАМЕ

Никогда не забуду картину,
Как испуганно-нервная мать,
Крутит руку кричащему сыну:
Леденцов ему не за что взять.

А витрина — витрина без чувства,
Покупателей бьёт по глазам,
Заставляя магнитно-искусно
Всех клиентов тянуться к деньгам.

ПРИХВАТИЗАТОР

Освоив чётко метод флюгеризма,
Привыкший жить под вытяжкой руки,
Хватал за горло в годы сталинизма
И перестройку взял он за грудки.

Ему всё мало: в духе века — дача,
Есть лимузин и в банке крупный счёт.
В судьбине личной только незадача:
Сын сел в тюрьму, а внучка водку пьёт.

ДОМОЙ

— Не печалься, тётка Лиза!
Подвезу! — сказал дедок.
— Что с тобою, из каприза,
Не пожаловал сынок?

— Замотал милова город:
Тялевизер да станки...
— Не волнуйся, хата скоро...
Город выбелит виски!

— Поскорей бы окна настезь,
Кур пуцу... не без живья.
Хоть и крохотное счастье,
Но сама себе — своя.

Надышусь речным туманом,
И зарёю подышу.
И в страду односельчаном,
Хоть рукою помашу.

А случись какое горе,
Кто под богом не живёт?

Первый крестник мой, Григорий,
Телеграмму отобьёт.

...Окна досками забиты,
Дверь прихвачена замком...
— Добрый день, мои ракиты!
Здравствуй, мой родимый дом!

СВЕТОТЕНЬ

Вот и прибыл в дивный град —
Рад и всё-таки не рад.

Рад, что встретился с «Авророй»,
Рад, что видел лик Петра,
Рад и Зимнему, который
Лихорадило «Ура!».

И кунсткамера прекрасна,
Лавра тоже хороша.
Не могу представить ясно
Я Разлив без шалаша.

Почему ж на сердце мглисто?
Изменила благодать:
Пять казнённых декабристов
Не дают мне засыпать.

И в сумятице сердечной
Обостряется мой взгляд:
Не Невой, а Чёрной речкой
Опоясан славный град.

И других имён громада,
Что сияли и ушли.
И Великая Блокада —
Хуже Дантевского ада —
Шрам на памяти Земли.

В КОМАРОВО

Причёсан ветром тоненький сосняк,
Роняющий отжившие иголки.
И хвойный дух, как будто бы иссяк,
В пристанционном творческом посёлке.

В аллеях и вдоль улиц — ни души,
Туда-сюда не мчатся электрички.
И вроде — глушь, и вроде нет глуши,
И фонари, как вспыхнувшие спички.

Свет под ногами — темень впереди,
И на душе настолько одиноко,
Что чувствую до холода в груди,
Как не хватает Репина и Блока.

ДЕСАНТНИКИ

Беретами заменены пилотки,
По выправке — красивы и крепки.
И что-то видно дерзкое в походке,
Таких боятся пули и штыки.

Идут они, с иголочки одеты,
С младенческой улыбкой на губах.
И так девчонки смотрят на береты —
Голубизна качается в глазах.

Десантники на марше! Не взыщите!
Но, ради этих розовых невест,
Возьмут Луну, Сатурн возьмут, Юпитер,
А что тут говорить про Эверест?!

ОФИЦЕРСКОЙ ЖЕНЕ

На погонах — восемь звёзд,
По четыре на погоне.
И ронять не надо слёз,
Если муж на полигоне.

Улыбнись издалека —
И над ним и над тобою
Разойдутся облака,
Принесённые грозюю.

МАНДАРИНОВАЯ РОЩА

Струится запах нежный-нежный,
Сбивая соль морской воды.
Цветёт на южном побережье,
На север катятся плоды.

И впрямь — оранжевое диво
В зелёных светится ветвях!
Сорвёшь — почувствуешь счастливым:
Плод, словно солнышко, в руках.

— Бэри, родной! — влетает в уши,
Кавказ наш будешь вспоминать.
Бледнеют яблоки и груши,
И сливам нечего сказать.

ПРОВИНЦИЯ

Есть в глубинке город — что ни дай,
Завези хурму или креветки —
Очередь! Стоят, как будто в рай,
Разница лишь в том, что держат сетки.

Знают все, что вяжет рот хурма,
Знают, что креветки — не цыплята,
И пустеют шумные дома,
Шум у магазинов до заката.

Утром — продаётся лук-порей,
В полдень — продаётся простикомма.
Несмолкаем гвалт очередей —
Будничная музыка знакома.

А вокруг в киосочной тиши —
В стёкла смотрят Глинка, Бах и Шуман.
Город их и взял бы для души,
Только день с провизии задуман.

Пробегают, каждый при уме,
После будут фуги и терцины.
Но уже в вечерней полутьме
Слышен крик: — Сгружают апельсины!

Милый город! Вечный уют.
Мне твои мечтанья отгадать бы.
На вопрос: — А часто здесь поют?
Слышу вздох: — От свадьбы и до свадьбы.

Может, так, а, может быть, не так,
Может, песни где-то днём и ночью.
Только чаще сетку и рюкзак
Вижу я у каждого воочью.

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО...

Как нам в круговороте дней
Понять себя, врагов, друзей???
Чтоб через совесть и природу —
Полнее чувствовать свободу.

СКЕПТИК

Открываю другу двери,
И с порога он мне — бряк:
— Никогда я не поверю,
Что берёт в ночи судак!

Пригласил его с ночёвкой,
И фонарь ему вручил,
Чтоб смотрел он очень зорко,
Как флажок встаёт в ночи.

Боже! Что с беднягой было,
Когда луч на них попал.
Словно ветром подхватило,
Я за ним не успевал!

Не судак — а судачищи
Были взяты у моста...
А теперь он всюду ищет
Пескариные места.

ЗАВЕТНОЕ МЕСТО

Я вижу то, что многие проспали.
Волнуясь, отправляюсь к озерку...
О перволёдые! Как тебя мы ждали,
Что вся природа просится в строку!

Иду к нему знакомою тропюю,
Мороз трескуч и снег не опоздал.
Надеюсь, что порадую ухою
Друзей своих, кто здесь не побывал.

СТРАННЫЙ СОН

Бывает же такая штука,
Порой предвидится что зря:
Не Медный всадник — а гадюка
Конём преследует царя.

С холста Рембрандтского Даная,
Сквозь вековую тишину,
Тугие груди прикрывая,
Сбегает в Невскую волну.

Нет никого на красном месте:
Под троном — Зевс, стал нищим — Крез.
Искусство может быть в Протесте,
С идеей авторской вразрез.

Проснулся. Скомкана подушка.
Смотрю в окно, боюсь моргнуть:
Цел Эрмитаж. Стреляет пушка.
И Пётр — указывает путь.

ПЕРЕД БУРЕЙ

Угрюмый берег Финского залива,
Пустынная песчаная коса.
И облака, теснимые порывом,
Свинцом отяжеляют небеса.

Куда же всё попряталось живое?
Здесь даже крики чаек не слышны.
Который век молчат перед волною,
Как северные сфинксы, валуны.

Величие и холодность простора
Душа не сразу может перенести.
Но дым костра, смолистый запах бора
Мне говорят, что рядом люди есть.

В «ПЕНАТАХ»

Апрельский день почти великолепен,
То облака, то солнечная ясь.
И, кажется, из дома выйдет Репин,
Приветливостью искренней светясь.

Бросают сосны синенькие тени,
И здесь, в усадьбе, чувствуешь с утра
Не тишину казацкого куреня,
А вольный ветер Волги и Днепра.

Он не таил от зрителей секрета,
И мощью духа, смелостью мазков
Клял золото вельмож из Госсовета,
Пел рубища усталых бурлаков.

Дав смертный бой убийцам и тиранам,
Носил в себе — и в этом я клянусь,
Тяжёлый посох, брошенный Иваном
Не в сына, а в растерзанную Русь.

Схожу в раздумье тихо со ступенек,
И так просторно сердцу и уму.
Илья Ефимыч — мудрый современник,
И будущее тянется к нему.

КОГО ОХРАНЯЮТ?

Майский вечер достиг совершенства,
На блондинку похожа луна.
За зелёным забором блаженства
Проживает актриса одна.

«Мерседесы» к ней мчат, «Кадиллаки»,
Даже чёрно-сияющий «ЗИС».
И английской породы собаки
Здесь восторженно лают на «бис».

Там шампанское пьют и мадеру,
Пьют из чешских бокалов резных
За искусство, за правду, за веру —
РАЗУВЕРИВШИСЬ ПОЛНОСТЬЮ В НИХ.

А напротив, в бревенчатой будке,
На дежурстве, как штык, постовой.
Он по графику — вплоть до минутки,
Охраняет вальяжный покой.

На сержанте скрипит портупея,
На боку в кобуре пистолет.
Что ему театральная фея?
Он и сыт, и обут, и одет.

С веток — золотом падают капли,
И сказал мне охранник-не плут:
— Я такие здесь вижу спектакли,
Что в театрах Больших не пойдут!

ПАТАЛОГОАНАТОМАМ

Зачем с утра вы травите народ
Изысканно-врачебною заботой?
Эфир покиньте... Пусть народ живёт,
Не ведая ваш «шприц» перед работой.

Латынью овладев и языками,
Подскажем вам, когда молчит премьер:
Системою своей лечитесь сами,
И приучитесь твердо молвить «ЭР».

СМЕХ ДА И ТОЛЬКО...

Я прочитал в афишах Питер-града,
А это афишируют для всех:
ПАРАДЫ ПАРОДИСТОВ — не шарада ль,
И удивился — будет ли там смех?!

Конечно, будет — мелкий и рублёвый
На бытовщинно-сексовой игре.
Бессчётные каламбуристы слова
Рекомендуют голое пюре.

Как говорят: ни рыбы и ни мяса
К нему «трудяги сцен» не подают.
Они всё время думают о кассах,
А в кассы люди денег не несут.

Не потому, что очень жадноваты,
И что броня у них — заместо душ.
Идти смотреть их с килограммом ваты?
НЕ ВСЕМ УШАМ — БЛАГОПРИЯТНА
ЧУШЬ.

ДЕВЯНОСТЫЕ...

На вокзале так хочется есть,
Тяжко время идёт до рассвета.
На пустующих полках буфета
Мух не видно, но ценники есть.

УДАВЫ МЫСЛИ

*В 1946 году ЦК ВКП(б) подвергло
уничтожающей критике творчество
Михаила Зощенко и Анны Ахматовой*

Навечно «прописался» в Сестрорецке
Советский оскорблённый юморист.
Туристы здесь лопочут по-немецки,
Из Франции — с супругою марксист.

О, Ахтунг, Ахтунг! — возглас удивленья,
А дальше перевод уже другой:
— О, милый Жан, гранит Постановленья
Его, наверно, давит под землёй?

...Его перо сломали интриганы,
Облили грязью с головы до пят...
Но живы «Приключенья обезьяны» —
Удавов мысли люди не простят!

В НЕОПЛАТНОМ ДОЛГУ

Всё болит — не могу отоспаться,
Был в архивах годами — не миг.
Дорогие, армейские братцы,
Ваши подвиги — ТЫСЯЧИ КНИГ!

«ЗЕМЛЕПАШЦЫ»

Мудрят столичные поэты,
 Прозаики — навеселе:
 Берут районные газеты,
 Строчат с восторгом о селе.

Библиотекари смеются:
 Соврут «Победа» и «Маяк».
 В глубинку надо окунуться,
 Познать тропинку и большак.

Писак — в читальном зале — стоя,
 Так озабочены страной.
 — А лошадь пегая какая?
 И хором: — Вроде вороной!

РУССКАЯ ЛАПТА*

Воспоминая...

Как близки вы сердцу!
 Я вижу луг некошенный в цвету,
 Где, веселясь, моё играет детство,
 Играет детство в русскую лапту.

Виктор Рассохин —
 студент Орловско-
 го педагогического
 института.

*Поэт — фронтовик, редактор журнала «Техника-молодежи» Василий Дмитриевич Захарченко услышал это стихотворение на семинаре в Орле и опубликовал его в № 8 за 1963 год тиражом 1 000 000 экземпляров.

Стал точкой мяч.
И, ветер обгоняя,
По лугу, словно ласточка, лечу.
Но вдруг девчонка,
руки простирая,
Поймала долгожданную свечу.

Под звонкий смех уже летят другие,
Летят, летят,
как искры от костра...

За озорство, за чувства неземные
Люблю тебя, забытая игра!

Иных детей уже я вижу ныне.
Им стало тесно на лугу большом.
Любуюсь, как, врезаясь в воздух синий,
Летит ракета
с огненным хвостом.

Ты не такие свечи запускала
Народа богатырская рука!
А может быть,
лапта тому начало,
Что посылала мяч под облака.

К ВЕЧЕРУ

Июльский зной полуослаб,
Вгляделся в чистую протоку,
Как жёлтым ртом ленивый карп
Качает сочную осоку.

В двух сантиметрах поплавок,
Но замечаю я со вздохом:
Карп не согласен на рывок —
Не соблазнишь его горохом.

Он не уходит в глубину,
Уходит поверху под лозы.
И чуть не сядут на спину
Ему десантницы-стрекозы.

СТАР И МАЛ...

Гроза прошла, но ропщет глухо,
Сгоняя хмарь за окоём.
В зелёных зарослях лысуха
О чём-то квохчет о своём.

И у раkit, светясь от счастья,
Со внуком дед в тени ветвей
На горчка таскают часто
Тяжеловатых окуней.

ДАРИТЕЛЬ КЛЁВА

Дождь моросит, гудит ли вьюга,
Иль сходит вешняя вода,
Я отыскал такого друга,
С которым солнечно всегда.

Порой он балуется стопкой,
Рыбацкий мир его широк.
«Седой» с мотыльной коробкой
И лучезарен, и высок.

ДОСАДА

Сложна рыбацкая наука.
И начеку был, да не впрок.
Пока бежал — умчала щука
Под лёд удачливый «флажок».

МУЗЕЙНЫМ РАБОТНИКАМ

За рукописями не гоняйтесь,
Талант и гений их не чтили.
Они, возможно, в Таиланде,
В Стамбуле, в Риме или в Чили.

Вы, роясь в текстах и альбовах,
Боясь куратора культуры,
Себя же держите в оковах,
Хотя есть дерзкие натуры.

У Бунина — вражда с властями,
Стремился Чехов к Сахалину...
А вы в усадьбах их горстями
В рот отправляете малину.

Не прячьтесь за авторитет,
Пора от спячки пробудится.
И видеть тех, кто сеет свет,
Когда не видит их столица.

Ах, страх! Беззубое перо —
Милей в журналах и в газетах?
За мысль, что в жизнь глядит остро —
Нет гонорарчика в конвертах?

Тогда — садитесь на оклад,
А он короче, чем мизинец.
И ваш начальник будет рад,
Который, в сущности, МЗДОИМЕЦ.

Имя России – Заря

Часть третья

УТРО

Поют то зяблики, то чижики.
В прогалках сосен — солнце ало.
На просеке краснеют рыжики,
Отбросив хвою-одеяло.

Мне их срезать совсем не хочется,
Глядеть на них — одна отрада!
Но грибники, их спешкотворчество,
Кричат мне в спину: — Срезать надо!

ИЮЛЬ

Уходят к горизонту облака,
Освободясь от ливня грозового.
И молния им серебрит бока,
Как завитки тумана лугового.

Прохлада начинает наступать,
С полей намокших пахнет спелым хлебом.
И радуга — как божья благодать,
Красу земли соединила с небом.

СОСНОВЫЙ БОР

— Как короед — живуч и ловок?
Чернеют дыры здесь и там,
Как будто били из винтовок
По крепко-мачтовым стволам.

МАЛЕЕВКА

Дом творчества — святое дело!
Но сердце всё-таки зовёт
Туда, где молодость звенела,
Где зрелость просится в полёт.

Друзей-писателей так много,
Островских, гоголей, фетят.
Есть полубог, тот — четверть бога,
Юнцы в апостолы хотят.

МЫСЛЬ НА ОХОТЕ

Пролетают над озером утки.
А в кустах притаился стрелок...
В этом мире красивом и жутком,
Каждый миг, как взведённый курок.

НАД РЕКОЙ

Нам Зуша того не расскажет,
Ей больно и через года,
Как в зареве корчились Вяжи,
Как с кровью мешалась вода.

И кто б не стоял у излучи
Сегодня ли, завтра, в веках —
Пусть помнят солдатские муки
И тех, чей развеялся прах.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Гам повис у стен военкомата:
Плач и смех, баянные меха.
Наголо острижены ребята —
Головы блестят, как лемеха.

Завтра — грудь обтянет гимнастёрка,
Им стоять лицом к разрядам гроз,
Чувствуя святую суть пригорка,
Седину и прозелень берёз.

ПОЧТОВЫЕ ПИРАТЫ

Прости, Почтамт, что очень резко,
Но ты — отпетый хулиган.
Ты выкрал книги для ЮНЕСКО
И для других далёких стран.

Твой дилижанс сегодня — «Боинг»,
Зачем же письма открывать?
Ты переписку древней Трои
Успел, наверно, прочитать?

Кто научил тебя, не знаю,
Но перлюстраций не терплю.
За кражу мыслей проклинаю,
Но почтальонов я люблю!

ПРИЮТИТЕ!

Сидит без ног и без руки
Он на мосту родной Оки.

Глядит, как мчатся «джипы»
Сквозь смех, тоску и всхлипы.

Крутые стражи города —
Не тяжело вам от голода???

ТИПАЖ

Зачем ты лезешь в депутаты,
Тряся предвыборной мошной?
Ведь в голове, одни цитаты,
Своей мыслишки — ни одной.

Но по велению начальства,
Кому обман — сплошная блажь,
Тебя, как тяжкий груз балласта,
Потянут вверх: — Коллега наш!

В ГОРСАДУ

Голубой капюшон. Голубая пустышка.
Голубые глаза, только личиком бел,
На коленях у мамы забавный мальчишка,
И не то, чтоб лежал, и не то, чтоб сидел.

Всё раскидывал руки, на голубя глядя.
Как он булку щипал, отогнав воробья.
Соску бросил малыш, громко выкрикнув
«ДЯДЯ»
Его первое слово поприветствовал я.

РАЗЛАД

Мне говорят: семья распалась,
Что вас обоих занесло.
И то, что счастьем называлось, —
Печалью на душу легло.

Я не хочу стоять в сторонке,
Не скрою мненья своего:
Он больше думал о ребёнке,
Чем ты, носившая его.

Зачем глаза проголосила,
Зачем терзается душа?
Теперь ты б миру подарила
Не одного бы малыша.

Не разделю твоей печали,
На чашку кофе не зови...
Тебя пелёнки испугали, —
А все пелёнки от любви!

ДОРОЖНЫЙ АЗАРТ

Не везде у нас ухабы,
Магистралю есть, шоссе.
Да и «лошади» не слабы —
На бензине едут все.

А овёс стоит вдоль трассы,
Он в продаже — «Геркулес»,
И глядит, как мчатся асы:
К «Мицубиси» — «Мерседес».

«Тачки» Родины не в моде,
В деревнях, как ишаки.
Денег мало в огороде,
За рулём — оптовики!

И, хотя в ушах мобилки,
И в кабинах яркий шик,
В баксогонной молотилке
И подросток, и старик.

Дама в брючной спецодежде,
Возраст не определить.
Круто вертятся в надежде —
Всех и вся опередить.

Здесь уже не до комедий,
В спешке — алчущий азарт.
Жаль, что символы трагедий
«Ямщиков» не тормозят.

«ТВОРЕЦ» НА ДАЧЕ

Под гамаком бутылок ряд.
В зубах дымится сигарета.
Так пятый год он, говорят,
Строчит роман «Рыбачье лето».

Не страшен шторм ему, жара,
Героев гонит в непогоду
И верит: чёрная икра
Сама стремится к бутерброду.

ВСЕМИРНЫЙ ГОРОД

Как хочется его нам обойти,
Музеи посетить, мемориалы,
Где круглый год всегда гвоздики алы,
И где тюльпанам зорями цвести.

Наивная до дерзости мечта
С налётами туристской самоцели...
Все коренные жители б хотели
Узнать получше отчие места.

Но жизнь бежит: того зовёт вокзал,
Того — завод, а этого — природа,
Иных манит газетная свобода,
Иль общая борьба за идеал.

Любуясь, мы не дышим на холсты,
Рассматриваем вензель на решётке,
Стремясь в очаровательной красоте
Не замечать порочные черты.

ПОСЛЕ ИГРЫ

Люблю футбол. Футбол — искусство.
Во время матча — сам горяч.
Смотреть и радостно и грустно,
Как зрителей чарует мяч.

За это поздно или рано
Расплата будет нелегка.
И лопнут в ссадинах и ранах
Твои упругие бока.

В углу — избитый и забытый,
Ты вдруг окажешься ничей.
...Люблю футбол за бой открытый,
За судьбы трудные мячей.

КРЫЛОВСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

Уж сколько раз твердили Миру:
Любите юмор и сатиру.
От лжи уже бросает в дрожь,
Когда Планетой правит ложь.

КРАСИВОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Позвали к ужину давно,
Хозяйка кофе пить не хочет.
Оранжевое кимоно,
Копна волос — чернее ночи.

И голубой до сини взгляд,
Такой, что если вас поманит,
То не воротись назад,
Пока любовь не одурманит.

Но взгляда некому подать,
В уютной даче — одиноко,
А тут черёмуха мешать
Всю ночь пытается у окон.

Не улетишь на крыльях сна,
От соловьёв гремит округа.
И вместо месяца — луна,
Как изменившая подруга.

НА ОПУШКЕ

— Нет иволги! — я слышал голос чей-то
В лесочке майском на исходе дня.
И вдруг она откликнулась, как флейта,
И потеплело в сердце у меня.

Искали птицу долго мы глазами,
Хотелось проследить её полёт,

Как солнце над зелёными ветвями
Она в мгновенье ока пронесёт.

Но звонко пели зяблики, синицы,
Весеннюю выказывая пруть.
А нам хотелось — звук с виденьем птицы
В гармонию одну соединить.

БЛИЗНЕЦЫ

Успокоились ребятки.
Думать страшно, верь не верь.
Лишь вчера играли в прятки —
Под звездой лежат теперь.

Карабины разрядили,
Присылал полковник взвод.
Те — душманы, — что убили,
Кто подумал за народ?

9 МАЯ 1994 ГОДА

О, вся парадность майских скверов,
И блеск полковничьих погон!
Всё больше милиционеров,
И начеку стоит ОМОН.

Звучат заученные речи,
И церковь здесь, и ражий мэр.
А вся война легла на плечи
Голодных граждан СССР.

РЕКТОР

Он скончался на рассвете
Без агонии, во сне.
Был звонок в родные Сети
Раньше, чем его жене.

Ректор был из деревеньки,
Взрослым — ногу потерял...
Пять часов считали деньги,
Что он в сейфе укрывал.

Кольца, норковые шапки,
Брал иконы давних лет.
Даже доллары и марки
Привечал в нём — ПАРТБИЛЕТ.

Провожали в путь тернистый
Те, кто истины не знал.
И чесались кагэбисты,
Зная вскрытый капитал.

И шутили меж собою,
После выпивки идя:
— Не забрал товар с собою...
— Меньше было у Вождя.

НЕДОУЧИЛИСЬ...

Что-то много сегодня докторов от наук?
Только вот у Планеты не убавилось мук.
У кого вы под пяткой, мой доктора?
Где сказать надо «НЕТ!» — вы поёте «УРА!»

ШЕФИЦА КУЛЬТУРЫ

Как же тут не будет жутко,
Хоть мне голову сорви,
Рассуждает проститутка
О возвышенной любви.

Мёд разлит в устах «богини»
Про Мадонну и пиры.
Раньше голой, без бикини,
Прыгала через костры.

Был всю ночь шашлычный запах
И вино, как из ведра.
На еловых мягких лапах
Утомлялась до утра.

И теперь при патронаже,
В дыме модных сигарет,
Нам лицо культуры кажет
Культуристка разных лет.

РАЗДУМЬЕ ОТЦА

— Зачем коплю?.. Сыны — пропьют штаны,
А дочери — загонят в печку книги.
О, Господи, спаси от сатаны,
Когда родные всюду ставят «фиги».

М.Е. Салтыков—
Щедрин

ЩЕДРИНАРИЙ

(Цикл стихотворений)

ЧИНОВНИК-1

*Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.*

Николай Некрасов

Сверхполноту дала ему «забота»
О тех, кто не полнеет при нужде.
Он чем-то был похож на бегемота,
Когда он не на суше, а в воде.

А если выходил с ленцой на сушу,
Глаза не поднимая от земли,
Тряслась его лоснящаяся туша
И складки кожи, кажется, текли.

ЧИНОВНИК-2

Гвозди бы делать их этих людей.

Николай Тихонов

И делали из гвоздика Гвоздя,
По шляпке ударяя молоточком,
Чтоб имя нёс Великого Вождя
По городам, по весям и по точкам.

И хоть верховный кормчий отошёл,
Творивший ад, попал в исчадь ада.
А гвоздь, плюющий в слово «ПРОИЗВОЛ»,
Ржавеет, как забытая ограда.

ЧИНОВНИК-3

Жулик на жулике и жуликом погоняют.

Николай Гоголь

Маленький, маленький, маленький,
Но в госаферах — удаленький.
Прёт — никого не боится,
Если в заступниках — ЛИЦА.

ЧИНОВНИК-4

Елейно лезет в души —
Везде имея «уши».

ЧИНОВНИК-5

«Схорониться б
за приказ. . .
Спрятаться б
за циркуляр...»

Владимир Маяковский

У него есть два диплома.
Третий хочет приобрести.

От просильщиков — оскома,
Потерял от страха честь.

Липок, скользок, как медуза,
Ждущий выплат из казны.
Отпрыск бывшего Союза —
Рублеед внутри страны.

ЧИНОВНИЦА-6

Что во сне не снилось даме,
Но свалилась сверху новь:
Дали крале департамент
За красу и за любовь.
В учрежденьи — нету дела,
В эйфории шеф пока:
Лишь бы рядышком сидела
Да смотрела на божка.

ЧИНОВНИК-7

Сидит в Интернете полдня,
Всемирную жизнь изучая,
Врагов зарубежных кляня,
Своих остолопов ругая.

Гоня кабинетную лень,
Он мчится в родную берлогу.
И, тень наводя на плетень,
Себе говорит: «Слава Богу!»

ЧИНОВНИК-8

Под глазами голубые бланши,
Перегар коньячный прёт в упор.
Прокурор, единожды солгавший,
Ну, какой ты, к чёрту, прокурор!

ЧИНОВНИК-9

— Скупаю землю у крестьян.
Ну, в чём я виноватый?
Глаза колоть мне стал бурьян
Почти у каждой хаты.

А что на должности стою,
Я к ней стремился смладу.
И демократию люблю,
И радуюсь окладу.

ЧИНОВНИЦА-10

Законы знает наизусть,
Крута — ловчей жонглёра.
Но почему сплошную грусть
Несёт её контора?

ЧИНОВНИК-11

Он между этих — десяти,
Следя в четыре глаза,
Мечтает: «Как бы дорасти
До маршала спецназа?».

ЧИНОВНИЦА-12

Отлично знает Песталоцци,
И Сухомлинский ей знаком.
А школу видит без эмоций —
Своим казарменным чутьём.

ЧИНОВНИК-13

Что взять с него? Любого — сдаст
«Интеллигент» без чести.
Известен людям, как «БАЛЛАСТ»,
Но на высоком месте.

ЧИНОВНИЦА-14

Хозяйка злочных площадей —
Московская фуфыра.
Гнетёт работников полей,
Живя по ценам мира.

ЧИНОВНИК-15

В кабинете его — Божья Мать,
Раньше Ленин висел со товарищи.
Умудрился он цены поднять,
Что ТОВАР покраснел и ТОВАРИЩИ.

ЧИНОВНИЦА-16

Оранжевая блузка, малиновая юбка,
Её магнитно тянет к элитному письму.
Сидит в современном кресле почтовая голубка
И письма сортирует: КУДА, О КОМ, КОМУ...

ЧИНОВНИК-17

Сколько раз в глаза плевали,
Разуверясь в «идоле».
Власти бестию гоняли,
Но совсем не выгнали.

ЧИНОВНИЦА-18

От аптеки до Минздрава
О красуле ходит слава.
Знать, верховный донжуан
И в её попал капкан.

ЧИНОВНИК-19

Его на вид поставил мэр,
Но люди были злее:
— Такой не нужен ЖЭКЭХЕР!
— Сидел на нашей шее!

ЧИНОВНИЦА-20

— Визы, визы, визы, визы!
И у всех свои капризы.
— Слюшай, милка, нэ оры,
На полвизы... Забэры!

ЧИНОВНИК-21

Он формируется ещё,
Но будет хлеще гада.
И не подставит вам плечо
В раю и в пекле ада.

ЛАСОЧКА

На вид — Лоллобриджида,
А в профиль — Мэрилин.
Из-за неё — коррида
В сообществе мужчин.

Любови к кабинету
Ей не привил глава.
На службе — пользы нету,
«Влюблённым» — трын-трава.

«ПРОГРЕСС» БЮРОКРАТИИ

Прав Твардовский во сто крат,
Здесь нельзя химичить:
«ЧТОБ УБАВИТЬ ЭТОТ ШТАТ —
НАДО УВЕЛИЧИТЬ».

НЕБРЮЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Поэзии становится всё меньше,
Поп-музыка в тупик загнала звук.
Оденем в платья девушек и женщин,
Себя вогнавших в дудки узких брюк.

Мы не китайцы, нам хватает ситца,
И, если надо, всех оденем в шёлк.
Прекрасны в новых платьях молодицы,
А кто постарше — в платьях знают толк.

Не верю я, что униформе рады,
Но есть надсмотрщик и по части мод:
Таких согнать быстрее на парады,
И в строй легко поставить... без забот.

САТИРОЮМОР

Уже живём по нацпроектам,
В эфире планы и цифирь.
На час бы дать экран поэтам,
Где правят Ося и Эсфирь.

Не тем, кто спит лицом в салате,
Не тем, кто в рифме виртуоз,
А тем, кто помнит о солдате,
Кто не проходит мимо слёз.

Они обильны эти слёзы
На скорбном облике Земли.
От них не сладок сок берёзы,
И вкус бананов из Мали.

Пусть будет Твен, пусть будет Гашек,
Некрасов, Гоголь и Козьма,
А то, ведь, наших жмут НЕ НАШИ,
Стремясь оставить без ума.

НЕ МОЯ...

В который раз я женщиной обманут,
В который раз от встреч я не светлел.
Пускай во мне обиды эти канут,
Я рад, что волновался и робел.

Робел и ждал в околичной сирени,
А рядом соловьями пел мне лес.
Пришла бы — стал пред нею б на колени,
А после бы — занянчил до небес!

МАЙСКИЕ СУМЕРКИ

Затихли в зарослях дрозды,
А миг назад — шумела стая.
Лучами чёрный лес лаская,
Луна целует гладь воды.

Но вот бобёр погнал волну,
Не стала речка тихой-тихой.
И коростель рвёт тишину
В погоне за коростелихой.

ЖЕНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

До всякой мерзости жадна,
Глокает слог, картавит часто.
Телегазетная она —
Живёт в тугих тисках начальства.

Полощет грязное бельё,
Мнит о себе, что так отважна.
Нецеломудренность её
При гонорарности — продажна.

ЦВЕТЫ

О них писать теперь сложнее,
И скажем честно, без прикрас:
Народ вселенский стал грубее,
Приучен к запаху пластмасс.

В его глазах — видна усталость,
Он на себя изрядно зол:
Фиалка нежность потеряла,
А ландыш в капли перешёл.

РАЗУМ

Если Ум кивнул Уму,
Значит, здравствовать ему.
Ну а если — кутерьма.
Значит, здесь — не до ума.

ЛОНГФЕЛЛО И БУНИН

Из дальнего-дальнего штата,
В неблизкий старинный Орёл,
Учитель, пророк Гайавата
С надеждой великой пришёл.

И светлую мудрость индейца,
Что мир без улыбки жесток,
Восприняло русское сердце,
Как влагу — горячий песок.

Зачем вместо трав — тамагавки?
Пусть встанут не копыя — леса!
Всемирные боины и давки —
СМЕРТЕЛЬНАЯ ПОЛОСА

И пусть зарастают навеки
Кровавые тропы войны.
Как много ещё в человеке
И солнца, и голубизны!

Мы верим, что это не грёзы:
Поэты стоят на своём,
Как пальмы стоят и берёзы
Под ливнем и под дождём.

ЮБИЛЕЙ ТУРГЕНЕВА

Люду на сцене почтенная сотенка,
Что ни оратор — потоки боды.
Как коротеньки «Записки охотника»,
Как же о них многотомны труды...

ЗАГАДОЧНЫЕ ОСТРОВА

(Цикл стихотворений)

*Основатели Соловецкого монастыря —
монахи Зосима и Савватий*

На Соловках угомонился ветер.
На море — штиль. Лучиста синева.
Держу буклет: фотограф Гиппенрейтер
Увековечил в цвете острова.

Берут открытки бойкие туристы
На память о суровой красоте.
О, как они восторженно-речисты
Под небом, неподвластном суете.

И вновь к себе, в родимые пенаты,
А там в ночи, в предчувствии труда,
Разрядят кинофотоаппараты,
Где что ни плёнка — церковь да вода.

И острова, где полное безлюдье
При тысячах досужих и зевак.
О Соловках, как о девятом чуде,
Сказать сегодня хочется не так.

Пусть говорят кладбищенские плиты,
Пусть скажет камень мрачный и глухой
Какие люди заживо зарыты,
За что кто поплатился головой.

Судьба иных — в истории заметна,
Судьба других — на острие кирки.
Сибирь-Сибирь! Сибирь была конкретна,
Загадочней звучало: СО — ЛОВ — КИ.

Что спросишь с разноцветного буклета?
Что спросишь с плёнки? Море да земля.
И только память требует ответа
От Северного Божьего Кремля.

И люди те, которых объективом
Через века и годы не схватить,
Воскреснут пусть, чтоб словом некрикливым,
МИНУТОЮ МОЛЧАНИЯ ПОЧТИТЬ.

СЕВЕРНАЯ НОЧЬ

Дмитрию Сергеевичу Лихачёву

Ни прохожего, ни скрипа.
Луна ёжится с тоски.
Спят в снегу, что за ночь выпал,
Петербург и Соловки.

Петербург — столица света,
Соловки — столица тьмы...
Нет красивее букета —
Вот где собраны умы!

Но покуда ночь над ними,
Под покровом тишины
Арестанты со святыми
Видят праведные сны.

СТРАННЫЙ УЗНИК

Суматоха, суматоха,
Тащит стража скомороха.
Круглолиц, в глазах бесята —
Ждёт насмешника расплата.

— Поклонись, спину погорби!
Веселился на день скорби,
В час, когда императрица
Угасала, как зарница.

Люд честной — и стар, и мал
Не крестился — хохотал...
— В Соловки, на целу жись!
Хошь пляши, а хошь смеись.

За крамольны словеса —
Разукрасим телеса:
Чтоб испоротая кожа
Была с радугою схожа.

Кровожадные цари?
Спробуй завтра заори.
В Соловки, на целу жись?
Мягок приговор, кажись.

Надо, чтобы скоморох
Поскорейча подох.

Мало ль что он закричит,
Появись митрополит?!

На рассвете пьяным служкой
Он задушен был подушкой.
А в бумаге — сказ такой:
Бился в стену головой.

ТЯЖКАЯ ВИНА

— Спишь, солдатик, в карауле?
Жизнь своя недорога?
Что же ты не срезал пулей
Кровно-кровного врага?

Он стоит белее мела,
Руки — плети, взгляд — погас.
— Доберёмся до расстрела,
Не за золото ли спас?

— Никак нет!.. Взвилась надежда.
Может, сгладится вина...
Да... Солдатская одежда
Арестанту не нужна.

Завтра — взвод на изготовку,
По тебе всплакнёт заря.
Царь... вручил тебе винтовку,
Что же ты подвёл царя?

ДВОЕ

Цепь колышется, дрожа,
Кровь по пальцам, словно ржа.
Шея стёрта от рогатки —
Был поборник правды-матки.
И уже не первый год
Землю в приступе грызёт.
Время меряет по пальцам,
Счёт ведёт: загиб-отгиб...
И для этого страдальца
Белый свет давно погиб.
Сумасшедший! Нету спору,
Спал и ел на серебре...
Узник глубже роет нору,
Стражник выше, но в норе.

...Угадай, кто в заточенье,
Кто здесь быдло, кто народ.
Сила лунного свеченья
Фосфорит холодность вод.

РАСПРАВА

Жуткий крик стоит в темнице,
Бьётся в стены жуткий крик.
Не понравился столице
Умник, острый на язык.

В рот ревуций — кляп из мрака,
Рвутся лёгкие в ночи.
— Подыхай скорей, собака!
Смуте город не учи!

Гибнет парень белобрысый
По доносу подлеца.
И уже шныряют крысы
У кровавого лица.

Мякоть щёк в зубах и в лапах,
Хищный писк и там, и тут.
В густоватый трупный запах
Завтра нового втолкнут.

МИЛОСТЬ

Засекречен, а попросту — умер
Для семьи, для друзей и врагов.
У прибывшего — лично игумен
Проверяет надёжность оков.

— Эх, гвардеец, боялся б ты бога,
Беломорской водой бы не плыл.
Генеральская вышла б дорога,
Золотую бы саблю носил.

А теперь — на водице и хлебе,
Не ропщи на положенный срок...

И, как память о ласковом небе,
Потолок над тобой, потолок.

Помолись о господней защите,
Кулаками по камню не бей.
Ну-ка, ржавые цепи снимите,
Дайте цепи ему поновой.

ПАЛАЧ

Он сегодня — не на Лобном,
Принял баньку — жизнь легка.
И хозяйка с ликом томным
Разносолит муженька.

Под жирком алеет сёмга.
Как смородинка — икра.
— И тебе с устатку, Сёма,
Ковшик браги бы пора.

Выпил два. Рассыпал клюкву.
Давит ягоды ногой.
— Вон из горницы, пристукну!
Сам от клюквы — кровяной.

— Приостынь, чо пол молотишь!
Перегрелася душа?
Ты ж её, красу болотиц,
Ел горстьми посля ковша!

Стены — красные от сока.
Буйству здесь не прекословь.
Это мучает жестоко
Палача чужая кровь.

ПОСЛЕ ДОПРОСА

Он о выступ замшелый опёрся,
Камень тянет остатки тепла.
С обнажённого мощного торса
Клочковатая кожа сошла.

Надо б лечь на живот бедолаге,
Да цепями треножит тюрьма
За великую тягу к бумаге —
За враждебную ясность ума.

Доживёт до рассвета он, нет ли?
Не изменит бунтарской судьбе?
Или будет затягивать петли
За похлёбку — подобным себе.

ГРОБОВЩИК

Дед в истёршемся треухе,
Покряхтел, отпив глоток:
— Мрут, антихристы, как мухи.
Руки стёр об молоток.

Гвоздик — справа, гвоздик — слева,
Гвоздик — сверху и — конец.
Взял вторую для сугрева,
Сам себе сказал: — М-ладец!

Кто повинен, кто невинен,
Князь ли, граф ли, шарлатан,
Опускают в домовине
По обычью христиан.

Мертвецов не обижают,
Но дают неважный тёс.
Ну и гвоздики считают,
Чтоб на избу не унёс.

А вчера над ухом слышу:
— Коль продашь их на пропой,
Мы тебя поставим в нишу,
Так, без крышки гробовой.

Мне акафисты монаха,
Всё равно, что чох в носу.
Я же их по части страха
В шапке насмерть затрясу.

К людям смальства злым я не был,
Но лжецов — заколочу,
Что не вырвутся на небо,
Вот, ей-богу, не шучу.

БЕРЁЗОВЫЕ ПРУТЬЯ

Давали их тому, кто в силе,
Чтоб беса выбить из вражья.
От них кричали-голосили
И умирали от битья.

СОЛОВЕЦКАЯ МОЛОДКА

Не жила в острожном страхе
Дарья — общая жена.
И солдаты, и монахи
Доверялись ей сполна.

Говорили часто люди,
Этим баба и жила:
— Грудью мёртвого разбудит.
— Грудь, что колокола.

Соловецкая молодка
Обвивала, словно хмель.
Высоко ценилась водка,
Выше — Дарьяна постель.

Конный к ней спешил и пеший,
И, сгорая от страстей,
Сверхсекретные депеши
Раскрывались перед ней.

Гость подвыпивший, случайный
Пил за Дарью, пил за Русь.
И секретики, и тайны
Дарья знала наизусть.

Все шутила: — Не застрелишь!
Всё шептала: — Не крестись...
Оказался на постели —
Веселее шевелись.

Так порою озадачит,
Мигом кровь заледенит.
Говорят, с ней неудачу
Потерпел архимандрит.

Поголяла — порезвилась,
А потом прошла молва:
Ночью в прорубь оступилась
Накануне Рождества.

Часть мужская повздыхала,
Бабий мир ворчал всерьёз:
— Хороша, да много знала,
Бог и вовремя унёс.

Бог унёс, сама ль решилась,
Или кто-нибудь толкнул...
Море тайну сохранило,
Бросил поиск караул.

Соловецкая молодка —
Кратковременный успех.
Высоко ценилась водка,
Выше водки — сладкий грех.

СЛЕПЦЫ

Ослеплённые не ропщут,
Правда выжжена в душе.
Даже хлеб берут на ощупь,
Дуют на воду в ковше.

Что для них зима и лето,
Страх застыл на дне глазниц.
Позабыла силу света
Кожа рук и кожа лиц.

Государственное дело:
Враг престола — враг вдвойне.
С ними стража поседела,
Что ей знать о седине?

Вволю спит, бузит за чаркой,
Гложет птицу в мясоед.

Но, видать, собрата жалко,
По губернии — сосед.

Ослеплённые не ропщут
И в предвиденье конца
Чёрный хлеб берут на ощупь
У охранника-слепца.

ПО ДОНОСУ

Ни пера, ни чернил, ни бумаги.
Отлучён от родных и от шпаги.
И прощально-проворные мысли
Мозг копают, как нору, по-лисьи.

— Почему я в бою не убит?
Вылезают глаза из орбит.
Утром стража доложит: — Подох!
Под ногтями у смертника — мох.
Пусть в безумстве, но вынес корнет
Мох темницы на солнечный свет.

Чтобы мягкость кровавого мха
Обвинила низы и верха.

ПОБЕГ

Стража поднята. Игумен
Взглядом-чёрен, ликом — бел.
Монастырь не так уж шумен,
А поди ж ты — зашумел.

— Арестант... страшней иголки.
Та — лежит, а с этим — жить.
Волки, волки! Где вы, волки?
Рад волков благословить!

Растерзайте, разорвите,
Порезвитесь под луной,
Да костями похрустите —
Офицер-то молодой!

Чтобы днём на белом снеге
С вороньём бы заодно
Рассказало о побеге
Тёмно-красное пятно.

БОГ ПРОСТИТ?

Затерялся в море остров
В живописнейших местах.
Весь фундамент из доносов.
Весь фундамент на костях.

Ничего, живёт и дышит
При ружье и при кресте.
Красной ниткою не вышит,
Не означен на холсте.

Ловит рыбу, топит печи,
Зелье пробует нутром.
Укорачивает речи
То верёвкой, то кнудом.

Где прикладом, где щипцами,
Где рытьём сырой земли.
Дескать, сами мы с усами —
Шли бы чаще корабли.

Разведём господ под крыши,
Пусть грызут себя жиды.
Нам бы жалованье выше
За усердные труды.

СОСЛУЖИВЦЫ

— Винца ещё добавишь,
Солёных грибов?
— Петруша, как ты давишь
Петлём бунтовщиков?

— А ты что, бестолковый,
От ремесла отстал?
Снимал у них оковы,
Десятки раз сбивал.

Стал быть, имел сноворку,
Пример недалеко...
Я дёргаю верёвку —
И обществу легко.

И государь доволен,
И выгода казне,
И сотни колоколен
Трезвонят обо мне.

— А сердце не грохочет,
А сердце не щемит?
Из рук вон рвётся кочет,
Когда башка летит.

— Башка! А сердце — мячик,
Сожмётся — отойдёт.
Налей ещё стаканчик,
Не мучай, Искриот!

И, закусив грибами,
Он третьему был рад:
— Спать не могу ночами.
Они... в глазах стоят.

В ЛЕСУ

Меж стволами подросших осинок,
Там, где ветки стремятся взлететь,
В бриллиантах мельчайших росинок
Паутинная светится сеть.

Для незоркого глаза — картина,
А для острых очей — западня.
Тяжела чья-то будет кончина
В красоте восходящего дня.

НЕСПЯЩИЙ ИНОК

После царственных поминок
В келье — храп и в келье — свист.
Почему не спишь ты, инок,
И дрожишь, как жёлтый лист?

А душе никак не спится,
Не смыкаешь долго вежд.
Стала келья, как темница,
Почерней твоих одежд.

Одиночество заело?
На доброт-харчах не жить?
Спят монахи, бросив тело,
Как же душу уложить?

И не схвачен, и не пытан,
С чистой простыней в руке.
До сияния упитан,
Как бычок на молоке.

Совесьть ЧТО тебе подскажет,
ЧТО подскажут Жития??
Ночь, на что чернее сажи,
Не пугает соловья.

Он поёт в сирени белой,
Так поёт — во тьме светло,
Словно мир весь переделал,
И у мира — вырвал зло.

Выходи на свежий воздух,
Хорошо, что не ослаб.
Видеть истину не поздно,
Пусть об стены бьётся храп.

Винный, тягостный с присвистом,
С бредом взбалмошно-хмельным.
Хорошо евангелистом
Быть на фреске — неживым.

Но сидит недвижно инок,
В прошлом — дерзкий по уму,
В жути собственных поминок,
Что пригрезились ему.

ПОМОГЛИ УБЕЖАТЬ

Особая инструкция Синода:
Держите неослабным караул,
Когда придёт в обитель непогода,
Чтоб паруса беглец не натянул.

А где там парус? Если в каземате
Замшели стены, плесень по углам.
И солнышко ни днём, ни на закате
Луча не бросит узнику к ногам.

И часовой приставлен, как прикован,
Налево глянешь — лезвие штыка.
Направо — на погосте видишь снова
Мелькают то лопата, то кирка.

За что сидит — не знал страдалец толком.
Его сжимал, его пружинил страх.
Случался миг — набрасывался волком,
И уходил, чтоб смерть принять в лесах.

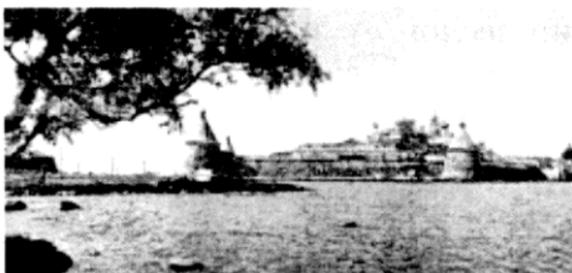
Но мир лесной — не каменные стены,
И что пловцу — осенняя вода.
К свободе шёл, к свободе плыл военный,
Что вычеркнут из списков навсегда.

И пусть в России сняты все награды,
Над духом — не свершился приговор.
В Европе он пойдёт на баррикады,
Хоть даже пушки выставят в упор.

Свобода не даётся без усилий.
И, осенённый знаменем борцов.
Он встретит убежавших из Бастилий,
Из Тауэра — смелых молодцов.

И задрожит в столицах тирания,
Чьи троны тяжело давят на сердца,
Сжигая погреба пороховые,
В людей стреляя тоннами свинца.

Вот почему инструкция Синода
Ребром пред стражей ставит свой вопрос,
Чтоб к гневу угнетённого народа
Бежавший узник спичку не поднёс.

ИТОГ

Лохмотья на обросшем человеке,
И сон тяжёл, похожий на судьбу.
Что снится заключённому навеки
В позеленевшем каменном гробу?

Уже давно нет матери на свете,
Лет через пять ушёл за ней отец.
Но в каземате — в юношеском свете
Они ему явились, наконец.

Он мысленно прощается с роднёю,
На слово нету силы и на крик.
И, как голыш, придавленный волною,
Лежит во рту коснеющий язык.

Уйти бы вместе с ними, раствориться,
Всё пережито — пытки и боязнь.
Будь проклята петровская столица
За долгую мучительную казнь.

При вере — в сердце выветрилась вера,
У нар повисла ссохшая рука.
...Ввели сюда мальчишку-офицера,
А вынесли седого старика.

ТИХАЯ ОБИТЕЛЬ

Всплеск не слышен в водах сонных,
Чайки нагло не галдят.
Как глаза приговорённых,
Звёзды душу тяготят.

В стенах — тайны Петербурга,
Белокаменной Москвы.
Заточён ослушник с юга —
Атаман без булавы.

В крупном деле — не до пешек,
Брался мудрый человек.
...Этот каменный орешек
Не разгрыз бегущий век.

ЭХО ИСТОРИИ

Тяжелее смертной казни
Монастырская тюрьма.
Хорошо, что Стенька Разин
Не был сослан в «терема».

Головою лёг на плаху
На всевидящем миру.
Значит, он не ведал страху,
Звавший к воле и к добру.

Удалого атамана
Помним с гибелью княжны.
Имя волжского буяна
Светит в улицах страны.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

ГОРЬКИЙ НА СОЛОВКАХ

Понравилась гостю природа,
У зёков — потёмкинский сдвиг.
Но горькую участь народа
Не сразу писатель постиг.

Ему не нужны были капли,
Он бодро с наркомом бродил.
А в мыслях — хотелось на Капри,
Но вождь ему путь преградил.

И так подсластил ему годы.
Трудяге планетных мытарств,
Что пал Буревестник свободы
От смеси коварных лекарств.

*Автору романа «Мать» помогли умереть личный врач
П. Крючков и нарком Г. Ягода, которых после расстреляли.*

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Меж Соловками и Парижем
Был выбор дан ему судьбой.
Но родину, где люд унижен,
Он заслони́л самим собой.

Поэт, учёный и философ,
Монах, священник и отец
Ответил тысячам вопросов,
Что ДЬЯВОЛЬСТВУ ПРИДЁТ КОНЕЦ!

Но сатанисты были в силе,
И ЧТО им «Господи, Спаси!»?
...В застенках гения убили —
ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ РУСИ.

Картина М.В. Нестерова «Философы»
(П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков)

АТЕИСТЫ

Большевистские посты
Черней тучи:
— Надоели нам кресты.
Звёзды — лучше!

Храм стоит без свечей
И без бога.
Были голуби... Грачей
Стало много.

СЕЛЬСКИЙ ПРОРОК

Взмолился дед Прокофий
При виде ревбратвы:
— Религия — не опий!
Хриstopродавцы — вы!

Какая тут свобода?
Не ту вы рвёте нить.
Великого народа
Чертям не победить!

Э Т А П Ы

В.И. Ленин Л.Д. Троцкий Ф.Э. Дзержин- М.И. Калинин Л.П. Берия
ский

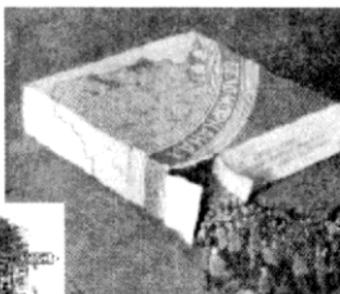

Высокая инспекция на
Беломорско-Балтийском
канале:

К.Е. Ворошилов,
В.М. Молотов,
И.В. Сталин, Н.И. Ежов

Автор
картины
«Беломор-
канал»
Пётр Белов

Г.Г. Ягода

ЛАГЕРНАЯ ЧАСТУШКА

Ловко Кирова убрали,
За бедой пошла беда.
В Смольном пули пролетали —
Осетина бы туда!

(Найдена у заключённого)

Факты — упрямая вещь. По
данным КГБ XX съезду КПСС
только за 1935–40 годы было
репрессировано 19 миллионов
840 тысяч человек, расстреля-
но из них 7 миллионов.

СМЕЛЫЙ МОНАХ

— Мы супостата знали,
Монгол был и француз.
Но церкви не взрывали.
Ваш вождь — германский туз?

В.Р. Менжинский — причастен к трагедии России

Зачем же мстить Иванам?
И Марья здесь права!
Но получил наганом
За дерзкие слова.

Патриарх Тихон. Был арестован ЧК. Скончался в муках. Причислен к лику святых.

Архиепископ Воронежский Пётр — узник Соловков

Из послания Патриарха Московского и Всея Руси Тихона:
«Где же пределы издевательства над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на неё врагов неистовых?»

ЕЩЁ НЕ ТО АРХИВЫ СКАЖУТ...

Найдено письмо Эдгара Гувера, свидетельствующее о том, что 17 октября 1939 года Сталин и Гитлер тайно встречались во Львове, где подписали новое военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта о ненападении.

?

Именно это соглашение и давало уверенность Сталину, что он и его страна избежит войны.

«Комсомольская правда» № 259, 1990.

«Аргументы и факты» № 46, 1990.

Есть в мире неразгаданные тайны,
Кто знал их, был убит иль умервщлён.
Кто уцелел, тот вскроет в миг прощальный,
Как очевидец — заговор имён.

Пройдут десятилетия, полвека,
Но правда прорастёт сквозь «никогда».
Мир всё-таки узнает человека,
Кто был нечеловеком в те года.

Найдутся силы, что подкупят стражу,
А не подкупят — уберут с пути.
Ещё архивы многое расскажут —
НЕ ВЕЧНО Ж ИМ ТОМИТЬСЯ ВЗАПЕРТИ.

ФЛЮГЕРИЗМ

Намедни был ты ежеводом,
Вчера ты слыл хомяководом.
Сегодня стал кролиководом,
Но... с политическим доходом.
Теперь коллеги говорят:
Решил растить антимарксят.

ЖЕЛАНИЕ

Бросить всё — отдохнуть бы на море,
В жизни мало мне выпало благ.
Где в лилово-лазурном просторе
Моет морду свою Аю-Даг.

Но, мир чувств не познав в человеке,
Забираюсь поглубже в труды,
Позабыв голавлиные реки,
С золотыми линиями пруды.

СЕКЬЮРИТИ

В России их довольно много,
А если проще — целый клан.
Они за партии, за бога —
Но мысль уходит на карман.

«Мышкуют» в Лондоне, Париже,
Глядят по сейфам, смотрят в банк.
Ну, а на тех, кто рангом выше,
Идут, как современный танк.

Лихие девки и ребята
При пистолетах всех систем.
Ни в годы, ни в лета диктата
Не проязычатся ни с кем.

А кто проверит сих контрольных
При младости и седине?
Они одни из подневольных,
НО ВОЛЬНО ДЫШАТ ПРИ КАЗНЕ.

Карман? Какие там карманы!
В них никогда не будет дыр.
Они объездили все страны,
Проконтролировав весь мир.

ШАХМАТНЫЙ ХОД

Диктаторы бредят планетой,
Стремятся хребет ей сломать:
То бомбой грозят, то ракетой.
То с космоса мыслят зажать.

Но скажем мы им без усмешки,
Вступая в защиту свою:
Пусть редко бывает, но пешки
Берут короля и ладью.

ЛЬСТЕЦАМ

С истиной заигрывать не надо,
С нею не обходятся шутя.
Истина — сурова, как ограда,
Истина — лучиста, как дитя.

СКРЫТНЫЕ ДЕПУТАТЫ

Они кормили нас речами,
Благами, святостью идей.
Теперь же чёрными ходами
«Жрецы» уходят от людей.

А вестибюли позабыты,
Парадный не любим подъезд...
Валютой — их мозги забиты,
Не страшен им любой протест.

Их редко-редко видишь в Думе,
Увидишь — шёпот меж собой.
Парламент есть, но с виду — умер,
И плачет зал полупустой.

НЕ ПРОЩАЕТСЯ...

Нельзя спиною выходить к народу,
Народ не слеп, охранники — слепцы.
Тот, кто концы стремится спрятать в воду,
Мгновенно попадает в подлецы.

СИСТЕМА БЕГА

Кризисом бьют в глаза,
за глаза.
Юнцы, старики спешат.
Мимо промчались
за полчаса
40 автодевчат!
Как в лоно транспорта
«леди» пришли?
Будет ли в этом
сдвиг,
Если они,
обхвативши рули,
Плюнули на мир книг?
В мыслях практичных
счета, счета,
Банк,
казино и ланч.
Технико-сексная
красота,
А на душе —
хоть плачь.
Мчатся...
В салоне — духи «Шанель».
Пóтом не пахнет
злачная цель.
Асфальт полюбя,
осадив шоссе,
Они, как бэллочки в колесе.

ПРОСТИТЕ ЗА РЕЗКОСТЬ!

Броня ума, доспехи слова —
Они сегодня нам нужны,
Когда нахально и сурово
За горло взят престиж страны.

Кричат «Вперёд!» все краснобаи,
На деле — катимся назад.
И нападают волчьи стаи,
Чтоб при луне устроить ад.

Довольно бойнями печалить,
Про заграничное трубя.
И не глаза на евро пялить,
А заглянуть в самих себя.

И взять экран из рук скользящих,
И прессе — задницу надрать,
И не морочить работающих,
КТО ДОЛЖЕН РОДИНУ СПАСАТЬ!

КИНОИНДУСТРИЯ

Жгутся джипы, взрываются яхты,
Автоматы — шедевры убийств.
Вся страна от Камчатки до Ялты
Смотрит месиво трагесерийств.

И часами сидит у экрана
Не хозяйкой, а в роли слуги,
Проживая в плену у бурьяна,
Что повыше сибирской тайги.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ...

— Господи, откуда эта встреча!
Ираида, Ирочка, Ирэн...
Взрослости разумной не перечая,
Я попался в юношеский плен.

Руку жму. Нелепые вопросы.
На душе то ясно, то темно.
— Милая, а где ж тугие косы?
— Милый мой, отрезала давно.

Да и ты теперь прибавил веса,
В шевелюре — отблески седин.
Как живу я?
Дочь уже невеста.
Ну, а ты как?
— У меня есть сын.

НЕ ПРОСМОТРИ!

В жестокосердных буднях века,
Когда в разгул выходит дно,
Увидеть в людях Человека
Ещё не каждому дано.

Но, если выпадет виденье
Певца, Художника, Творца,
Ты будешь счастлив от общенья,
От света мысли и лица.

СТРАННЫЕ НЕТОЧНОСТИ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Жертвами репрессий в советское время стали около двух тысяч литераторов. Полторы тысячи из них погибли в тюрьмах и лагерях.

Некоторые пропали без вести, так что обстоятельства их смерти до сих пор неизвестны. Сталинский террор изуродовал и саму историю литературы, ибо неотъемлемой частью его стали сокрытие правды, фальсификация. Чтобы утаить факты массовых расстрелов, сотрудники «доблестных органов» по указке и с одобрения свыше, «разносили» даты, намеренно их искажая.

Родственникам осужденных сообщали приговор: «Десять лет без права переписки» — и близкие искали их, надеялись и ждали, в то время как тех уже давно не было в живых. И даже во времена так называемого «раннего реабилитанства» в середине 50-х, вершители закона продолжали традицию лицемерия и лжи: указывали в справках о реабилитации лживые даты и причины смерти репрессированных.

Эти даты до сих пор значатся в энциклопедиях и справочниках, научных трудах и популярных изданиях, вводя в заблуждение наших современников.

Перед вами — список лишь небольшой части писателей (мы не касаемся здесь их места и роли в литературе, перед смертью все равны), расстрелянных в 1937–1941 годах, даты смерти которых фальсифицированы или неизвестны в точности. Даже в этом предварительном, коротком списке видны «чёрные дни» нашей литературы: 15 июля 1937-го — расстреляны Павел Васильев, Михаил Карпов, Владимир Кириллов, Иван Макаров; 13 августа 1937-го — расстреляны Александр Воронский, Борис Губер и Николай Зарудин. Ещё один из таких дней — 21 апреля 1938 года, когда перестало биться сердце Бориса Пильняка, Константина Большакова, Ивана Батрака, Алексея Селивановского...

Всесоюзная комиссия по наследию репрессированных писателей готовит сейчас к печати Книгу Памяти, где будет впервые рассказано о судьбе многих сотен советских литераторов, пострадавших в годы беззакония и террора.

И.А. Ильин
(1882–1954)
расстрел заменили
пожизненной
высылкой
за границу.

Мысль философа о врагах России:
«... им нужна Россия с убывающим
населением... Им нужна Россия
безвольная... им нужна Россия рас-
членённая, по наивному «свободолю-
бию» согласная на расчленение и во-
ображающая, что её «благо» — в рас-
падении... Но единая Россия им не
нужна...»

	Дата смерти по «Краткой литературной энциклопедии».	День расстрела.
Авербах Леопольд Леонидович	14 августа 1939	14 августа 1937
Аросев Александр Яковлевич	1938	9 февраля 1938
Бабель Исаак Эммануилович	17 марта 1941	27 января 1940
Беспалов Иван Михайлович	1937	26 ноября 1937
Васильев Павел Николаевич	1937	15 июля 1937
Веселый Артем	2 декабря 1939	8 апреля 1938
Воронский Александр Константинович	13 октября 1943	13 августа 1937
Губер Борис Андреевич	1937	13 августа 1937
Зазубрин Владимир Яковлевич	6 июля 1938	28 сентября 1937
Зарудин Николай Николаевич	1937	13 августа 1937
Карпов Михаил Яковлевич	1937	15 июля 1937
Катаев Иван Иванович	1939	18 августа 1937
Кириллов Владимир Тимофеевич	18 декабря 1943	15 июля 1937
Клычков Сергей Антонович	21 января 1940	8 октября 1937
Клюев Николай Алексеевич	1937	22–25 октября 1937
Колбасьева Сергей Адамович	30 октября 1942	30 октября 1937
Кольцов Михаил Ефимович	4 апреля 1942	2 февраля 1940
Корнилов Борис Петрович	21 ноября 1938	20 февраля 1938
Лажнев Абрам Зелькович	29 ноября 1938	8 февраля 1938
Лелевич Г. (Л. Г. Калмансон)	8 октября 1945	10 декабря 1937
Макаров Иван Иванович	1940	15 июля 1937
Нарбут Владимир Иванович	15 ноября 1944	14 апреля 1938
Наседкин Василий Федорович	1940	15 марта 1938
Пилюник Борис Андреевич	1937	21 апреля 1938
Правдухин Валерий Павлович	15 июля 1938	28 августа 1938
Приблудный Иван	1937	13 июля 1937
Подяцук Валерий Львович	17 марта 1942	3 ноября 1937
Третьяков Сергей Михайлович	9 августа 1939	10 сентября 1937
Флоренский Павел Александрович	15 декабря 1943	8 декабря 1937
Чаянов Александр Васильевич	1939	3 октября 1937
Яценский Бруно	20 октября 1941	17 сентября 1938

А.К. Гастев

Мать
С. Есенина –
Татьяна
Фёдоровна
с внуком
Юрием.
Расстрелян
сын поэта
в 1937 году.

З.Н. Райх с детьми автора
«Анны Снегиной» – Костей
и Таней. Зверски убита в
1939 году.

НЕОИНКВИЗИЦИЯ

*Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века!*

А.Т. Твардовский

Пусть что-то не прочтётся,
Но жаль, что красный флаг,
Народы звал под солнце,
А тенью был ГУЛАГ.

Кому-то непонятна
Осторожная тоска.
Черны на солнце пятна —
Не смоются в века.

И в кризисном ранжире
Крик боли не затих:
Во всём подлунном мире
СВОИ — НЕ БЬЮТ СВОИХ !

Геополитика

Рисунок заключённого был смел.
И за разоблачение – расстрел.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

Это — тысячи лагерей и десятки миллионов осужденных, из которых каждый второй не вернулся домой.

Карта составлена по материалам общества «Мемориал»

НИКЕЛЬ КОЛА
СТРОЙКА 511

ВЕЛБАЙРАЛГАЙ

МОСКВА

ДУБРОВЛАГ

ПЕЧОРЛАГ

МИНЛАГ

ВОЖУТЛАГ

РЕЧЛАГ

СТРОЙКА 501

СТРОЙКА 501

МУРТАЕ ДОРОГА

НОРМЛАГ

ГОРЛАГ

ОЗЕР

ВСТРЕЧА В «ЮНОСТИ»

Худющий. Чёрное пальто.
Запомнил жёсткость взгляда.
Он с кем-то спорил: — КТО? КТО? КТО?
Святой — в обличье гада?

Рассказы он занёс в журнал,
Ушёл, минуя замов.
Редактор в ужасе сказал:
— К нам приходил ШАЛАМОВ!

«Самый страшный недостаток был отсутствие и малый запас в 1939 году на республиканские участки продовольствия. В то время почти все зерно, выращенное в Казахстане, уходило в СССР, а в Казахстане в то время не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

Ветеран ШАЛАМОВ

СОСНЫ СРУБЛЕННЫЕ

Помню, как в Казахстане в то время не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

Сам Шаламов:

«У меня в то время было много сосен, которые я рубил на дрова. Когда я рубил сосны, то слышал, как они падали, и слышал, как они падали».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

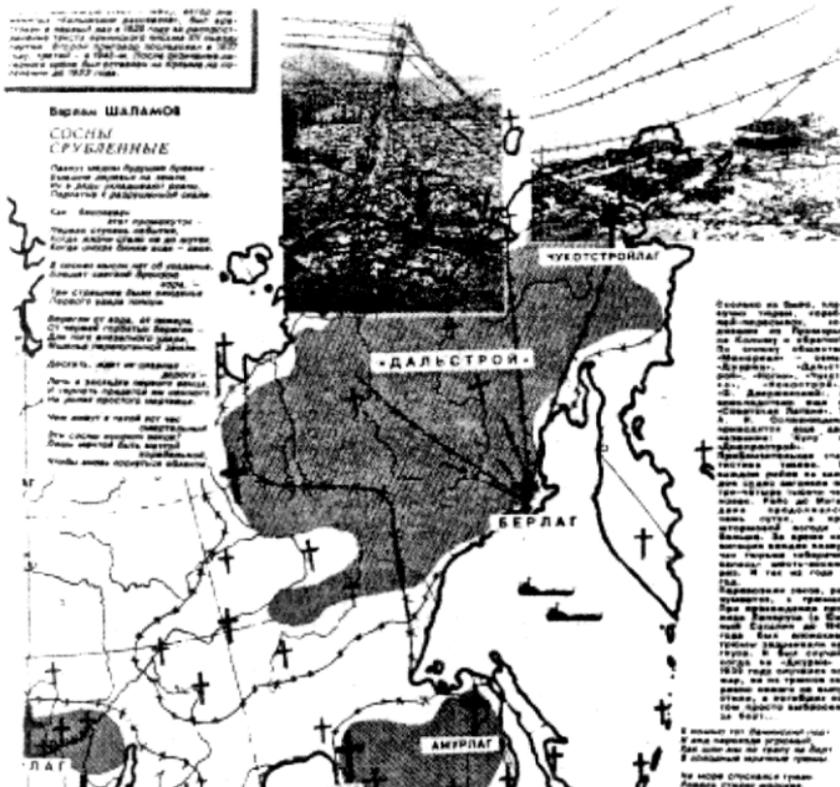
«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

«В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

В то время в Казахстане не было ни одного зернохранилища на территории республики в 1939 году».

НИЦЕТА

Хромые, глухие, слепые
За жалкую горсть серебра
Во всей богатейшей России
На свет выползают с утра.

Золотой самородок «Верблюд», найденный на Колыме в 1947 году

Они пестровато одеты,
Лишь небо над ними, как тент.
Согрейте их словом, поэты!
И хлеба им дай, президент!

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА В ЦК КПСС

Весной 1956 года центральные газеты сообщили, что писатель А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством на почве алкоголизма.

Читатели, знавшие автора по «Разгрому», «Молодой гвардии» и другим произведениям, были удивлены, что в информации выделялось слово «алкоголизм», думали, гадали, рядили — ЧТО ПРОИЗОШЛО???

О предсмертном письме знали единицы... И только через время мир узнал горькую исповедь.

Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть по-

правлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в

преждевременном возрасте; всё остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.

Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун — таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, раздался новый лозунг «Ату её!». Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, — и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это — «партийностью». И теперь, когда всё можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность — при возмутительной дозе самоуверенности — тех, кто должен был бы всё это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких,

злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и — по возрасту своему — скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одарённый богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединённая с прекрасными идеями коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плёлся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать всё то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, — кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература — этот высший плод нового строя — унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с

моей стороны, ибо от них можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти — невежды.

Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

Ал. ФАДЕЕВ
13/V.56

Рисунок заключённого

ГРАНИ ВОЙНЫ

До войны он пел арии,
Басом радовал зал.
А во власовской армии
В комиссаров стрелял.

И евреев допрашивал,
Парабеллум вертя:
— Закопать тебя заживо?
Что молчишь, как дитя?

Проповедник режима,
Что уже на краю.
Пой, «Союз нерушимый...»
Я тебе подпою.

Немцы ржали беспечно,
Шнапс обильный был крут:
— Русиш швайн жить не вечно,
Скоро — Сталин капут!

Пленный долго не мялся,
Гимн пропел до конца.
Сдёрнул с пьяного «шмайссер»
И навёл на певца.

— Даже выдавить ноту
Тебе пуля не даст.
Получай за «работу»!
Автомат не предаст!

И всадил в него очередь.
На гашетку нажав.
И захватчики корчились,
Чёрту души отдав.

РАССКАЗ СЕРЖАНТА

(Быль)

— Атака была отбита,
И спирт завершил итог:
Мы немок брали без флирта,
И сразу, и где кто мог.

И только потом, на Шпрее,
Когда отрезвела рать,
Сказал нам комбат, бледнея:
— Я должен вас расстрелять.

Вперёд, кто в грехах виновник!
Могилу заставил рыть...
Но тут подошёл полковник:
— Позор надо кровью смыть!

ФЛЯГА

(Пехотинцу вспомнилось...)

— Я с нею шёл с Урала

К Берлину и в Харбин.

Она меня спасала

От штыковых и мин.

Поила, как медичка,

И спиртом, и водой.

Военная страничка

Без фляги — сон пустой.

Молюсь, как на икону,

На праздники лишь пью.

За верность батальону

По фронтовой налью.

Причастен был к отваге,

Всю жизнь служу добру.

И кличут меня — Флягин —

Соседи по двору.

БОМБЁЖКА

Заходят «юнкерсы» опять,

И — грохот в тишине.

Дрожит пружинная кровать,

Застрявшая в окне.

Ползёт от дома к дому прах,

Огонь со всех углов.

И страх такой в людских глазах —

Черней глазниц домов.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛИЦАЙ

Пятнадцать лет пилил сосну,
Попав под Магадан.
За то, что предал он страну,
Своих односельчан.

Хоронят близкие его
Среди глухих могил.
И рядом нету никого,
Поскольку зверем был.

ОТВЕТ ХЛЮСТАМ

Писал о казнокрадах —
Статью не взял журнал.
О правдах и неправдах —
Он снова отказал.

Пишу о звёздных войнах,
Трактат за вечный мир...
Ответ пришёл «достойный»:
— Не портите ПАПИР.

Литинститутский мальчик,
Ты сам себе не лги.
Зачем вы на журнальчик
Угнали полтайги?!

С редакцией, бедняга,
На баксы помолись:
Дешёвая бумага
Замкнула вашу мысль.

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Любим ли, не любим Маяковского,
Но люди обжигались на строке.
Сегодня громоздятся по киоскам
Журналы, словно льдины на песке.

Я знаю, стихотворцы ополчатся,
Я знаю, кто-то в колокол забьёт.
Не лучше ли всерьёз стихом заняться,
Таким, который требует народ.

Он разберётся, где зола и пламя,
Кто трагик, кто вертлявый скоморох...
Но, если у журнала имя «ЗНАМЯ» —
Его не разорвут ветра эпох!

ДЕНЬ

Какой ты будешь завтра? Я не знаю.
Желанный день, мой выстраданный день.
Но я хочу, лучи твои встречая,
Познать твой свет и в равной мере — тень.

Сияй над миром, силы не жалея,
Выветривай повсюду смрад и гнусь.
Земля без них становится светлее,
А тенью я твоей ещё займусь.

ОДА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ

Над тобою дни и ночи
Я в работе проводил.
Миллионы букв и строчек
Ты дала по мере сил.

Книги странствуют по свету
Помогают людям жить.
И тебя за пользу эту
В Книгу б Гиннеса включить.

Но заморских дел не знаю,
Видя множество преград.
И тебя я награждаю
Самой высшей из наград.

Получай, не ради славы,
За стремление к добру
ОРДЕН СОВЕСТИ И ПРАВДЫ —
Нет которого в МИРУ!

ВАЛЕРИЙ ПРИЁМЫХОВ

Средь исторического сора,
Когда мошенники круты,
Мы потеряли режиссёра
На взлёте правды и мечты.

Пусть торжествует чья-то лента,
Где что ни кадр — сплошная ложь.
Но фильм его про ХОЛОД ЛЕТА
Через года бросает в дрожь.

ГАЗЕТНАЯ АВАНТЮРИСТКА

«Меридианы» и «Просторы»,
И «Коммерсантъ» и «Маяки»
Особа, с ликом Айседоры,
Меняла как свои чулки.

И даже в Кремль — блондинка-дама
Попала с некого перста
Не за строку, за прелесть шарма,
Поскольку чёрных — до черта!

Теперь — властям, своим коллегам
Внедряет всюду свой диктат.
В редакцию, примчав набегом,
Сбегаёт: «Вызвал аппарат!»

ЛИЦЕДЕИ ПЕРА

Стансы — напрочь, к чертям элегии,
А тем более — мадригал???
Ожиревшие редколлегии
Не считают за идеал.

Им бы что-то сейчас медузное,
Не имеющее лица,
Потребительско-всесоюзное
Без начала и без конца.

Или что-то зверино-наглое
В терминаторской чешуе.
Своевременно чтоб и надолго
В их карманы текли у.е.

Они истину так осилили,
Кто осилит её поднять?
«Редколлегии» как Бастилии,
Надо чаще с землёй ровнять!

ПИСАТЕЛИ сосланы, повешены, убиты на остракизму, покончили

А.Н. Радищев, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев

К.Ф. Рылев А.И. Герцен Н.Г. Чернышев-
ский Д.И. Писарев Ф.М. Достоев-
ский Л.Н. Толстой
(отлучён от церкви)

Н.С. Гумилёв и А.А. Ахматова
(сын Лев позже подвергался
репрессиям)

Н.А. Бердяев

С.Н.
Булгаков
(о. Сергий)

Б.В.
Савинков

А.А. Ганин

С.А. Есенин

В.В. Маяковский

Н.А. Клюев

П.А. Флоренский

П.Н. Васильев

А.М. Горький и И.В. Сталин
(Буревестник и Вождь. От улыбок — к трагедии)

Б.П. Корнилов

(XIX—XX вв.): дуэли, расстреляны, преданы самоубийством...

С.А. Клыч-ков

Б.А. Ручёв

Н.А. Забо-лотный

Б.А. Пильняк

В.И. Нарбут

Я.В. Смеляков
и С.П. Щипачёв

О.Э. Ман-дельштам

В.Ф. Насед-кин

М.А. Шолохов

А.П. Плато-нов

И. При-блудный
и С.А. Есенин

М.А. Бул-гаков

П.В. Орешин

В.И. Эрлих

К.Э. Циолков-ский

С.И. Чекмарёв

М.И. Цветаева

Д.Б. Кедрин

С.М. Третьяков

М.Е. Кольцов

И.Э. Бабель

А.С. Курбас

(в подвалах
Лубянки 13 дней)

А.И. Солженицын

П.Н. Краснов
(повешен по
сталинскому
приказу)

А.А. Ахматова

М.М. Зощенко

А.А. Фадеев

П.Д. Маркиш

С.М. Михоэлс

В.Э. Мейерхольд
и З.Н. Райх

Б.Л. Пастернак

Н.М. Рубцов

И.А. Бродский

Сын Л.Н. Андреева
Вадим с женой

В.Т. Шаламов

А.В. Жигулин
с женой

Игорь Тальков

Ю.В. Друнина

Д.С. Лихачёв

РЫЛЕЕВ

*Кондратию Фёдоровичу —
за великое мужество!*

Темнота — темнее стала.
Из под ног ушла земля.
Сжала горло и разжала
Перегнившая петля.

Он упал лицом, неловко,
Снова в петлю завели...
Неужели та верёвка
Из орловской конопля?

Таял ропот: — Лучше пуля!
— Сердца нету у царя...
Петербург. Конец июля —
Далеко до Октября.

Титульный лист книги
поэта-декабриста «ДУМЫ»

ЗА ЧТО СТРАДАЕШЬ ТЫ, РОССИЯ?

Как мне спросить у сил всевышних,
Но не дадут они ответ
За всех писателей погибших
И за артистов жёстких лет.

И Ленин беды нёс, и Сталин,
Какой бы не поднялся шум.
Народ разбойно был ограблен
На гениально-светлый ум.

Лежат вожди-«интеллигенты» —
Молись на них или кричи,
Что брали под аплодисменты
К сверхбеззаконию ключи.

В их богохульственной облаве,
В расстрелах Родина тряслась...
И новых бесов надо править,
ЧТОБ СНОВА КРОВЬ НЕ ПРОЛИЛАСЬ.

НАХОДКА

Заржавленную гильзу у пруда
Нашли мы, зашвырнув её на дно,
Чтоб илом затянуло навсегда
То, что войною было рождено.

ДРОБИЛСЯ РВАНЫЙ ЦОКОЛЬ МОНУМЕНТА...

*Светлой памяти
Александра Трифоновича
Твардовского*

Жить веселей? Скажи, на милость!
Мильоны душ ушли в распыл.
Так эта трубочка дымилась,
Что так Освенцим не дымил.

Всё расставлял паучи сети,
И бронзовел, идя к концу.
ЧТО Тёркин молвил на том свете
Герцеговинскому курцу?

Сказал генсеку напрямую,
Поскольку не был там конвой:
— Не хоронил ты мать родную...
И содрогнулся бог земной.

Ты даже близких уничтожил,
Кого цинично любил.
А у живых — мороз по коже
От безымянности могил.

Ты даже дом отцовский в Гори
Из цепкой памяти убрал.
Десятки лет питался ГОРЕМ,
ОТ ГОРЯ — РАДОСТЬ ПОЛУЧАЛ.

...Смоленским верил я старухам,
С кем говорил в глухом селе:
— Ему земля не будем пухом
За преступленья на Земле.

Храм Христа
Спасителя —
взорван
в 1932 году

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕТИ

Объят цветеньем
Сельский уголок.
Здесь навсегда
Бои отгрохотали.
И малыши
Играли в расшибок,
Бросая в пыль
Трофейные медали.

ЖЕНСКАЯ НЕНАВИСТЬ

Буфетчица. Торговка пивом.
Водички в бочку подлила.
И за преступным рецидивом
Этапом съехала-пошла.

Красавица! Лихая чёлка
И взгляд небесно-неземной.
Её штаб лагеря прощёлкал
И отпустил перед войной.

...О, как она себя держала,
У офицеров «Вальтер» взяв.
Всех коммунистов расстреляла,
Гашетку в мёртвых принажав.

— Ну, где, вы, где, вы, комиссары,
И партизанское хамьё??
Меня вы бросили на нары,
Теперь — получите своё!

Стреляла так, какой бы веры,
Ей в час расплаты не попал,
Что даже обер-офицеры
Все ужаснулись: — Дья...виал!

Потом она ласкала фрицев,
Бежавший враг её забрал...
Что с ней? Спросите очевидцев,
А я не всё о ней узнал.

СЛАВЯНСКАЯ ДУША

*Посвящается Григорию Максимовичу
Шахову — бригадиру совхоза
«Красноармейский» Троснянского района
Орловской области*

Дед поросят возил в Фатеж,
Бежал с ним Тузик рядом.
Оттуда вёз — по доброте,
Гостинцы и наряды.

Родня встречала у ворот,
Зря твёрдую походку.
И ставил дед — за оборот
Не самогон, а водку.

И говорил, приняв стопарь,
В обед его утروив:
— ТРУДИСЬ! Не нужен нам и царь,
Или какой-то Строев.

И, видя в деде бунтаря,
При разинской закваске,
Твердили: — Ты буровишь зря.
— Приляжь... Устал от тряски.

Ложился дед, поняв родню,
Как и всегда, у печки,
Сказав: — Вся правда на корню!
И правде — не перечьте!

НОРКОмания

Россия, милая Россия,
При дерзкой вольности своей,
Ушла ты в НОРЫ, не в земные,
А в жуткую броню дверей.

Спасибо лидерам всех партий,
Бросающихся на грудки,
За то, что в планах ваших хартий —
Повсюду вставлены глазки.

Следите, но придёт проказа,
Не промолчит обман народ.
Россия наша не безглаза —
ОЧАМИ — НЕДРУГОВ СОЖЖЁТ !

ДОЗОР

Когда ещё стояла рань
И свет не зажигался,
Он во дворе трепал всю пьянь,
Что пивший — протрезвлялся.

За это женщины ему,
Как только рассветало,
Несли любимцу своему
И косточки, и сало.

Он мчался к завтраку с угла,
С щенятства верный дому.
Шальная сучка увела
Его к двору другому.

Придёт иль нет, иль был таков,
Но скажем здесь по-русски:
— Он захмелевших мужиков
Спасал от пут кутузки.

ТЕЛЕФОННАЯ ЦЕНЗУРА

Ох, как много видов связи
От Козюлькиных и Кром!
А в Москву — звонок опасен:
— Ждите... Вызовем потом.

Если будет учрежденье,
Иль державный голова,
Дама вежливо, с почтеньем,
Скажет: — Занята Москва!

Ну, клиент, понятно, в шоке,
Потерял полдня на связь...
Он хотел, чтоб в мини-сроки
Правда наверх поднялась.

Но взамен шеф новых россов,
Блуд-блондинке дав на «чай»,
Прошептал ей: — Чернь и боссов
На столицу не включай!

НЕ ДАЛИ СЛОВА...

В застолье — чинно и сурово
Сидел танкист, минёр, морпех.
Писателю не дали СЛОВА,
Объединяющего всех.

Он местной властью был обижен,
Но, видя, что она «умна»,
От сердца на форзаце книжек
Героев славил имена.

Сидел хмельной историограф
Средь надзирательских чинов.
Народ к поэту шёл: — АВТОГРАФ!
— МЫ ЗНАЕМ ИСТИНУ СТИХОВ !

«СМЕЛЫЕ»

Даёте опусы в печати
В честь романиста и пиита.
Смеётся в адрес ваш читатель:
— Где пуговка у звёзд пришита?

Упорно ищите её,
Готовя в номер продолженье.
И вновь избитое враньё —
И не про МЫСЛЬ, а увлеченье.

ЖИВОДЁР

Всё равно ему, где храм
Возродится,
Потому, что был хам
У «корытца».

О годах прошлых лет
Мы не будем,
Где донос, пистолет
В адрес юден.
Тёмной силой прикрыт
За «заслуги».
Бодро к кассе спешит,
Что в округе.

А поскольку душа
Чёрту продана,
Не живёт без гроша
Гад-уродина.

Потому на людей
Смотрит искоса,
Ставя кошке своей
Миску с «Вискасом».

Острый глаз у зверей,
Смотрит — меряя,
То ль Ежов перед ней,
То ли Берия.

АМНИСТИЯ

Трясутся и сверху, и снизу,
И многих порою знобит.
Сомнамбулой по карнизу
Закон стародавний спешит.

Нейтральное общество в шоке,
Родня — ожидает родных.
Как нам в миллионном потоке
Атак избежать ножевых???

МОНОЛОГ ЖУРНАЛИСТА

— Я краток, верьте старику:
Полвека был в овечьем стаде.
Страх — контролирует строку,
Все «правдолюбцы» на окладе.
А тот, кто басом вдруг запел,
Был шефом низведён до писка.
И бедный раб пером скрипел —
Вплоть до изгнания из списка.

СЕРГЕЮ АКСАКОВУ

Поэт природы, ловли и охоты,
Волшебник зорь и Млечного Пути,
Ты книгами снимаешь с нас заботы
И говоришь нам: — В НЕПОГОДЬ — СВЕТИ!

ШАГ ДО ПРОПАСТИ

Дивлюсь парадоксам рекламы,
Мандат на кощунство ей дан:
То СИНИЕ волосы дамы,
То девичья грудь — за экран.

Страну взмолодить захотели?
Верх-верхом, а в жизни не так,
Когда институтки — при теле,
Ушли в алкоголь и табак.

Детей от них ждёте? Едва ли!
Роженицы хуже зверей:
Они иль рожают в подвале,
Иль в мусор бросают детей.

Таких не спасают УИНЫ,
Судья для таких — не судья.
В надёжные руки МУЖЧИНЫ
ДОЛЖНЫ БРАТЬ РОДНОЕ ДИТЯ!

Отцы ваши, матери живы,
Вам всё отдают до конца.
Не будьте пред совестью лживы,
И счастье — осветит сердца!

НЕСОВМЕСТИМОЕ

Озёра крови, смерть, печаль,
Победы свет на потных лицах...
Как вы сумели поместиться
В кружочек бронзовый — медаль?!

И В ШТИЛЬ, И В ШТОРМЫ...

Когда уходим мы в поход далёкий
Вдоль берегов иль в глубину морей,
Весёлые, приветливые коки
Заботой нам напомним матерей.

Они ложатся после вахты камнем,
Из них никто не скажет: — Я устал.
Для них всегда святое место — камбуз,
А вдруг меню проверит адмирал.

Блестит лагун и в плитке можно бриться,
Чумичка в макаронах — как флагшток.
— А ну, спеши провинция-столица!
Добавка будет! — ободряет кок.

Нас колокол зовёт к обеду снова,
На кулинаров просто нам везёт.
И ноздри расширяются от плова,
А тут ещё и борщ — невпроворот!

Мы помним вас, родные коки Флота
Сегодняшних и тех далёких лет.
Вы Кригсмарине били с разворота,
И в Тихом океане — виден след.

«Победа!» — в мире пронеслось!
И засветились всюду лица!
Сломалась дьявольская «ось»,
А с нею — вражья колесница.

ВОЙНОЛЮБЦАМ

«Ястребам» отвечаем и «совам»,
Что владеют землёй и небом:
Помогать надо людям словом,
Тёплым кровом и свежим хлебом.

А копьё, мушкет и ракета
Пусть расскажут, попав в музей,
Как сживали людей со света
Современники их — злодеи.

Если б каждого мы почтили
В знак великого состраданья,
Из минут бы мы получили
Обезглавленный ВЕК МОЛЧАНЬЯ...

О, несчастные миллионы,
Не забыты вы и забыты.
Мавзолеи и пантеоны
Вашей кровью с лихвой омыты.

Отвечайте им, Бога ради,
Те, в ком чёрная бродит сила,
Что вам думать о новом аде
Мать Вселенная запретила!..

*МАТИЧЕСКИЕ РИТМЫ
(Цикл стихотворений)*

ЭДИТ ПИАФ

Певица так нежна,
Как радуга над морем.
Но жизнь опалена
И радостью, и горем.

Она вошла в шансон
То светлой, то печальной,
Где царствует закон
Души исповедальной.

И даже сквозь года,
Впитав судьбу народа,
Парижская звезда
Не сходит с небосвода.

БЕННИ ГУДМЕН

Его загадочный кларнет
Порою спросит и ответит,
Что может сделать лунный свет,
Когда, он чью-то жизнь осветит.

Алмазный луч упал в траву.
Надежда вырвалась из плена.
И нет предела мастерству
Неповторимого джазмена.

ЧАРЛИ ПАРКЕР

Альт-саксофон он с детства обожал,
И в юности, улыбок видя мало,
На нём не музицировал — играл,
Да так играл, что сердце замирало.

Всю силу духа он вложил в квинтет,
Не струсил в музыкальных поединках,
С годами рос его авторитет
И до сих пор остался на пластинках.

ДЖОРДЖ ГЕРШВИН

Влюблённый в фортепьяно и в аккорд,
Работая почти что на пределе,
Спешил он за рапсодией в народ,
Спешил туда, где плакали и пели.

Знал Гарлем, был в притонах, в кабаре,
И, обладая памятью отменной,
Соединял он в клавишной игре
Земные звуки с звуками Вселенной.

ЭЛЛА ФИЦДЖЕРАЛЬД

Буйной радостью экстаза.
Красотой нюансов смелых,
Знойный голос Леди джаза
Чёрных трогает и белых.

Даже в Токио суровом,
Где к чужому есть ревнивцы,
Слышат за английским словом
Откровение певицы.

Пусть сближает песня страны,
Пусть короче станут мили,
Чтоб моря и океаны
Не сражались — а дружили.

МАРИКА РЁКК

К врагу ничтожны интересы,
Он мир расстреливал в упор.
Став сапогом на горло песни,
Был рад, как щёлкает затвор.

Делила ночи с ним, служила,
Комфорт немецкий возлюбя.
Венгерка... Чья ж старалась сила,
Чтобы Берлин любил тебя?!

К чему в душе огонь сомнений,
Столица пала — в теле дрожь.
Ты стала жертвой преступлений —
На пепле Рейха не споёшь...

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗВЁЗДЫ ЭСТРАДЫ И КИНО

Мэри Пикфорд

Чарли Чаплин
К/ф «Великий диктатор»

Режиссёр Лени Рифеншталь
славит триумф Фюрера

Узурпаторский раж

Томас «Фетс»
Уоллес

Марлен Дитрих
К/ф «Голубой ангел»

Луи Армстронг

Поль Робсон

Айседора Дункан

Лана Тёрнер

Гленн Миллер

Джордж Гершвин

Элла Фицджеральд

Бенни Гудмен

Коулмен Хокинс и
Дюк Эллингтон

Миллионы зрителей покорила Мэрилин Монро

Рита Хейуорт

Чарли Паркер

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗВЁЗДЫ ЭСТРАДЫ И КИНО

Эдит Пиаф

Клодет Кольбер в
роли Клеопатры

Марика Рёкк – примадонна
Третьего рейха

Ольга Чехова

Ив Монтан и
Симона Синьоре

Дюк Эллингтон – автор знаменитого
«Каравана»

Элвис Пресли –
король рок-н-ролла

Чарли Чаплин
к/ф «Огни
большого города»

Жан Габен и Жанна Моро

Элизабет Тейлор
к/ф «Клеопатра»

Джо Доссен

Жан Маре к/ф «Жульетта»

Жерар Филип –
снимался в к/ф
«Пармская
обитель», «Фан
фан – Тюльпан»

Джина Лоллобриджида
и Юрий Гагарин

Марлен Дитрих
к/ф «Женщина
– дьявол»

Катрин Денёв
к/ф «Отель
«Америк»

ГЛЕНН МИЛЛЕР

(Сражающийся оркестр)

Идёт война, где смерть на каждой миле,
Вода и небо взяты на прицел.
В Британию торопится Гленн Миллер —
Маэстро с этой мыслью посветлел.

Земля в крови под бомбой и под миной,
Слух режет свист осколков и свинца.
А он стремится «Солнечной долиной»
Вернуть тепло в разбитые сердца.

Он знает, что теперь не до кларнета,
Труба в тени, в опале саксофон.
Но всё же хочет музыки планета,
Ей чужды марши дедовских времён.

Он мечется, он не находит места,
Его задумке — не хватает слов.
Он хочет инструментами оркестра
Отсечь калибры пушечных стволов.

И час настал — летит над островами,
Он выбрал БЫТЬ из «быть или не быть».
И никакими жуткими смертями
Героев-музыкантов не убить.

В волненьи виртуозы и маэстро,
Под самолётом — взрывы сплошняком.
Но им дороже взрыв аплодисментов,
Что прогремит в победе над врагом.

ЭЛВИС ПРЕСЛИ

Есть идол и кумир,
Но есть толпа и стая.
Есть Мир и просто мир,
В чём разница большая.

Певец был обнажён,
Артист — канатоходец,
Как сабля из ножён
На фоне алчных модниц.

Не всё вошло в тираж
В час госпереполоха.
Как сказочный мираж
Была его эпоха.

Он в каждый дом вошёл
С экрана и эфира,
Оставив рок-н-ролл
На параллелях Мира.

МАРЛЕН ДИТРИХ

Покинув родину сквозь силу,
Любя людей, цenia себя,
Она вложила вклад в Победу
С американских берегов.

Над океанами и сушей
И в промежутках меж боёв
Летела мысль антифашистки,
С которой Чаплин был знаком.

Кому-то нравилась «Лили»,
Другим же — никогда.
Боролась в песне до конца,
В умах — не умерла...

НЕЗАБВЕННОЕ ТАНГО

Грустит аккордеон
Без жалоб и упрёка.
Солирует труба,
Колдует саксофон...,
И весь душевный пыл,
Как в юности далёкой,
Мелодия любви
Опять берёт в полон.

...Неясностью томит
Благоуханный вечер,
Ему один лишь миг
До перехода в ночь.
Вот-вот зажжёт луна
Каштановые свечи.
И капельки росы
Ей вызвались помочь.

Колдует саксофон.
Мы в танце, как в полёте,
Любимый джаз-оркестр
Благословляет нас.
И, кажется, что он
Шлёт счастье в каждой ноте
И просит небеса,
Чтоб лунный свет не гас...

Теперь твой тихий дом
Закрит морским туманом.
Пусть изморозь легла
На жаркие слова.
Спасибо соловьям!
Спасибо музыкантам
За то, что до сих пор
Кружится голова!

Ах, милый саксофон.
Серебряное чудо!

Но ты не объяснишь,
Чьё счастье на песке...
Пусть юность далека —
Тебе звучать оттуда,
И девичья рука
Лежит в моей руке.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Люблю в нём актёра и автора,
Он дорог не только мне.
Но что-то его «Диктатора»
Не вижу в своей стране.

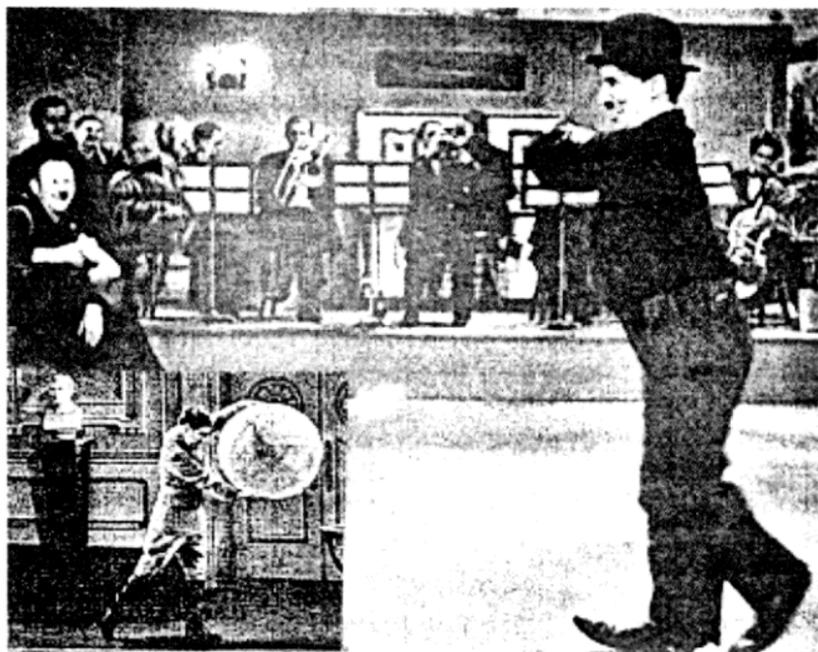
Напомнят о нём по телеку,
Мол, смело сыграл врага.
И вновь упрекнул Америку,
Что ленточка дорога.

Не по наивному ж случаю,
Входя в гегемонскую роль.
Раз двадцать себе прокручивал
Работу его — Адольф.

Один ли он это видывал?
И, правду нутром не любя,
Почти всепланетные идолы
В герое — узнали себя.

Кто хочет быть в мире посмешищем?
И власти смыкаются тут:
Для фильма стал вечным убежищем
Прославленный Голливуд.

А Чарли метёт себе клёшами
И песню несёт на устах:
— Режимы бывают хорошими,
Когда они спят в словарях.

*Кадры из кинофильмов «Великий диктатор»
и «Новые времена»*

МЭРИЛИН МОНРО

Из ничего и без всего,
Без кастовых интриг,
Она, вошла в верха страны,
Пленив их естественном.

Рабу любви, слугу мечты
Захватит Голливуд.
А что случилось с ней самой —
И в джазе не поймут!

Красивой бабочкой утех
И душечкой ночей
Монро останется живой
В истории кино...

*Ив Монтан и Мэрилин Монро
в кинофильме «Миллиардер»*

ВОР ЧЕСТИ ВОИНСКОЙ

Средь боли инвалидной белизны
Стоял заезжий ветеран-гвардеец.
Не трогал поминальной он струны —
На то мальцы из разных «Правд» имелись.

Он освещён был отсветом знамён,
И вроде бы ОМОНа чуть стеснялся.
Не знал народ, пришедший на поклон,
Чем белый старец в прошлом занимался.

Раздался крик — как гром из ничего.
Старуха узловатою клюкою
Старалась сбить с приезжего героя
Все ордена, что были не его.

Всю жизнь подлец носил чужую славу.
Был полицаем... Не попал в тюрьму.
Солдата финкой ткнул он под Бреслау...
ВОЗМЕЗДИЕ — аукнулось ему.

ПРОТИВОБОРСТВО

Враг сильным был и настоящим,
Его упорства не отнять.
И шёл он с солнцем восходящим,
Но убегал... без солнца вспять.

ИГРУШКИ ДЕТСТВА

Их жгли огромною горою:
Лошадки куклы и слоны.
Машинки, мячики с юлою
В ту гору были свезены.

А почему бы не раздать их,
Нам, пострадавшим от войны?
Хоть участковый был при «латах» —
В огонь бросались пацаны.

Гора сгорела. Пепел жаркий
Почти до вечера стоял...
Властям спасибо за «подарки»!
Кто мир сиротский обокрал?

Ребячий ум — он острый с детства.
И мы в годах — белых-белей.
Избави, Бог, нас от наследства
Карателей и их вождей.

Теперь — в спортивных сетях дети,
В загранках и при каратэ.
Не попадайте в наркосети,
А мы возрастали в нищете.

И потому костёр игрушек
Не позабудем никогда,
Хотя и был салют из пушек
В те достославные года.

В ДОМЕ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Дед настолько усох,
Что родни нет близкой:
— Я — дитя двух эпох —
Царской и чекистской.

Возрастали не в тепле,
Род наш безлошадный.
Царь был милостив к земле,
А декретник — жадный.

В этом доме я б не жил,
Всем бы слал спасибо,
Чтобы в тень родных могил
С корня унесли бы.

КОСА НА КАМЕНЬ...

Господа и товарищи,
Не свирепствуйте вновь.
Между вами — пожарищи
И великая кровь.

Мы ни сколь не пророчим,
В безъединстве — вина.
Может, втрое короче
Нам бы стала война.

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

*Стихи, написанные после
посещения диорамы «Гражданская
война» — патриарха живописи,
заступника за человека, терзаемого
в войнах, — АНДРЕЯ ИЛЬИЧА
КУРНАКОВА*

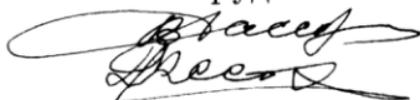
Мы тех, иль этих государей
Не проклинаем за дела,
Поскольку не были в ударе,
Творили так, как помощь шла.

Из Волчьих Ям, Приокских Лужен,
Из Редогощи и Прилеп,
Кто понимал: Писатель нужен,
Порой важней, чем нужен хлеб.

Он неизвестно чей посланник
Среди чиновников, церквей,
То ли юродивый, то ль странник.
Но — **ИСТРЕБИТЕЛЬ ВСЕХ ЧЕРТЕЙ.**

Толпообразность окруженья —
С глазами жёлтого тельца.
Спешит примазаться к твореньям
Певца, художника, творца.

И только те, кто чист сердечно,
Найдя слова не с потолка,
Ему провозгласили вечность
За труд гигантский на века?

ВИКТОР РАССОХИН
СЕРГЕЙ РАССОХИН

4 ноября 2009 года,

Военно-исторический музей г. Орла

*Академику живописи было что показать
и сказать горожанам и гостям*

СОЛНЦЕ

Мы все поклонники его
От колыбели до могилы.
Восходит — верим в торжество,
Заходит — умножаем силы.
И верим, верим поутру,
И на закате — счастье строим,
Что приведёт оно к Добру,
К Добру, где нет кровавых боен.

Смерть Пушкина.

Картина работы П.П. Соколова—Скаля.

Поэмы

- Золотая кувшинка
- К рассвету
- Озарённая душа
- Шапка Мономаха
- Ночь
- Посмертный обыск
- Эхо тарана

Плѣс. К Левитану

*Исааку Ильичу Левитану —
любимому с детства
художнику*

Осенний день. Сокольники.

Золотая осень.

Март.

Весна — большая вода.

РАННЯЯ ВЕСНА

Полупальтишко на плечи набросив,
Отцовским шарфом шею обмотав,
Спешит в поля, где снег пробила озимь,
В сквозящий мир обветренных дубрав.

Раскрыл этюдник.
Взгляд пытлив и зорок.
Штришок — и улыбнулся березняк,
Мазок — дымится солнечный пригорок,
И талым льдом
Глаза слепит большак...

Как воздух свеж!
Движенья торопливы.
В сиене кисть, а разум говорит,
Что тени синеваты и пугливы
У молодых растрёпанных раakit...

И до заката, не боясь простуды,
На пальцы переязбшие дыша,
Он пишет с увлечённостью этюды,
Где светится мальчишечья душа...

Москва.
Цветут огни в замёрзших лужах.
Витрины блещут —
Яствам — несть числа!

У Исаака —
Ситничек на ужин.
И тот ворюга-кошка унесла.

Эх, кошка, кошка! Серенькая кошка,
Чердачный, бесприютный старожил.
Тебе бы подождать ещё немножко —
Он пополам бы ситник разломил.

Что делать, если ужина не стало?
Под голову — с бельишком узелок.
И служит ему тёплым одеялом
Облитый лунным светом потолок.

У подбородка — острые колени.
Сквозняк невольно чувствует спина.
И зыбок сон, как брошенные тени
В проём венецианского окна.

УЧИТЕЛЬ

Прохладно. Комнаты пустынно.
Не ладят шторы с синевой.
Лишь в рамах светятся картины,
Как будто окна в мир живой.

Сидел хмелеющий Саврасов.
Звенели рюмки на столе.
— Ищите больше тёплых красок
На грешной матушке-Земле.

Сегодня...
Ми-ла-я Россия,
Как лошадь в тесном хомуте.
Стоят
Легальные витии
Спиною
К нашей красоте.

Моль золотая!
Моль... Ей-богу!
И хоть права у ней круты,
Пора, художники, в дорогу.
Гоните солнце на холсты.

НА ВОЛГЕ

Он смотрит пристально и долго
И глаз не может оторвать:
Ведь рядом волны катит Волга —
Всех ручейков и речек мать.

Сейчас бы крикнуть:

— Стенька Разин!

Явись с весёлой голытьбой
Да посмотри, как день прекрасен:
Из голубого — голубой.

Который век во всех приходах
Тебя клянут колокола!
Но воля, вольница, свобода
Здесь не родиться не могла!

И, как бы синь воды смягчая,
Мелькают чайки —

всплеск и взлёт.

Вода светлей от крыльев чаек
Почти по самый горизонт.

И пузырьём, как парус, блуза,
И пахнет ветер озорной
И керосином, и арбузом,
И свежей рыбой, и сосной.

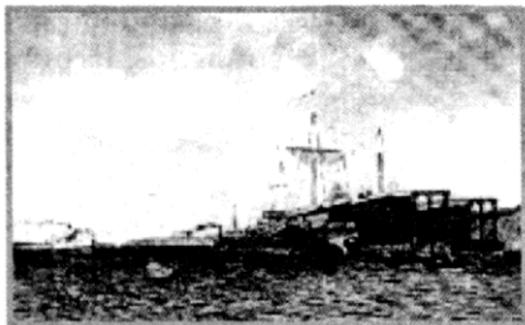
ПЛЁС

С.П. Кувшинникова

Носами волны разрезая,
Подходят баржи к берегам.
С утра висит, не умолкая,
Канатный скрежет,
Стон и гам.

Приказчик кроет
Крепким матом
Покрытых солью
Работяг,
Что носят брёвна
В два обхвата
На стёртых,
Ноющих плечах.

Судовладелец одноглазый,
Играя тростью вырезной,
Хрипит: — Живее, лоботрясы!
Гоню целковый на пропой!

Сверкают согнутые спины.
Они идут за рядом ряд...
И, словно с репинской картины,
В глаза пронзительно глядят.

Не отвернёшься — совесть сгложет.
Страданьем каждый изнурён.
В их мыслях —
Царь давно низложен,
Ко всем смертям приговорён.

К расстрелу,
Виселице,
Плахе...
Но сила — силой заперта.
Докуда жить в яремном страхе —
Поёт и плачет красота.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Вот и вечер в Волгу якорь бросил.
С заунывной песней рыбаки,
Руки оторвав от мокрых вёсел,
Потянулись цепью в кабаки.

В переулке — ливенка вздохнула.
Пьяный хохот. Перебранка жён.
Боль и слёзы горького разгула
Давит колокольный перезвон...

Ночь свежа. Река нетороплива.
У сетей — костёр сторожевой.

Да художник бродит у обрыва,
К звёздам прикасаясь головой.

А внизу — похрапывают кони:
То ли волк встревожил, то ли лось.
Выплеснулась рыбина в затоне —
Будто что вблизи разорвалось.

На воде — мерцанье небосвода,
Лунные расходятся круги.
Словно говорит сама Природа:
Вот и я. Пиши меня. Не лги.

Вся твоя: от шороха до звука.
Вся твоя: в убранстве, в наготе.
Об одном прошу тебя, как друга:
Умереть не дай мне на холсте...

Разве сон придёт в такую пору?
Волга подарила столько сил...
Вроде не тиранил стольный город,
Вроде там и пасынком не жил.

Чуть заря — следы его остыли.
Зря спешит хозяйка с молоком.
Он писал.
А две Москвы следили.
Две Москвы —
Великая и гном.

У ДРУГА

— Антоша, принимай меня из рая.
Уехал — нищий, а приехал — царь!
Смеётся Чехов, друга обнимая:
— А ты окреп, удачливый волгарь!

Я вижу, принял Плёс тебя, как сына:
Так загорел, что не видать бровей.
Тебе б теперь прекрасную ундину
Мятежных, обжигающих кровей.

— Ундина есть.
— Ну, что ж? Бери за свата,
Пока запас словесный не иссяк.
— А сам-то что?
— Я неслух. Рановато.
Боюсь, раздавит миленький башмак.

Бурлит усадьба, скуку выселяя.
Проблемы века. Общий самовар.
Качели. Откровение рояля.
И просто так — лирический базар.

Волшебный парк,
Сирень благоухает —
Щемящ и свеж тончайший аромат.
И кто-то под гитару напевает:
— Сияла ночь. Луной был полон сад!...*

* Романс на слова А.А. Фета.

А Исаак, мрачнее понемногу,
(Куда ведь проще: пей в кругу и пой...),
Владимирскую торную дорогу,
Как на ладони, видел пред собой.

Колодников, и гордых, и суровых,
Влюблённых в необъемлемую ширь,
Что в помыслах бунтующее слово
Несли, как знамя, в тёмную Сибирь.

— Антоша, слышишь?
Раздаётся эхо.
Пришла пора
Российских баррикад...
Надев пенсне,
Смотрел сквозь сумрак Чехов,
Как будто видел там
Вишнёвый сад.

...Сон перебит.
Прощай, уют шумливый!
Уйдёт он, молодея от ходьбы...
Наивность восторгается: Счастливым!
Гнусавит зависть: Ба-ло-вень судьбы.

Как хорошо: он этих слов не слышит.
Мольберт поставлен. Белый зонт раскрыт...
И он, быть может, новый холст напишет,
Забыв про ошестинившийся быт.

ОЗЁРНАЯ ТИШЬ

Чернеют избёнки на склоне крутом,
В воде отражаясь невольню.
С берёзками тощими, книзу крестом,
Белеет, дрожа, колокольня.

...А рядом дощаник. Плетёный шалаш.
Зелёное кружево ряски.
Да жаль, что забыт в пиджаке карандаш
И дома оставлены краски.

Не дома, а так... Приютили на срок.
Большое спасибо на этом!
Мир солнцем пронизан, почти не жесток,
И мрак даже кажется светом.

Забуться?
Тревожит завистливый гам,
Намёк на судьбу иноверца.
Убитою чайкой
Летит к ногам
Любовь, не нашедшая сердца.

В том — холод расчёта,
А в том — пустота.
Другое — на колкости падко.
Четвёртое — дерево без листа:
Весною не бьёт лихорадка.

...А сизого селезня нянчит вода.
На зов откликается утка.
Сквозь бури и залпы летели сюда...
Пальнёшь разве в парочку?
Жутко!

Пусть бойко снуют
В молодом тростнике
Живые комочки — утята...

Рука замерла
На ружейном замке.
Душа
Тишиною распята.

НА ВЫСТАВКЕ

В белоснежной сорочке,
Остроносый и бледный,
С тёмно-русой окладистой бородой,
Входит в залу салона,
Строг и сух, как военный,
Проницательно щурясь,
Пал Михайлыч. Старшой.

— Третьяков!

— Треть-яко-оф?

Дамы тянут лорнеты.

Глянцевитые плечи

Вытирают мужья.

— Наш российский Дюпон!

— Сразу купит полсвета.

— Спит на золоте, видно...

— Вот кого бы в зятья!

— Посмотрите, как страшен омут?!

— Веет Надсоном и Толстым.

— Во где рыбка! Раздолье сому.

— Впрочем, что мы мазню глядим?

...Дремлет тайна в притихшей глуби.

И преданье гласит о том,

Что русалка, кого полюбит,

Зазывает в подводный дом...

У картины идёт
Разговор оживлённый.
Подошёл Третьяков,
Резковат, как всегда.
По холсту осторожно
Щёлкнул пальцем холёным:
— Недурна работёнка!
Черновата вода.

— Повезло Левитану!
— Любит греться у славы...
— Где он только находит
Глухие места?!
— Левитан-то который?
— Во-он, папаша, чернявый.
В пиджаке нараспашку.
Похож на Христа.

Рядом шёпот:
— Училище толком не кончил.
— Проживает без паспорта.
— Вот так талант...
— Господин посетитель,
Вы не можете громче?!
Ах, как жаль, что не слышит
Мосье Левитан.

А художник глядит,
Похвалой окрылённый,

Как чванливы и чопорны господа.
Въелись в жирные шеи
Станиславы и Анны.
Это мусор салона —
Мужика бы сюда!

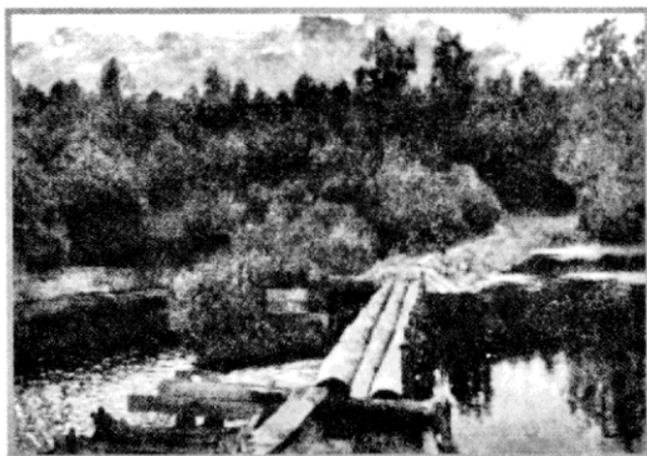
У него — ни гроша.
Еле держится хата.
Нету лент через грудь,
Мешковато одет.
Всё его состоянье
Не брильянты и золото —
Всемогущее: Да!
Беспощадное: Нет!

...Покупают картину...
Я, счастливый и жалкий
(Боже!
Что в этом мире
Деньжищи творят!),
Сам бы бросился в омут
Вместо бедной русалки,
Чтоб не видеть,
Не слышать,
Как
Червонцы хрустят.

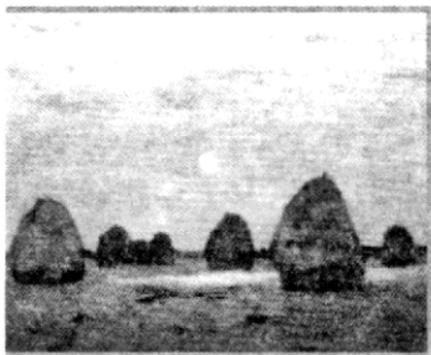
Острый глаз оценил
Всю фактуру до нитки.

Вдохновенье и поиск,
Улыбку мечты...
И докуда терпеть
Меценатские пытки?
Я дарил бы картины,
Как дарят цветы.

До свиданья, мой Омут!
Твой новый хозяин
Понимает искусство —
Прекрасный знаток...
Оставайся в Москве.
Это я здесь случаен,
Как у гордой чинары
Дубовый листок.

КАК ОСИЛИТЬ РАБА!

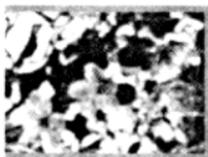

И зачем эта ночь?
И не ночь, и не день.
Лунный свет превозмочь
Не пытается темь.

Только тени черней,
Вырастая в длине,
Чернотой своей
Возражают луне.

Сквозь прогалы раки
В исчезающей мгле
Так речонка блестит —
Млечный Путь на Земле.

Луг рососою примят.
Чётко видны следы.
Терпкий запах струят
Голубые сады.

Щёлкнул раз соловей,
Эхом дробь рассыпая,
Словно в гуще ветвей
Соловьиная стая.

Где ж вы, люди села?
Не видать никого...
Красота тяжела
Для меня одного.

И спасения нет:
Лезет в уши, в глаза,
Как раскаты и свет,
Что приносит гроза...

...Крепко заперты сенцы.
Вас разбудишь едва ли.
Как на печке младенца,
Вы природу приспали.

И подумать о том
Не успели.
Вы убиты трудом
С колыбели.

Тяжек плуг и коса
Без душевного взлёта.
А молить небеса —
Даровая работа.

Как осилить раба
И в себе, и вокруг?
Неужели судьба —
Заколдованный круг?

ПИСЬМО

«Лечусь заграничною тишиной,
 Ничем голова не загружена.
 А воздух,
 А воздух,
 А воздух какой!
 Не станешь обедать и ужинать.

Но, если б вы знали,
 Как хочется мне
 Увидеть
 Россию милую:
 Вот-вот загудящий
 Тающий снег,
 Белые-белые лилии...

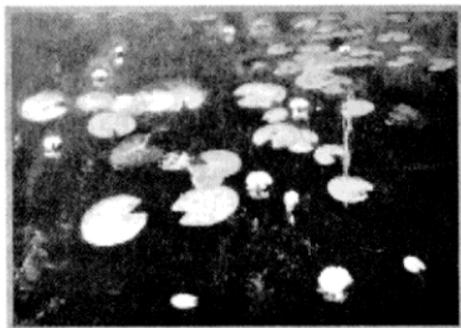
В сиреновой дымке
 Вечерний плёс...
 Послал бы к чертям бессонницу
 Да слушал бы говор
 И шёпот берёз,
 Вышедших за околицу.

Забудешь ли
 Сказочную красу
 Сквозь дождь
 Розовеющей радуги,

Как утром,
Отряхивая росу,
Поднимется ветер на ноги.

И гнуться траве,
И волне бежать
Под натиском ранней свежести...
России в Европе
Не занимать
Ни красоты,
Ни нежности.»

Даже ветер с картины
Не может найти себе места.
Высотой проходит,
Гоня кувырком облака...
— Ну, давай помечтаем,
Дорогая, любимая Веста.
Ты прости мою слабость,
Поругай-ка меня, чудака!

А собака, ласкаясь,
Тепло так глядит, человечно,
Любопытство трепещется
В умных глазах.
Для неё всё равно:
Кратковременна жизнь или вечна.
Ей бы выследить дичь
Да подранка схватить в камышах.

— Мы пролезем с тобой
Сквозь болота и цепкий валежник.
Захлебнёмся апрельскою синевою.
А кому мы подарим
Смеющийся, милый подснежник,
Если он просияет
Над чёрной, опавшей листвой?

Никому. Ну и ладно.
Опушкой двинемся дальше.
Пусть влюблённые рвут.

И у нас есть влюблённость своя:
Чу!

В зарю золотую
Врывается с хорканьем вальдшнеп,
За подругой спеша
Над лихим воркованьем ручья.

Как целительна свежесть
Сквозистого, тихого леса!
Пахнет зеленью робкой и талой водой.

Мы, ей-богу, богаче
Любого наземного Креза,
И небесный беднее,
Если там отыскался такой.

Да, тоскливо тебе,
Я нечасто бываю свободен.
А порою случается:
Плачь — голоси...

Валентин Серов
пишет портрет
Левитана. 1893 год

Ничего, дорогая!
Ещё мы с тобою побродим.
Не бродить, не ходить —
Это значит — не жить на Руси.

Размечтались. И легче.
Запутался в собственных тенях,
Как трясиновый лог,
Что ольхою зарос...
И притихшую Весту —
Подругу в охотничьих бденьях —
Он целует в холодный,
Черноватый, с шершавинкой нос.

ОСЕННИЙ БУКЕТ

Шёл люд, дождя не замечая.
Плыл гроб, обитый полотном.
Пролёткам встречным козыряя,
Жандарм рысил на вороном.

Усы. Лоснящийся. Огромный.
Он послан был сюда не зря.
Покойник им казался бомбой —
А вдруг да в нового царя!

Не подчинён художник страже.
Ему свой суд вершить дано.
Живой не лгал. И мёртвый скажет
Живым, но... умершим давно.

Саврасов знал, кто жал и сеял.
Знал, кто весь век кричал «Ура!»,
Как на Христе и Магомете
Бездарность шла в профессора.

Она трезвонила: — Пропойца!
Сказал ли друг ему: — Алёш...
Тогда б не спал он, где придётся,
Не пил бы так за кровный грош.

...Ворчал профессор седовласый,
По виду немец иль поляк:
— Катастрофически Саврасоф
Себя закладывал в кабак...

...Ему не сыпались червонцы.
И он доволен был вполне,
Что шёл с этюдником за солнцем,
Не забывая о вине.

И каждый думал, ком бросая:
Пред ним века откроют даль.
Он весь — Россия полевая,
Её отрада и печаль.

Срывались капли дождевые,
Под шёпот листьев холмик рос.
Любовь к земле, любовь к России
Он и туда с собой унёс.

Унёс. В чиновники не вышел.
И Левитан, кладя цветы,
Как будто сызнова услышал:
— Гоните солнце на холсты!

ЦАРСТВО КРАСОК

Солнцем залита мастерская —
 Царство красок, холста, кистей.
 А за окнами — стужа злая:
 Что ни час, то мороз лютей.

Только здесь и весна, и лето:
 Половодье. Голубизна.
 Лодки в сумерках ждут рассвета.
 Чуть стога не зажжёт луна.

Закудрявилась зелень мая.
 На верёвке бельё, как снег.
 Чья хозяйюшка молодая
 Вышла на реку раньше всех?

От веселья, с тоски ли долгой,
 Чёрной тенью прижав пустырь,
 Куполами воткнулся в Волгу
 Белокаменный монастырь...

Красно-розовые ворота
 Да глубокая колея
 Увели на закат кого-то
 От родительского жилья...

Что ж ты гнёшься, мосток дубовый,
 На виду у деревни всей?
 Искромсали тебя подковы,
 Старел ты, глядясь в ручей...

Свежий ветер, упруг и весел,
Гонит волны — волна к волне.
И его отголоски песен
Звонче слышатся в сером дне...

Как не хочет с землёй прощаться
Умирающий, бледный луч!
За ракиты не удержаться,
Коль упал на ракиты с туч...

У цветов краток век в неволе,
Увяданию вопреки —
Голубою мечтой о поле
Продолжают жить васильки...

Дворик. Лошадь. В снегу берёзки.
Да бубнит у крыльца капель...
И наброски вокруг, наброски —
Меньше игол имеет ель.

Сердце сжалось.
 Покоя просит.
 Холст позванивает тугой.
 Золотым фейерверком осень
 Загорается под рукой.

Виден кисти полёт свободный.
 Есть работа.
 Секретов нет.
 Взмах, другой — и ручей холодный
 Отраженьем берёз согрет.

Русь встаёт перед ясным взором,
 Слышен выдох и слышен вздох.
 С бесконечным её простором
 Как художник сродниться смог?

Сколько радости, грусти, ласки,
 Нерастраченной теплоты!
 Разведённые кровью краски
 Заставляют дышать холсты.

Время дорого. Сроки жёстки.
 Надо б лечь — подождёт постель!
 И наброски вокруг, наброски —
 Меньше игол имеет ель.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Глухой овраг ещё листвою завален.
Но травы лезут — первые в году.
Весною даже дятел музыкален,
Когда он вторит певчему дрозду.

Как дышится легко в зелёном мире.
Медвяно пахнет клейкою листвою.
Блестит поляна —
Сразу стала шире,
Сверкает,
Освежённая грозой.

— Исаак Ильич!
А небо-то какое!
Любимым
Раскрыть бы на платки.
— Младое племя,
Племя молодое!

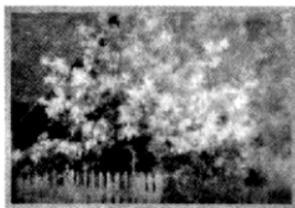
Мне самому бы к вам в ученики.
Только, чур, без простоя.
Май не любит покоя.

— Исаак Ильич! Спор меж нами идёт:
— Где берёт
Красота начало?

— Золотою кувшинкою
Пруд зацветёт,
Если солнце
В воду упало.
Мне с далёкого детства
Картина близка,
Что ни слово — душа окрыляется:
«...Звёзды меркнут и гаснут.
В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается»*.

Я вышел в мир, тревожный и унылый,
Ухабистой дорогой нищеты.
Но мне, юнцу, всегда давали силы
Последний снег и первые цветы.

У молодости — крепкие устои,
Но молодость наивности полна.
Ей хочется в один приём освоить
Все краски мира и полутона.

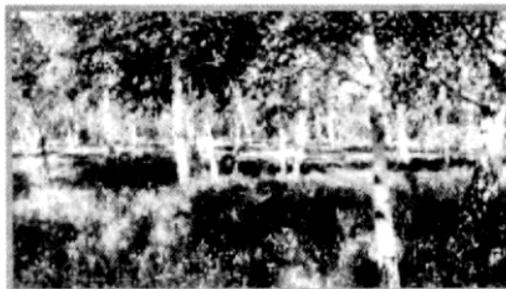
* Из стихотворения И.С. Никитина «Утро».

Перебродил. Но помню прыткость эту.
И знаю, что в этюд уходят дни...
Земля — она не чёрная по цвету,
Земля по цвету радуге сродни.

Да разве это выдержишь в секрете?
Порой не сплю по нескольку ночей
И думаю, забыв про всё на свете,
О простоте
Саврасовских грачей.

Талант
Не заменить высоким саном*.
Взгляните на берёзу и на пень...
Клубилась
Фиолетовым туманом
В сырых кустах
Душистая сирень.

А день звенел —
Прозрачен и чудесен,
В себя вбирая
Птичьи голоса.
И майский лес,
Поверя в крылья песен,
Казалось, поднимался в небеса!

*В поэму включены этюды и картины И. И. Левитана, его брата, А. К. Саврасова, И. Н. Крамского, А. С. Степанова — друга великого пейзажиста.

К РАССВЕТУ

поэма

1

Женщина, вчера ещё девчонка,
На руках качает малыша.
Он в голубоватой распашонке
Сладко спит, почти что не дыша.

Что ему до маминой печали,
Что ему веселье и тоска?!
Лишь бы на руках его качали
И давали б чаще молока.

Спит малыш, с теплом всосавший нежность.
Смотрит мать с улыбкой на мальчика...
Что ему неверность или верность,
Был отец иль не было отца?!

2

А было так. Сияли звёзды.
Ушла из парка тишина.
И заплывала в синий воздух
Под жёлтым парусом луна.

Веселье майское в разгаре —
Оркестру некогда молчать.
И пригласил курчавый парень
На танец будущую мать.

Она с затейливой причёской
И в белоснежном кимано.
Казалась трепетной берёзкой,
В которой всё заключено.

Нет, не она к нему тянулась,
Как к солнцу тянется лоза.
В глаза ей бросилась сутулость
И возбуждённые глаза.

А на лице ни тени скуки.
Он обжигал её лицом.
Его натруженные руки
Легли на талию кольцом.

И ей подумалось при этом.
(Аж сердце съёжилось в тоске):
Она цветок — что рвётся к свету,
А корни спутаны в горшке.

Хотелось ей бежать куда-то,
Бежать от этих жгучих глаз.
Но он промолвил виновато:
— Я провожу до дома вас!

Но гордость встала на защиту,
Прибавив сразу ей лета.
Пахнула холодом: — Простите!
Я не могу. Я занята.

Она домой пошла с соседом.
Пьянила запахом сирень.
И долго шла за ними следом
Его пугающая тень.

Её всю ночь душили слёзы,
За то, что проще не была,
Что вызывающе — серьёзно
О мнимом парне солгала.

— А этот грубый... Ну, а всё же
Я чем-то нравилась ему...
Он может ласковый, а может...
Его со временем пойму?

3

Звенят бокалы — пей, хоть тресни.
В них отблеск солнечного дня.
Родные, нашенские песни,
Заводят гости и родня.

А Лена в платье подвенечном.
И Пётр в костюме дорогом.
Она, пока ещё невеста,
А он, зовётся женихом.

Традиционно вторят: «Горько!»
Румянит лица крепкий хмель.
По чувствам бьёт дуэт гармоник
И в сердце каждого — метель.

Эх, пляска, пляска, удаль наша —
Размах возвышенной души.
Ты вновь вселяешь юность в старших,
Зовёшь неистово: Пляши!

Огня для юности не надо.
Она сама огонь — огнём.
И дробь подскакивает градом,
И дом весь ходит ходуном.

Как будто лебедь, вышла Лена.
Туманом стелется фата...
Так будь всегда благословенна
В твоём обличье красота!

Тебе завидуют подруги,
Та зависть добрая, не зла...
Кто знал, что в жизни будет туго
И больше горя, чем тепла?!

4

Иная жизнь пахнула новью.
Но мысль одна ей душу жгла:
Не по любви иль по любви
Их жизнь к супружеству свела.

Неслась неделя за неделей.
Уже не всё казалось сном.
Был Пётр — хороший рукодельник,
В короткий срок украсил дом.

В углу обжился телевизор
И пялил глаз по вечерам,
Но молодых сердец не сблизил
Разнообразием программ.

И постепенно в дом входили
Диваны, стулья и столы.
Собою комнату круглили
И быстро сгладили углы.

Под сердцем чаще бился кто-то,
Тревожней было и трудней.
Весёлый Пётр пришёл с работы:
— Повесь-ка грамоту скорей!

— Сломали график. Вышло чинно.
Моя бригада, что костяк.
Давай-ка мне, Алёнка, сына,
Чтоб был таков, как я — мастак!

— А будет дочка и сынишка —
Жить веселее вчетвером.
На чёрный день держу сберкнижку,
Нужда придёт — не пропадём.

5

Давно оставлена больница.
Промчалось время суеты.
Но не успели позабыться
Петром дарённые цветы.

Как это тронуло Елену —
Незабываемые дни!
Как будто вырвалась из плена
Домашней цепкой западни.

И снова дом — и та картина:
Готовь обед. И мужа жди.
А ласка, ласка шла от сына,
Что бойко льнул к её груди.

— Ну почему такой ты, Петя?!
Ужели в жилах рыба кровь?
Ведь тяжелей всего на свете
Неразделённая любовь.

Мне не столы нужны и стулья,
Мне нужен ты, мне нужен ты!
Я здесь живу, как трутень в улье,
Средь деревянной немоты.

— Тебе всё мало, мало, мало!
Хоть в золотой купай реке!
И, багровея от накала,
Её ударил по щеке.

Не спазма горло захлестнула —
Молчанье вырвалось волной
И душу настезь распахнуло:
— Уйди! Не нужен! Сын — не твой!

Потом заплакала до дрожи,
(Как тяжело ей было лгать).
Быть может вынужденной ложью
Заставит боль её понять.

Ребёнка спящего закутав,
Тихонько на руки взяла.
И, не теряя ни минуты,
В деревню к матери пошла.

А за спиной была квартира,
Располагающей комфорт.
Ушла из замкнутого мира
В мир беспокойства и хлопот.

Сидел, обиженный жестоко,
Тяжёлой новостью убит,
Не понимающий намёка
На остроту своих обид.

Казалась жизнь ему немилой,
Одетым бросился в постель...
Плясала, плакала и выла
Всю ночь февральская метель.

ОЗАРЁННАЯ ДУША

поэма

Вместо предисловия

Есть люди, славные дела которых входят в бессмертие. В них относится Анна Львовна БАБИЧЕВА — знаменитая целительница-травница из села Успенское Ливенского района Орловской области.

В связи с этим хочется привести пророческое стихотворение В. А. Жуковского «Воспоминание»:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: ИХ НЕТ;
Но с благодарностию: БЫЛИ.*

Анна Львовна в нелёгкие годы своего подвижничества была хранительницей фольклора, пого-

ворок и пословиц, народных примет от радуги до молнии, от вспышки метеорита до алмазного блеска росы...

Она по-своему понимала предрассветное пение петуха, почему трава зовётся «кошачьей мятой» и можно ли смельчакам увидеть цветущий папоротник... Тайны нависали над ней, но она умела разгадывать секреты растений и бытия, стараясь облегчить земную участь человека...

Ей и сотням народных врачейателей всей России и посвящена поэма с собирательным образом «Озарённая душа».

Поэма создалась как-то на одном дыхании, но я решил приехать к Анне Львовне, чтобы послушать советы и замечания. По глубочайшему снегу той зимы меня привёл к ней местный житель, которого она хорошо знала.

— Журналистов я не приму! — ответила ему хозяйка прямо с порога.

— Нет, это писатель...

— А, писатель, тогда заходите...

Я, волнуясь и почти не дыша, вошёл в светлую кухоньку. Как я узнал позже, журналистов она не любила, поскольку те, войдя к ней вкрадчиво, по-кошачьи, несколько раз предавали её за откровения на страницах газет. Тогда это было модно. Хотя всемирный телепат Вольф Мессинг, приехавший в Орёл, а я в студенческие годы побывал на его сеансах, говорил:

— Медицина ещё несовершенна. Вся на травах. Не преследовать надо знахарей, ведунов и

шептунов, а выведать у них секреты лечения, чтобы в землю они их не забрали...

Как только прохиндеи пера её не называли — и «шарлатанка», и «тёмная сила», и «служанка чёрной магии», обливая грязью скрупулёзный и самоотверженный труд Анны Львовны, стоявшей твёрдо за исцеление и здоровье человека. Их пасквили, получавшие «зелёную улицу», доводили гасительницу людских недугов до судебных инстанций... с намёком на лагерную зону.

Когда я закончил чтение, она неожиданно для меня спросила:

— А вас не посадят за эту поэму?

— Нет, — как-то сразу нашёлся я.

— Времена те отошли...

— Если хотите, познакомьтесь с другими откликами на мою работу, и показала на целый ворох открыток и писем.

— Я вам верю, — уклонился я, заранее зная, что это были сердечные и выстраданные слова тех, кого она лечила, их родных и близких.

— Нет-нет, вы хоть одно прочитайте!

Я машинально взял письмо, глянул на адрес: Москва, Есенина Александра Александровна...

Рука моя задрожала от волнения.

— Как? Это сестра великого поэта? Есенин любимой сестре Шуре посвятил много стихотворений...

— Да, она лечилась у меня. Страдала астмой. Текст мужественного письма врезался в мою память:

«Дорогая Анна Львовна!

Знаю, что мне жить осталось немного, но пришлите ту настойку, которую я пила. С вами бог. Александра Есенина».

— Настойка была на травах, которые я собирала утренними и вечерними зорями, в них пользы больше, — пояснила она...

Через годы на Всесоюзном Есенинском празднике поэзии в Рязани и Константинове я встретился с дочерью сестры поэта, его племянницей, Татьяной Петровной. Спросил у неё с интересом:

— Вы знаете кого-нибудь на Орловщине?

— А как же! — ответила она. — Там, в древнем городе Ливны (вероятно, запоматовала село) живёт изумительная женщина-целительница, Анна Львовна Бабичева, подарившая моей маме ровно десять лет жизни. — И в знак наглядности показала ладони.

А в то время одна из газет поместила о ней очередную кляузу. Не выдержав беспардонной травли, я пришёл к редактору и почти закричал: — «Что вы делаете?!»

Шеф был красен и сидел, обняв голову руками. Чуть ли не вся страна обрушилась на него телефонными звонками: — «До чего вы докатились?!»

— Я был в отпуске, — оправдывался редактор, — а заместитель подвёл... Ярый атеист, тиснул в моё отсутствие. Слышал, что ты работаешь над поэмой. Неси!.. Огромную ошибку надо исправлять.

Он вызвал фотографа, а главы из поэмы я после занёс. Поэма понравилась читателям, вошла в книгу и разлетелась по всему свету... Было много писем. И сейчас к ней не угас интерес. На литературных встречах в области и по стране слушатели просят что-нибудь прочитать из неё, чему я рад как автор. Отвечая на многочисленные письма и просьбы, я адресую поэму давним и новым читателям.

1

Рано утром на углу квартала,
Где стоит цистерна с молоком,
Очередь нечаянно узнала:»
Умерла Анфиса в Моховом...

Всколыхнулись вмиг микрорайонцы:
Многие венчались в том селе.
А другим бы век не видеть солнца —
Не живи та бабка на земле.

В хате — нету мебельного блеска,
А под потолком — куда ни глянь:
Иван-чай висит из перелеска,
Ландыш, медуница и герань.

Дремлет в мяте солнечная сила,
Васильки разбрызгивают синь.
Даже чуть икону заслонила
Дымная и терпкая полынь.

Навсегда исхожены дубравы,
Заовражъя, доли, ковыли...
Кажется, все запахи и травы
Нынче проводить её пришли.

2

А года тридцатые, что битва,
Горюшка, что вёснами воды.
Никакая жаркая молитва
Жертву не спасала от беды.

Вперемежку радости, печали:
Трактор цел, но активист убит...
Церкви на фундамент оседали —
Оглушал округу динамит.

По колхозам силушка лошажъя,
Шумные наряды поутру.
Над веками сельского бесфлажъя
Красный флаг резвился на ветру.

— Хорошо! Пущай звенит упруго
Над гудящей прорвой новых дел.
— Лишь бы он не отрывал от плуга,
Лишь бы он от крови не темнел.

...За спиной ни школ, ни академий —
Птицелов, мечтатель, коновал,
Белый до сиянья дед Артемий
Тайну тайн Анфиое открывал:

— Это — от укуса и ожога,
Это — для младенцев и мамаш...
А когда сама увидишь бога,
Загодя секреты передашь.

Я уйду с водой. Уже не житель.
Изгони из сердца страх и лень.
Ты таперча лекарь-исцелитель,
Ночь ли торжествует или день.

Смерть его оплакала Анфиса,
А в часы, когда работы нет,
Собирала зонтики аниса,
Донник, зверобой и горлицвет.

Председатель на лихом серъёзе,
За ухо пристроив карандаш,
Говорил: — Пока я здесь в колхозе,
Чернокнижью-знахарству шабаш!

Незачем терзать людские души.
Вон у церкви — вырвали язык.
Благовест... уже забыли уши.
Большевик я аль не большевик?

Не серчай на правильные речи,
Чтоб не угодить на Соловки,
Медицине нечего перечить!
Прекращай завязывать пупки!

...А рожениц столько перебыло,
Их порой до срока доставлял
Текст письма: лесиною убило...
Беломорский, стало быть, канал.

Или просто — долгое молчанье.
Прав закон, а человек — родной:
В памяти — гулянья и свиданья,
Троица... Берёзы под луной...

Много перевидела Анфиса,
Но однажды изморозь ожгла:
Тёплого, но головёнкой книзу,
Мёртвого младенца приняла.

Он и мать увёл бы за собою,
Да Анфису холод отпустил.
Знать, ей не положено судьбою
Быть у двух зияющих могил.

А вокруг и гвалт, и суматоха,
На ноги поставлено село.
Молнии!!! Суровая эпоха.
Сразу разобраться тяжело.

Красные околыши в хатёнке,
Мудрые зеваки, как везде...
— Дело возникает о ребёнке.
— Следуйте в отдел НКВД.

Председатель окриком гортанным
Бросил сокрушённо в полутьму:
— Эх, Анфиса, был бы я с наганом,
Шесть — тебе! Седьмая — самому.

3

Возвратилась. Дни текли в опале.
Ферма. Одиночество ночей.
А медпункт в селе не открывали:
Денег нет, тем более врачей.

И в году не каждый день погожий,
Рад был люд приходу темноты...
Прячь не прячь, тихонько на свет божий
Бабы выносили животы.

До райцентра — дальняя дорога,
Целый день с ухаба на ухаб.
Раз проедешь — брань летит до бога.
Лих мужик. А что сказать про баб?

Дома меж собою ворковали,
Спорили до ругани подчас:
— Не возьмётся! Высылкой стращали.
— Повитухе больше не до нас.

Кто пошлёт ей кофточку из ситца,
Кто косынку с розами в кулак...
Возвращала женщинам гостинцы:
— Не могу, мол, девоньки, никак.

Зашепчу вам всякие болезни,
Рожу, заиканье излечу.
Крылышки подрезаны у песни,
Я сама над пропастью лечу...

Может, кстати, может быть, некстати,
Но такой случился эпизод:
Вдруг заволновался председатель,
Десять перепробовал подвод.

Ступицы отладил и колёса,
Дёгтя привозного не жалел.
Острота семейного вопроса
Уйму опрокидывала дел.

А народ, глазастый и неровный,
Рассуждал, имея свой расчёт: —
Повезёт он Марью-то Петровну?
Щерились правленцы: — Повезёт!!!

— Будя! По колчам-то, по колчам-то,
Даже бочке выгладишь бока.
И лишь кто-то глухо проворчал там:
— Так его, мол, так... отступника.

А когда рожать жене приспело,
Мыслима ль в такую пору трясь?!
Шёл к Анфисе Тихон оробело,
Про себя крестясь и матерясь:

— Выручи! Огрей меня по холке,
За наган прости — я не со зла...
Снадобья взяла свои на полке,
Слова не сказала и пошла.

— Значит, медицине не перечить?
Да когда ж перечила-то я?
И у председателя в тот вечер
На двоих прибавилась семья.

В четвертях «Особая» синела,
Гости пели «Стеньку-бунтаря»...
И надолго как-то посветлела
Жизнь в колхозе «Красная заря».

4

Троицей Анфиса выходила
Поглядеть на пляску-хоровод.
Не её ли тающая сила
Вынянчила этакий народ?

Вот он — парень с карими глазами,
Ладен, симпатичен и высок.
А родился плакса... с чудесами:
Всё не брал у матери сосок.

А вот эта звонкая дивчина,
Что частушки сыпала в кругу...
Думали: вот-вот придёт кончина,
Где там до весёлого «агу!».

Выдурились. Выросли. Окрепли.
Подшли к возлюбленной поре...
Знал ли кто, что Моховое в пепле
Будет задыхаться в октябре.

5

Беженцы. Обозы. Рёв скотины.
Судьбы обрываются, как нить.
Режут лоб глубокие морщины:
— А куда из хаты уходить?

— Будь покрепче, в часть ушла бы к рóдным
Поварихой или медсестрой...
Мотоциклы с лаем пулемётным,
Следом — танки с пьяной немчурой.

Кур стреляют. Вскрики по амбарам.
Виселицу ставят средь села.
К вечеру мелодия нектаром
От губной гармошки потекла.

— Неужель навеки, супостаты?!
И когда ж им — извергам — конец?
Пеплом стал под головнями хаты
Безобидный Тихонов отец.

Тихон партизанил где-то рядом,
Знал о злодеяньях в Моховом.
Ненависть, к карательным отрядам,
Выражая толлом и свинцом.

А в селе угрюмейшие будни:
Пытки. Казнь. Окопное рытьё.
Люди, искалеченные люди
Шли-ползли в Анфисино жильё.

Жир барсучий чудом доставала,
Дягиль, чемерицу, дикий мёд.
На бинты простынки изорвала,
Смертное — и то пошло в расход.

Заживали смазанные раны,
Выцветали синие рубцы...
Сильные — спешили в партизаны,
Лишь один — метнулся в подлецы.

За девчонок съёживалось сердце.
Гневалась. Да роды — не пустяк:
— Носишь-то, касаточка, от немца?
— Сильничал...
— Оно, конечно, так.

Что дитё? Ему какое дело?
Как птенец из чёрного гнезда,
Вырвется и вскрикнет ошалело...
Едь из Мохового от стыда!

Офицеру выпалила: — Гидра!
Мало, что ли, по свету могил?
Твоего вылечиваю кинда,
Что ты с русской девкою прижил.

Красные от выпитого шнапса,
Положив на стол ей хлеб-эрзац,
Гоготали битюги-баварцы
С явною издёвкой: — Русиш арцт!

Господи! Какая там врачаха,
Щепочка — ну как ни погляди.
В ней самой сердечко тихо-тихо
Тикало в слабеющей груди.

...Откатилась чёрная неволя.
Враг клыки показывал в ответ.
Был тогда при уцелевшей школе
Временно устроен лазарет.

Мучилась в закаты и в рассветы
С воинами страждущей земли.
Устные целебные советы
По миру страдальцы разнесли.

Тяжкие — мамашей величали,
Ждали, словно вешнего луча...
Если б капитана не прислали
— Доросла б до главного врача.

А потом — как радуга — Победа!
Оглянулась как-то в тихий час:
Всё одна — ни сына и ни деда,
Не даётся молодость в запас...

Флаг светил над крышей сельсовета,
В гору шли колхозные дела...
— Как же наградить её за это?
Доктор-то... телятницей была.

Отписать бумагу не сумели,
С орденом — морока тяжелей.
И с единогласия артели
Пятистенок выстроили ей.

Тронули до слёз и до румянца,
Засветилась вся от доброты,
Так сквозь росы могут улыбаться
Солнцем освещённые цветы.

...Но пришло и за Анфисой горе,
Прошептала людям свой завет:
— Травушка... на треть снимает хвори.
Остальное — ласка да совет...

6

Скорбь не омрачала разговоры,
Не глушил их жёлтый взмёт земли.
На плечах два близнеца — майоры
Бабушку-преемницу несли.

Тихон колыхался на протезе,
Прятал слёзы в клетчатый платок:
— Человек... он в песне лишь железен.
Пережито мало, что ль, браток?!

Сыновей я вызвал из столицы
И скажу у свежего бугра:
В Моховом Анфисину больницу
Расширять, товарищи, пора!

И, хоть ей наград уже не надо,
Требуют и совесть, и молва.
Молодых врачей из Ленинграда
Не обидит, думаю, Москва.

Сколько в этой труженице света!
Сколько на земле её сынов...
Телеграммы в адрес сельсовета
Долго шли из сёл и городов.

Сергей Есенин
с сестрой
Шурой 1925 г.

Александра Александровна
с мамой —
Татьяной Фёдоровной.
1950 г.

ШАПКА МОНОМАХА

поэма

*В Мономахове шапце 2 ф. 30 зол.
без соболя*

В. Даль

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

А. Пушкин

В палате Оружейной — шёпот, спор
У символов владычества и страха.
Одних — привлёк по золоту узор,
Другие — бриллиантам дарят взор,
Сергей Ручьёв — не слышит разговор,
Его волнует ШАПКА МОНОМАХА.

Мечи и сабли, копья и щиты
Остались где-то в детстве, на картинках.
А Шапка — в повседневье суеты
Нет-нет, да и всплывёт из темноты,
Заставив вновь пикеты и посты
Пересмотреть в дворцовых поединках.

И вот Она сверкает под стеклом,
Льют радугу камня-самоцветы,
Всходившие когда-то над челом,
Над низеньким и над высоким лбом,
Чьи кости нынче в камне гробовом...
Да, Шапка помнит внешние приметы.

Проходят мимо немец и монгол,
Поодаль чуть остановились шведы.
И разговор заманчивый пошёл
Про затяжной романовский престол,
Как будто бы один его орёл
Когтил, клевал, крылом добычу мёл
И клёкотом приветствовал победы.

А что же в душах недругов бывлых?
Невольню мысль, как туча, набежала.
Кольнула ль память болью сердце их
За рваный шёлк штандартов боевых,
За кости павших прадедов своих,
С клинками залетавших на орало.

А может, просто вспомнили свой край,
Своих вождей и атрибуты власти.
Ведь, в сущности, хоть мехом подбивай,
Хоть золотом узоры вышивай,
Хоть лунной пылью Шапку обсыпай —
Не любит власть делить себя на части.

Первый посетитель

— Устал смотреть. В глазах моих рябит.
Я с малых лет под Шапкой пребываю,
Хотя и по характеру — гранит,
Ремёслами своими знаменит,
И, как всегда, в обрез бываю сыт,
Но книги просветителей читаю.

Советуюсь, поскольку опыт мал,
И счастлив тот, кто начал день до солнца.
Давно я молот Истине сковал,
Под многими разрушил пьедестал,
Зло разрушать не раз ещё придётся.

Неласковый характер у меня,
Но оттого не выгляжу печальней.
И жить хочу в сообществе огня,
Окалину и пепел не кляня,
Единственную заповедь храня:
Расплющить Ложь на жаркой
наковальне!

Второй посетитель

Молчит в сторонке. Ухом не ведёт.
Рассматривает чудные каменья:
— А я в земле копаюсь, славно крот,
Обвит, как воз, верёвками забот.
При всём при этом — в меру жну почёт,
Лишь не хватает ордена Терпенья.

С годами я к наградам поостыл,
Мозоли — это наши бриллианты.
По ним узнаешь, сколь потратил сил,
Когда сажал, когда хлеба косил,
Когда избу наследникам срубил,
Мы как-никак свои имеем, планты.

Красива Шапка! Очень красива!
Увидела б Её моя старуха...
Стояла б ни жива и ни мертва
И долго удивлялась бы сперва:
— Ужели есть по Шапке — Голова?!
Смеясь овчине мужнего треуха.

А что треух? В треухе — хоть куда,
И в морось, и в морозы, и в метели.
Его и в ноги бросить не беда
При переплясе огненном, когда
На всех полях закончена страда...
А Эту брось! При мысли — холод в теле.

Третий посетитель

— Я вас невольно слушала сейчас,
Сказала дама в бежевом костюме.
Вы — бунтари. Сидит крамола в вас.
Что в бровь-то бьёте, если надо — в глаз?
Но хлеба вечно нету про запас,
И есть ли прок в незрелом вашем шуме?

Под Шапкой я сама изнемогла,
Она меня давно приворожила.
Ах, если б я практичная была!
Один совет в дорогу б вам дала:
Не пожелайте всякой власти зла,
И в хилой власти — не скудеет сила.

Я пробовала некогда стрелять,
Я пробовала мыслить планетарно.
Мне приходилось в тюрьмах голодать,
Культуру вместо тюрем насаждать,
То прибывать, то снова убывать,
Но всё-таки судьбе я благодарна.

О нет! Не равнодушна я к бунтам,
Порою скрипку первую играю.
И бой даю коронам и орлам,
Нередко возражаю божествам,
Чтоб не царил между людьми бедлам —
Свободы им и Равенства желаю.

Четвёртый посетитель

До зрелых лет я видел сей убор
То в книгах, то на красочных открытках.
Здесь камушки, конечно, на подбор.
Ну, мех есть мех, лиса ли там, бобёр...
И что Его разглядывать в упор:
Как все шапчонки — держится на нитках.

Монолог креста

Не первый век над Шапкой я стою,
На восьмиклинье золотых пластинок.
Опору твёрдо чувствую свою
И в людях как-то сразу узнаю

Принявших сердцем истину мою
И жаждущих пойти на поединок.

Я вижу всё: какая в ком душа,
Открытая иль за семью замками.
Один — проходит мимо не спеша,
Другой — осмотрит Шапку, не дыша,
А третьи — пробегают мельтеша, —
Кляня весь двор запретными словами.

Примерить Шапку норовит не всяк,
Но мысленно примеривает всякий.
Один — в ней видит собственный кулак,
Другой — сигнал для будущих атак,
А третьи — зрят Судьбы счастливый знак,
Но в общем — каждый метит в Мономахи.

О, Шапка, Шапка! Поле битв ума,
Свидетельница тронных куролесиц.
Ужели ты не чувствуешь сама,
Что за тебя голов слетела тьма...
И есть ли на Земле ещё Чалма
И чем над ней встревожен Полумесяц?!

Такой же, ожемчуженный, как я,
Эмблема столь же мудрого Востока:
Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.
Как жаждут крови эти острия —
Воды, что ль, не хватает для Пророка?!

По Сеньке шапка — ёмкие слова,
Чалма по Абдулле — одно и то же.
Когда на царство лезет голова,
Когда на шахство прётся голова,
Мой боже, ущеми её права —
Всё остальное сделают вельможи.

Монолог арабского цветка

Я ниже лучезарного Креста,
Зовусь ещё по-ласковому — лотос.
Припаян крепко к золоту листа,
Уже оглох от слова «красота»,
Увядшим стал при выдохе: «Мечта!»,
Но кто услышит собственный мой голос?

Для глаз чужих — я солнечен всегда,
Цвету, корней как будто не имею.
Их просто не увидеть никогда,
В крови они... Мне грезится вода,
А разве мне не хочется туда?
О как бы распластался я над нею!

Мой мастер предо мною — как вчера,
Дыханье его чувствую и руки.
И, зная, как борьба за власть остра,
Он отдавал мне дни и вечера,
Чтоб я светился символом Добра
И чем-то облегчал людские муки.

И если кто забылся у меня,
И если кто с собой унёс мой образ,
Из тьмы веков спешил к нему мой возглас!
И я цвету, не жалуясь на возраст,
Упавшим духом придавая бодрость,
Больших и малых деспотов кляня.

Монологи драгоценных камней

С а п ф и р

Я так похож на крупную слезу.
Слеза бежит, а я застыл в оправе:
Не отразить внезапную грозу,
Безоблачного неба бирюзу,
Ни жизни той, что буйствует внизу,
Поскольку я причастен к царской славе.

А слава что для камня? Пустота!
Меня одно до глубины тревожит:
Когда добыта силой красота,
Когда слезой омыта красота,
Когда гнетёт кого-то красота
— То красотой быть она не может.

Р у б и н

Я — капля крови, пролитой в веках.
Та кровь лилась ручьями и потоком
На плахах, в рудниках, на Соловках,
По тюрьмам, в крепостях, на кораблях,

В селеньях, на дворцовых площадях —
И бунтовала перед царским Оком.

Но государей — кровь не удивит,
Они знакомы с кровью по бумаге.
История — на кровушке стоит,
И пусть учтёт порхающий пиит,
Что оды оним под ноги строчит:
Мой красный цвет замешан на отваге.

И з у м р у д

Зелёные надежды... Я хочу
Прийти сегодня к некому итогу:
Мильоны вас — достались палачу,
Служители — вам ставили свечу,
Лишь редкие, подобные лучу,
Заблудших выводили на дорогу.

Не сдержит вас смертельная бразда!
Надежды, ненавидя мрак запрета,
Встают над подневольностью труда,
Над вечной «невиновностью» суда,
И крылья ваши просятся всегда
Не на закат, а в сторону рассвета.

М о н о л о г с о б о л я

А я сбегу в окрестные леса,
Я никогда не видел Подмосковья.
Заказана нам эта полоса,

Здесь испокон лукавствует лиса,
Но не редуют птичьи голоса —
Умело контролирует гнездовья.

Так хочется себя мне разогреть,
За сотни лет кроввица застоялась.
Кольцом лежал, уж лучше околеть,
Чем около брильянтов замереть
И безучастно в публику глядеть,
Которая пред Шапкой изгибалась.

О как бы я вспылит сейчас снега,
Вздохнул бы хвоей утреннего леса!
Печаль не в том, что далёко тайга,
А в том, что согреваю жемчуга,
Чья жизнь и без собольей дорога
И в каждом будит вспышку интереса.

Я видел любопытнейших людей,
Все шапки перед Шапкой замирали:
Треухи волчьи, лисьи, из хорька,
Из выдры, горноста, колонка...
Что заячьи? Бобры! И за века —
Какие шапки только не мелькали!

И пыжились, глазели свысока,
Но, видя надо мной зарю каменьев,
В единый миг лишались языка,
Вперялись взгляды в своды потолка,

И мысль была пришибленно-мелка
У подданных в минуты прохожденья.

Хотя бывали крепкие умы,
Во лбу семь пядей, даже и поболе.
И видели они сгущенье тьмы,
Но кто хотел сумы или тюрьмы,
Жарыни лета, холода зимы,
И прочих видов гербовой неволи?

Не лучше ль улыбнуться лишний раз,
Себе приятно и особе мило.
На преданность давно намётан глаз!
Глядь — шуба с плеч иль свеженький указ,
И пусть в те годы не было лампас,
Но форма многим головы кружила.

А к ней в придачу тысяча дворов,
Дела идут фанфаристо и гибко:
Заметен в свите, баловень балов,
На грудь взлетает стая орденов,
В любой момент монарх принять готов,
Коль вовремя подарена улыбка.

Я позабыл свою соболью речь,
Но все ж кляню людское униженье,
Того, кто обнажить боится меч,
Когда костыми за правду надо лечь,
Того, кто хочет выгоду извлечь
Из родника чьего-то вдохновенья.

Покуда бьёт сознание рабья дрожь,
Не станет человек — человеком.
Дрожа, конечно, дольше проживёшь,
С прямой дороги — тыщу раз свернёшь,
Попросят — другу горло перервёшь,
Не всё ль равно насытиться чьим веком?

Заесть его, зашамкать, зажевать,
Чужой-то век не мёд, но всё же сладок...
Земляне! Разучитесь угождать,
Наушничать, внезапно нападать,
Клянусь вам мехом: хлынет благодать!
А кто на благодать у нас не падок?

В леса, в леса, в леса хочу уйти,
Из-под стекла от взглядов восхищённых.
Я не хочу быть в царственной чести,
В соболий род лежат мои пути,
Скорей туда бы лапы унести,
Где в ясный день, как в сумерках зелёных,

Родная глушь, треск тонкого сучка,
Хвоинки на быстринке родниковой,
Орех кедровый, свист бурундука,
Замятый утром рябчик у пенька,
Ещё горячий, начатый с бочка,
И всё это при свежести сосновой.

И пусть охотник выследит меня,
И пуля пусть прошьёт меня навывлет,

Пусть голову расплющит западня,
Охотник прав... И, труд его ценя,
К добыче вдруг потянется родня,
И кто-нибудь к пальто меня пришьпилит.

Пришьёт, как говорится, навсегда.
Но это лучше, чем страдать в музее.
Я буду знать, что грею в холода,
Что ветер мех взъерошит иногда,
Иль он блеснёт на солнце, как слюда,
А выпадет — почую, что старею.

В леса хочу, в леса через стекло,
Чтоб за века — на сердце отлегло!

Монолог Шапки

Народ уходит. Головы болят
От дорогих и редких экспонатов.
Зовёт Москва — кого в Калашный ряд,
Тем — зрелищ дай, другим — Нескучный
сад,

А те, кто здесь впервые, норовят
Слух усладить мелодией курантов.

И вот мы, добрый молодец, одни.
Позволь мне в тихий час тебе открыться:
Не тяжела я, слово помяни,
Трёх фунтов нет, не веришь — подними,

И не рублями суть мою цени,
А как мой вес на голову ложится.

На темя ли приходится, на лоб,
Иль набекрень, иль просто на затылок.
Есть люди — дышат властущкой вздохом,
Другие — с ней ложатся раньше в гроб,
А третьи — на неё зовут потоп,
Боясь своих же собственных ошибок.

О льстивейшие тронные реча!
С методой повсеместного внушенья.

За вязью слов — улыбка палача,
За вязью слов — блеск лезвия меча,
За вязью слов — противнику свеча,
Потом обеды — символ всепрощенья.

Фазаны, осетрина, виноград,
Икорка, куропатки, поросёнок.
Вино всех марок, словно на парад,
Посмотришь — этикеткам будешь рад.
Но это лишь заметит рабский взгляд —
За яствами и старьёй, как ребёнок.

Для них ведут охоту круглый год
Все егеря и прочая прислуга,
Как будто неизбывен перелёт,
Как будто постоянен икромет,

Как будто бы их благородней рот,
Хотя кусают намертво друг друга.

В душе, конечно. Внешне — благодать.
Хозяева и гости понимают,
Что надо роли искренне сыграть:
Смеяться, улыбаться, руки жать,
На танец жён взаимно приглашать,
И не дай бог, коль жёны заскучают!

Тогда держись, почтенные мужи.
Обида будет высказана смело.
Ушатов нет, там льют духами лжи,
Они сильней парижских и свежи.
Но так свежи, что сразу в гроб клади
Бездушное откормленное тело.

Мне памятны столь частые пиры,
И драчки, и убийства, и альковы.
В тенётах государственной игры
Блистают гениальностью вору,

Их стража остро точит топоры —
Монархи вечно к истине суровы.

Еще суровой — толпы монаршат:
Застенки отшлифованы до глянца.
Там до суда — убить быстрее спешат,
Помилованных — вовремя казнят,

МУЗЫКА ДУШИ

Кумиры эстрады и кино

Любовь Орлова и Николай Столяров к/ф «Цирк», мальчик – будущий поэт Джемс Паттерсон

Леонид Утёсов и «Весёлые ребята»

Николай Черкасов к/ф «Александр Невский»

Инна Макарова, Нонна Мордюкова, Сергей Гурзо в к/ф «Молодая гвардия»

Николай Крючков

Вера Марецкая

Константин Сорокин

Сергей Герасимов

Леонид Кмит и Борис Бабочкин к/ф «Чапаев»
Михаил Шолохов «Судьба человека»
Василий Шукшин и Лидия Федосеева к/ф «Калина красная»

Сергей Эйзенштейн

Алла Ларионова

Сергей Бондарчук

Людмила Гурченко

Евгений Урбанский

Григорий Чухрай

Пётр Глебов

Пётр Алейников

Борис Новиков

Александр Панкратов-Чёрный

Ролан Быков

Сергей Филиппов

Леонид Гайдай

Василий Меркурьев

Ирина Алфёрова

Бронислав Брондуков

Юрий Никулин

Владимир Басов и Михаил Пуговкин

МУЗЫКА ДУШИ

Кумиры эстрады и кино

Александр Вертинский на родине

Олег Лундстрем

Гелена Великанова

Георг Отс

Юрий Озаров
Киноэпопея
«Освобождение»

Авторы Гимна Советского Союза: Гарольд Эль-Регистан, Александр Александров, Сергей Михалков

Иван Лапиков

Жанна Прохоренко и Валентин Ивашов к/ф «Баллада о солдате»

Вячеслав Тихонов

Василий Шукшин и Вячеслав Тихонов

Михаил Ульянов

Ростислав Плятт

Михаил Ромм

Всеволод Санаев

Наталья Гундарева

Андрей Миронов

София Ротару

Владислав Дворницкий к/ф «Бег»

Савелий Крамаров

Вольф Мессинг

Евгений Матвеев

Людмила Зыкина

Михай Волонтир

Светлана Тома

Игорь Ильинский

Евгений Леонов и Савелий Крамаров

Юрий Визбор

Владимир Высоцкий

Гарри Сукачев

Геннадий Хазанов

Аркадий Райкин

Георгий Визин, Евгений Моргунов, Юрий Никулин

Александр Градский

Михаил Шафутинский

Александр Дольский

Награды снимут — снова возвратят,
И мёртвого — заставят улыбаться.

Смотрю спокойно — кто меня поймёт?
Кому в глаза с укором не глядела?
Един на свете над холопом гнёт,
Жара ли душит, вьюга ли метёт,
И каждый венценосец сознаёт,
Что он рождён — для праведного дела.

Всё остальное — глина и песок,
Что захочу, то и леплю, как знаю...
Так думают калифы на часок,
Правители, каким не мерян срок,
Тиранствуют и жмут из глины сок,
Живут в раю и не стремятся к раю.

Он здесь у них — на горестной Земле,
От пота и от крови почерневшей.
Им невдомёк и думать о тепле,
Кому нужны морщины на челе,
Чтоб хлеб лежал всё время на столе
За тяжкий труд у черни незрелой.

Кончаю откровенный разговор,
Мне думалось, что я глухонемая.
Не страшен мне палаческий топор,
Что из покоев — вынесла я сор.
Не век, не два идёт по свету спор:
А, может быть, и вправду тяжела я?

Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя идущий век,
Чем радует тебя спешащий век,
И чем увлѣк тебя летящий век,
И чем ему ты сердцем благодарен?

Монолог Ручьѣва

Тебе видней — ты здравствуешь века.
А мне отрезок века предназначен.
Отрезок века — жизнь невелика,
Едва лишь мать отнимет от соска,
Потопчешься, походишь... и — тоска,
А за тоской — родня зайдѣтся в плаче.

Что мучает? Обилие смертей.
На кладбища — накатанная трасса.
Отцов теряем рано, матерей,
Товарищей по жизни и друзей,
Любимых и возлюбленных, детей...
И сам в плену у рокового часа.

Ускорил нашу смерть автомобиль,
Ускорила красавица-ракета,
Ускорила урановая пыль,
Гросс-шпионаж, трагичный Чернобыль,
Морей, залитых нефтью, сотни миль
С болезнями без ясного ответа.

О войнах я не стал бы говорить:
Их заклеямили все народы мира.
Но Мир не хочет к людям приходить,
Бродягою всемирным хочет быть,
Покуда не научатся любить
Вселенную, а не галун мундира.

Восток уже горел со всех сторон,
Что в Азии — не понаслышке знаем.
И Африка — при выборе знамён...
Ещё назвать кровавый бастион?
Желудок у войны ненасыщаем.

Не оттого ли, тишь когда звенит
На озере, в лесу или в квартире,
Я вижу, как (нацелены в зенит
Свои ракеты, те — что ставит Смит,
И вижу пирамиду, где стоит
Мой автомат ЛН 704.

Не выбить этот номер, не стереть,
У Смита автомат такой же точно.
Мы можем ими мастерски владеть,
Но, если нас обоих скосит смерть,
Хотелось бы всем флагам прохрипеть:
Нельзя ли их... под стёклышко... досрочно.

И, чтоб в моей или в его стране,
Распутав все военные секреты,

Другой Сергей, что вырос не при мне,
И Смит другой, что не горел в огне,
Читали б на табличке в тишине:
«ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ ПЛАНЕТЫ».

И что обидно — в океане лжи
Решаются проблемы компанейски.
Для дум — берут повыше этажи,
К тому же все восточные мужи
Одеться норовят по-европейски.

Учёные — сплошь доктора наук,
Попробуй в них заметить генерала.
Работают не покладая рук,

Замысловато строя виадук,
Чтоб он пролёг не сразу и не вдруг
От лезвия меча и до орала.

От их речей — в загоне благодать.
Над естеством — насилие, как беркут.
Моря привыкли нефтью покрывать,
Свежайший воздух — нефтью вытеснять,
В тупик — народы нефтью загонять,
Не от неё ли судьбы наши меркнут?!

Казалось бы — огонь огню сродни,
И миру в мире — время подоспело.
Зачем же сокращать земные дни,

Ведь не настолько солнечны они,
Чтоб сей прогресс оставил нас в тени,
Забыв, что у людей — душа и тело.

Но кто теперь послушает меня?
Безумцем назовут, врагом прогресса.
Политики накинута, кляня,
Философы окрысят, браня.
На мой протест, опасным оценя,
Клыки покажет розовая пресса.

— Возможно ли — заводы сокращать?
— Отдать под стадионы — полигоны?
— Уран для нужд страны не добывать?
— Разведчики? Без них не сдобровать!
— И что ж теперь, совсем нам не хворать?
От рака — не спасают миллионы.

...Теперь скажу о радости своей,
Что радует меня, как ясность неба:
Святая многодетность матерей,
Сиянье акушерок и врачей,
Но тают эти чувства у людей,
Как тает запах утреннего хлеба.

Луга, отяжелевшие в росе,
Стада у закувшиненных речонок,
Навек — безаварийное шоссе,

Пчелиный город в лесополосе
И васильки в простой своей красе,
Когда бегут к ним взрослый и ребёнок.

Редущая цепь очередей,
Оконные смеющиеся стёкла,
Романтика нехоженых путей,
Противоборство полюсных идей,
Неверие в божественность вождей,
В крови чья репутация подмокла.

А как целебен искромётный смех!
С ним и женьшеню спорить неохота.
Он будит чувства добрые у всех,
С ним в зной прохладней и теплее в снег,
С ним кровь играет, просится в разбег,
И крылья вырастают для полёта.

Чем век увлék? Вопрос не обойду,
И, в сторону отбросив суматоху,
Скажу, что я на Марс не попаду,
И мне не призвездиться на звезду,
Но я причастен к общему труду,
Что старт ускорил в лунную эпоху.

Эпоху межпланетных кораблей,
Особого космического братства...
Средь кратеров и высохших морей
Посланцам будет, может быть, видней

И миллиардам ждущих их людей,
Что от Земли — не стоит отрываться.

Пусть будет Марс, пусть будет энный шар,
Пусть кто-нибудь родится на Венере...
Держание — неугасимый дар,
Им окрылён извечно млад и стар,
Но космос, как загадочный нектар,
Ещё пчелой рабочей не проверен.

Тогда дороже станет колосок,
Под нивы — отведутся полигоны.
И каждый стебель, зернь его и сок
Подкормку заполучит точно в срок,
Как получает нынешний стрелок
Бесплодные гранаты и патроны.

Тогда и нефть не выплеснут в моря,
В природе не устроится прополка:
Ты будешь рад икринке пескаря,
В бору услышишь чаще глухаря,
И всякий раз, душе настрой даря,
О прожитом напомнит перепёлка.

Прости мне, Шапка: тайны не таю,
Что я не мог короче и потише.
Я сам — Ручьёв и за ручьи стою,
Чтоб никогда фамилию мою
Не только здесь, в заоблачном краю —
Не посчитали умершей и бывшей.

Монолог зрителя

Ну что, сынок? Пора идти домой.
Отведал, говоришь, духовной пищи?
Вещам — он тоже следует покой.
За десять лет я стал им не чужой.
Меня зовут соседи Калитой,
Хотя тот князь передо мною — нищий.

Куда ни глянь — бесценный капитал,
Тут столь бывает люда от науки...
А я скажу про Шапкоарсенал,
В каких бы кто парчах ни щеголял,
Оружием каким бы ни сверкал —
Все редкости в мои приходят руки.

Что было и что будет впереди,
Пускай осмыслит нынешнее племя.
Наскоком лучше к нам не приходи,
Товарищей с понятием воды,
Зри в корень! И на память затверди:
Здесь что ни вещь — работает на Время.

...Как не принять отеческий совет?!
Сергей шатал и думал о совете...
Москва вбирала предвечерний свет,
Устав от двух ответов «ДА» и «НЕТ»,
От суеты, бензина, сигарет —
Как всякая столица на планете.

поэма

*Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.*

А. Твардовский

Не спит Россия ночью,
Нет, не спит:
Наводит на созвездья телескопы,
И варит сталь,
И рубит антрацит,
А на неё
Завистливо глядит
Германия
Биноклями Европы.

Ещё далёк,
Ещё далёк июнь.
Ещё никто
Не думает о Бресте...
И командирам
В такую лунь
Не приходили
Мысли об аресте.

Терзала их
Несобранность страны,
Кричать хотелось:
— Единитесь, люди!
Чтоб те снаряды
Из чужих орудий
Горохом
Отлетали от стены.

Подкатывалась
Дальняя гроза.
Луна на мир
Поглядывала немо...
Визжали у подъездов
Тормоза
Мгновенно
Появляющихся «эмок».

Там, за границей,
Шутят с нашим флагом.
Не видит шуток
Из Кремля генсек.
ТРИДЦАТЫЕ...
(Нелёгкок этот век)
И камеру
Вымеривает шагом
Не командарм,
А просто — человек.

При нём ни орденов,
Ни партбилета,
Ни фотографий
Бликих и родных.
Но в нём — весь мир
До самого рассвета,
С рассвета —
Он не числится в живых.

Он полон дум.
Не знает мысль границы.
И в жилах кровь
Не движется — кипит,
Хоть свёрстаны
Газетные страницы,
Где «враг народа»
В полосах пестрит.

Идёт игра,
Идёт игра с азартом.
Она похожа
Чем-то на лото.
Их сумки ставят
Шарики на карту
И сотый раз
Вопрос висит:
— ЗА ЧТО???

ЗА ЧТО???
И вспоминается Царицын.

За ним и в нём
Свистящие клинки.
Как в родниках,
На мужественных лицах
Отражены пожаращ язык.

Себя увидел
В грязном лазарете.
Ответ врача
Услышал сквозь туман:
— Жаль молодца...
Уходит в лапы смерти.
Его прошил
Осколок, как таран.

Но выдюжил
Врачам на удивленье.
Опять ушёл
В защитники страны...
Такое зарождалось
Поколение, —
Которому
Все черти — не страшны.

Мелькали годы,
Словно кинокадры.
Бросала жизнь
Туда, где горячей:

Рубил сплеча
Антоновские банды,
Из «максима» —
Отряды басмачей.

Подарками
Они не обделили,
Когда разгрома
Близился конец:
Лиловый шрам
До глаза посадили,
Эмирцы — пулей
Чиркнули в кострец.

А смерть глядит
Глазницами пустыми.
У ней права
Особые, свои:
То гасит память
Лапами своими,
То выбивает
Мысль из колеи.

Он в этот миг
Себя представил мёртвым.
Могильный холм.
И рядом — никого.
Как тяжело,
Как тяжело быть гордым,

Но гордости
Не вырвать у него.

Не верил он,
До глубины не верил
В неправоту
Великого Отца.
Мол, бил Ежов,
(Прообраз поздних берий)
Бил по-садистки
В жаркие сердца.

Отец крушил
Кремлёвские интриги,
Успехи видя
В классовой борьбе.
Ему он верил —
Явью были сдвиги —
Как, может быть,
Не верил сам себе.

Но почему
Труды по обороне
Ещё не бронированной страны
Сданы в архив,
Под недоступной бронью:
«Не издавать!
ФАНТАЗИЯ ВОЙНЫ».

Один вопрос
Другим спешил смениться.
Кружились мысли
Белкой в колесе...
И радовалась буйно
Заграница,
Что кадры репрессируются... все.

Он оглядел
«Удобную квартиру».
И штукатуркой
(лучше не найдёшь)
Стал на стене,
Глухой к седому миру,
Вычерчивать
Бракованный чертёж.

Кто браковал?
Да те, кто доносили.
Кто браковал?
Завистливая тварь.
Все те, кого
Не в тех церквах крестили,
Все те, кто может плюнуть
На алтарь.

И оживали
Сложные детали,

Был мощен корпус
С яростью ствола,
Но чудилось тогда,
Как сквозь года
Новейшие снаряды пролетали
И «фердинандов»
В землю забивали
С «пантерами»
У Курска и Орла.

— Какой я враг
С хатёнкой над рекою?
Потом забылся,
Вспомнил о родном,
Как будто был он
Дома, был с семьёю,
В кругу друзей
За праздничным столом.

Спешила ночь,
Спешила быстро таять,
Как льдинка
На пылающей руке.
Уже рассвет
От края и до края
Поджёг каёмку неба
Вдалеке.

Дверь заскрипела.
У порога — трое.
Горела на околышах заря.
Не видя их,
Он к ним стоял спиною,
Как будто
С чертежами говоря...

Простенок красный.
Выщербленный камень.
Сам комендант
Читает приговор.
И офицер,
Сухой
Кавказский парень,
С охранниками
Занял
Узкий двор.

Молчанье
После
Роковой огласки.
Потом совет:
— Признайтесь — будет жизнь!
— Стреляйте!
Не нужны глазам
Повязки...
И... грохнул выстрел.
Голуби взвились!

«Врага народа»
Быстро унесли.
О, если б только,
Только было знато,
Быть может, немцы,
Так его бы чли,
Как хан Батый —
Рязанца Коловрата.

...Встревоженный
Не первую развязкой,
Которую
Не позабудешь век,
Пришёл чекист,
Чертёж замазал краской:
— Хоть враг-то, враг,
Но всё же — человек...

И, съёжившись
От собственного мненья —
Не слышал ли
Дежурящий сосед —
Он закурил...
На мачтовых деревьях
Плескался
Красным знаменем
Рассвет!

К.К. Данзас

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дубельт Леонтий Васильевич — генерал,
начальник штаба корпуса жандармов.

Жандармский офицер.

Николай I — царь.

Адъютант царя.

Бенкендорф Александр Христофорович —
граф, шеф корпуса жандармов.

Жуковский Василий Андреевич — поэт.

Вяземская Вера Фёдоровна — княгиня,
жена поэта Вяземского.

Пушкина Наталья Николаевна — вдова поэта.

Гончарова Александра Николаевна — её сестра.

Жена Дубельта.

Булгарин Фаддей Венедиктович —
писатель и журналист, агент Третьего отделения.

Действие в Петербурге.

*Больной находителъ отъ свѣта
опадно-мъ положеніи*

В.И. Даль

Н.Ф. Арндт

В.А. Жуковский о раненом поэте

СЦЕНА I

Кабинет канцелярии.

Дубельт

Ну, что там камер-юнкер?

Жандармский офицер

Не жилец.

Дубельт

Я не о том. Об этом пуля знала.
Обидно, что толпу привлёк свинец.
А где толпа — там станови капрала.

Жандармский офицер

Дежурят-с.

Дубельт

Проследить!
Мороз пока не лезет под шинели?
Мальчишки... Пистолетов разрядить
При ненависти дикой не сумели.

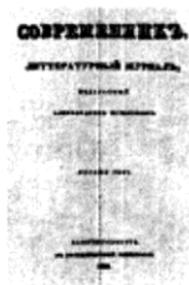
Офицер удаляется. Генерал, бросив чьё-то «Дело» на стол, подходит к окну.

Допрыгался: то с севера на юг,
 То Грецию воспел, то Пугачева...
 Насмешек не прощает Петербург,
 Тем более — кощунственного слова.

Казалось бы, довольно декабря:
 Не тронули ни пыткой, ни острогом.
 Но где там? Обезличивал царя.
 И Фотия позорил перед богом.

Редчайшая расхристанность души
 При кошельке без шороха и звона.
 Резвился на журнальные гроши
 И оные... выклянчивал у трона.

Не понимают люди, что к чему,
 Виня других, в свои же лезут сети.
 А крест один и дури, и уму,
 К тому же — каждый смертный на бюджете.

СЦЕНА 2

Зимний дворец. Николай I после известия. Прохаживается в раздумье.

Горяч... Горяч... По нашим-то снегам!!!
 Летят с копыт фельдъегерские кони.
 Легко курить свободе фимиам,
 Как будто ей препятствуют на троне.

Не думал, что придётся мне писать
Прискорбную, но важную бумагу.
Ах, да... Печать. На кабинет — печать.
Чернь любопытна. Обелит беднягу.

Певец был с бунтарями заодно.
Их дух делил... И знаю не по слухам.
Но... будет о покойнике... грешно.
Январская земля не станет пухом.

Вызывает адъютанта, держа пакет.

А д ъ ю т а н т

Слушаю, Ваше Величество!

Н и к о л а й I

Для Бенкендорфа.

Адъютант вытягивается в струнку.
Щёлкает каблуками.

СЦЕНА 3

Приёмная зала. Бенкендорф читает сначала про себя, потом вслух:

«Пушкин умер. Я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю Вам послать Дубельта к Жуковскому,

чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней эти два лица могут снимать печати, и Жуковский разберёт бумаги».

Понятно. Но Жуковский-то зачем?
Наследника учил... А это ж ДЕЛО!
И Отделенью жарко от поэм.
Воспоминаям время, что ль, приспело?

Певец «Светланы» может под конец
Секреты вскрыть в порыве откровенья.
Не от него ль талантливый юнец
Принял портрет, как знак благословенья.

Но воля божья! Учит — седина,
Научит и последняя квартира.
Тут выбитая лира не слышна,
А что его расстроенная лира?!

У Дубельта к тому ж собачий нюх,
Изучит всё от запятой до точки.
Работает и действует за двух.
Ох, шельма! Увильнул от одиночки!

Поголубел, царёв паёк цена,
И, хищную повадку соблюдая,
Случись ведь что — допросит и меня,
Блеснёт улыбкой: служба, мол, такая...

СЦЕНА 4

Квартира Пушкина.

Дубельт

Василь Андреич! Как вам тяжело!
Да и меня до слёз волнуют строки:
Отечество нам Царское Село...
Хотя я там не бегал на уроки.

У траура — пощады не проси,
Приходит он, сердца и лица старя,
Но, чтоб сияло солнце на Руси,
И нам пришёл совет от государя.

Пока от кривотолков пользы нет,
Клянут Дантеса за пристрастье к юбке.
...Приложим-ка печать на кабинет.
И заварил же кашу камер-юнкер!

Жуковский

Да, утонул в житейских мелочах:
Долги, балы и письма безымянны...

Дубельт

Мне говорят, что беллетристы странны:
Не пишут утром, больше — при свечах.

Жуковский

Причуды есть. Кто в мире без причуд?
Душа пуста — преуспевают тело.
По-моему, не затерялся б труд,
А как писался — в этом, что ли, дело?!

Не боязно вам заходить сюда?

Дубельт

Чего бояться? Тишина — безрука.
Осмотр вещей — интимная наука.
И тишина при ней, как никогда.
Не затеряем праведных трудов,
Какие бы ни выпали мытарства,
Когда так о сохранности стихов
Болеет и печётся государство.

СЦЕНА 5

Наталья Николаевна (*сестре*)

Нашатыря мне. В комнате — чужие.
Ужель нет переписки поважней?
Прошла вся просвещённая Россия,
А в доме и темней, и холодней.

И, право, негде сердцу отогреться,
Слёз больше нет, учусь теперь молчать.
И, кажется, печать стоит на сердце,
Как глыба льда, ВЕРХОВНАЯ ПЕЧАТЬ.

В бумаги погрузились... джентльмены.
Где этикет? Невежества предел!
Простила б, если б Саша был военный
Иль бунтовщик безумно-дерзновенный,
А то ж ведь защититься не сумел.

Александра Николаевна
(вытирая слёзы)

Где там умел? Да он лягушек
Вёрст за пятнадцать обходил.
И всю росу лесных опушек
В усадьбу утром приносил.

Светился... Слушаешь, как сказку,
Его взволнованную речь.
Но где для нас искал он ласку —
Туда и тройки не запречь!

И вместо солнца — век затмения,
Тревожно, жутко и темно.
Сидим с тобою без движенья —
А ведь кому-то всё равно.

Наталья Николаевна

И декабрём двенадцать пролетело,
И был допрошен в оные года.
Живому — дело, мёртвому шьют дело,
Не ворошите память, господа!

Да, посланы... да, вы не виноваты.
Куда ни глянь — и тот, и этот прав.
Жуковский... Дубельт — верные солдаты,
А раз на службе — соблюдай устав.

Кто дал вам право, недруги и други,
Глубины душ мундиром оскорблять?
Вы сами шлёте пули и недуги,
Пуская вслед жандармскую печать.

Вскипает страсть к оставленным бумагам,
У конвоиров творчества — вдвойне.
Так варвары не рвались к саркофагам,
Сквозь стены, чуя золото на дне!

Скорее бы закончили всё это.
Нет больше сил — почти что не живёшь.
При жизни — жизнь отняли у поэта,
И после смерти — вежливый грабёж.

Александра Николаевна

Не надо. Успокойся, ради бога!
И всё-таки при зоркости орла
В Михайловское... новая дорога
Со всех концов России пролегла.

Наталья Николаевна

Дорога! А со мною — ребятишки.
Все четверо! В хозяйстве сколько дыр?!

Александра Николаевна

Я посижу, покуда им — за книжки.
Ребёнок с книгой, значит, вышел в мир.

Наталья Николаевна

Голубушка!

(подходит и обнимает сестру)

СЦЕНА 6

У Вяземских.

Жуковский

Я так устал... Теперь бы на год — сна!

Вяземская

Возьми флакон. Виски натри духами.
Как Натали?

Жуковский

Бледна и холодна.
И не к кому на исповедь с грехами.

Вяземская

Ты раздражён. Зачем такой укор?
Не сам вчера ли в качестве примера
Читал: СУДЬ-БЫ СВЕРШИЛСЯ
ПРИ-ГО-ВОР...
И похвалил за смелость офицера.

Да, кстати, кто он?

Жуковский

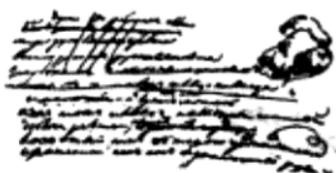
Истинный гусар!

Вяземская

Но до чего ж язвителен, Василий!

Жуковский

Боюсь я, Вера, как бы этот дар
Заране царедворцы не зарыли.

Его стихи — гроза среди зимы,
Они сразили многих, кроме франта.
И, если в Лету не сорвёмся мы,
Почуем сердцем магию таланта.

Вяземская

Храни, господь! Чужой, а стал-то наш,
Хотя его не видела ни разу.

Жуковский

Ты — лекарь... А возьмусь за карандаш,
Пейзажем одарю за эту фразу.
Ну, мне пора! Не спать сегодня мне.
А это... познакомься в тишине.

(Подает ей свёрнутый в трубочку лист со стихами
Лермонтова)

СЦЕНА 7

Жуковский у себя дома. Поспешно разрывает конверт, подписанный Бенкендорфом.

Весть любопытна. Я б сказал, весьма!
Она страшней внезапного удара.
Анчарный вид у этого письма
И логика дворцовского анчара.

Но я противоядие принял:
Пока спасает царская ливрея.
И я не новобранец, генерал!
Вытягиваться в струнку не умею.

Ведь каково?! (*перечитывает вслух*)

«...бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия применяется отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы. По прочтении таковых бумаг, ежели таковые найдутся, они будут преданы огню в Вашем присутствии».

Огня! — кричат: — Огня! Идут с огнём.
Какая государственная смелость.
Стихи четвертовали при живом,
Теперь от них вам пепла захотелось?!

О памяти вам тут ли говорить?
Неслыханная лживость откровенья.
Вы, торопясь в глуши его зарыть,
Ещё при жизни жаждали забвенья.

То посылали в степь на саранчу,
То объявляли мерзким дуэлянтом...
Что многое прощаешь палачу,
Того я не прощаю аксельбантам!

А рукописи — будете читать,
В любой строке — вынюхивать крамолу.
На гения — не выставить печать,
И описи он чужд, и протоколу.

Неиссякаем свет его души,
Прорвётся он сквозь тернии цензуры.
Живёт литература на гроши,
Где золото — там нет литературы.

(Гасит свечи. И долго лежит, в постели, не засыпая)

СЦЕНА 8

В кабинете.

Ж у к о в с к и й

Мне тяжело бумаги разбирать.

Не то чтоб страх — волнение одолело.

Д у б е л ь т

Василь Андреич! Можете... в кровать,
А мне, как радость, начатое дело.

О сколько манускриптов! Боже мой!
Есть что читать Романовым зимой.
А то, признаться, наши донесенья
У сфинкса могут вызвать озлобленье.

Ж у к о в с к и й

Вы правы, повсеместно нужен глаз,
Чтоб дух зловредный выбить в человеке:
То Польша, то Сибирь, теперь Кавказ —
Пронумеруй-ка судьбы в картотеке!

Не как-нибудь, чтоб лучший каллиграф
Трудился над заданьем, замирая,
Поскольку то досье представит граф
Пред очи венценосца Николая.

Д у б е л ь т

Представьте, так... Быть может, ваш архив.
Когда лет сто, к примеру, проживёте,
Не будет так печально-сиротлив:
Царя... в душеприказчики возьмёте.

Мундирам голубым хвала и честь,
Не подведут ни слух, ни зоркость глаза,
Чтоб греческо-французская зараза
В Россию не сумела бы пролезть.

Жуковский

Куда теперь от света? Видит бог!
 Вопросами замучают до смерти:
 Подай ненапечатанный стишок,
 Любовное послание в конверте,

Записку, эпиграмму, мадригал,
 Где он страдал иль мучился, печалась,
 Такие, чтоб лишь автор их читал,
 И те, кому они предназначались.

Дубельт

Секрет, Василь Андреевич, секрет!
 У нас — наиважнейшая задача,.
 У сплетников и сплетниц чести нет:
 Свет-правду дай — во тьму переиначат.

Я с публикою всяческой знаком:
 Лжецы молчат, витийствуют пророки,
 Когда мы в Отделении берём
 У их же откровенности уроки.

Позвольте, а у вас что за пакет?
 Обложка интересного издания.
 Пером рисунки... Женский силуэт...
 Знать, копия предмета обожанья.

В ней что-то от графини есть НН,
 Прекрасен стан и бюст не без изъяна.
 Винил Дантеса, сам был у колен,
 Большой знаток любовного романа.

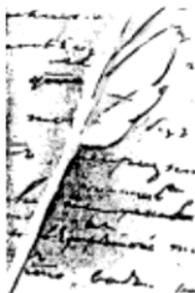
Василь Андреич! Письма отложить!
 Собратьям по перу о них ни слова.
 Так мило, что разбор ведут мужи,
 А то бы побледнела Гончарова!

К чему ей правда в пустоватый след,
 И так отбилась, бедная, от света.
 И, на Парнасе счастья не нашед,
 Забудет телом бойкого поэта.

Ж у к о в с к и й

Жизнь человека — дьявольски сложна,
 И путь его то в солнце, то в тумане...
 Конечно, будет чья-нибудь жена,
 Детей поднимет и сама воспрянет.

Но на душе останется пятно,
 Не смыть его горячими слезами.
 Погиб поэт. Он в будущем давно,
 А мы над словом мучаемся с вами.

Дубельт

Мечтаете... А молодость строптива.
Кто ей откроет двери госархива.
Да и зачем в гробах будить века —
Пусть здесь умрёт крамольная строка!

СЦЕНА 9

Квартира Дубельта. Генерал за столом без мундира.
Просматривает газету.

Жена

Леон! Опять за истиной спешишь?
Ты ближе к ней, она ещё далече...

Дубельт

Что делать? Петербург стал, как Париж,
И якобинцы... требуют картечи.

Но мы при гуманизме при своём
Надеемся на благостное что-то:
Такие, мон ами, верёвки вьём,
Что рвутся иногда у эшафота.

Позор! И всё от слабости руки.
А вот мужик не только знает межи.

Да он в лесу петлёю из пеньки
Под корень дуб столетний перережет.

Не то что наши шеи.

Ж е н а

Бог, избавь!

Д у б е л ь т

Избавит при системе арестантской.
Бунтовщиков на подвиг лишь возглавь —
Учинят суд, как в «Дочке капитанской».

А надо бы силёнкой поиграть
После того... декабрьского взрыва.
Когда в доме и тишь, и благодать —
Что правда? Даже ИСТИНА сонлива.

Сибирь для духа — превеликий рай,
Кавказ для духа — вижу, пользы мало.
Стреляешь в дух — так сразу выпускай!
Как говорят, чтоб духу не бывало.

Под крыльями двуглавого орла
Вольготно поживает «Современник».
Что для него Фаддеева «Пчела»?
Хотя «Пчела» нектар берёт из денег

Огромной государевой казны...
Жужжит, как грутень, золото съедая.
Усопшему укусы не страшны,
Но братия, пожалуй, там такая.

Масонствуют, слетаются в кружки,
В своих стихах клеймят тиранов мира.
А разглядеть их ближе: Босяки!
Без совести, без чести, без мундира.

Ж е н а

Да, ты устал. Излишне говорлив.
Что приказать подать тебе на ужин?
Надеюсь, надоел тебе архив?

Д у б е л ь т

Наоборот. До запятой мне нужен!
До ЗА-ПЯ-ТОЙ...

Ж е н а

ДО ЗАПЯТОЙ? А разве ты лингвист?
Что толку рыться в письмах африканца.
Уже тебя не вдохновляет вист,
Лицо давно отвыкло от румянца.

А, может, развлечёмся? Погостим?

Дубельт

И не проси! Еще прочту страницу.
Ты помнишь, как спасали гуси Рим?
А мне спастись приходится столицу.

Что Петербург? Весь набожный народ
Мы отлучим от пишущею брата.
Романовы за мною и Синод,
Лжепатриотам — сырость каземата.

Рыдает по изменникам петля,
И топору, пожалуй, снятся шеи.
С их смертью очищается земля,
А ты про вист... когда вокруг злодеи.

СЦЕНА 10

Жуковский у себя дома. Один.

Эх, святогорец... Знал ты или нет,
Что трудно трон раскачивать стихами,
Когда один Дантесов пистолет
Свет поменял на мрак перед глазами.

Не знал ты, что холодная рука
Листать начнёт горячие страницы,
Холодная, как сталь того курка
Холодная, как зимний вид столицы.

И даже я, хоть близкий, но чужой,
Приставленный к бумагам для знакомства,
Был в этот день буквально как больной
При виде рукописного сиротства.

Располовинят бесы, разнесут
Стихи, наброски... Знаем этих хватов.
Да мало ли какой вельможный плут
Добавит дегтя в чувства адресатов.

Спи, святогорец. Тень монастыря
Не вечна над останками твоими.
Уже встает прекрасная заря,
Что призывал ты вместе с пятерыми.

Но что тебе мой запоздалый бред,
Когда при жизни я склонил колени...
А сыщикам лишь укажи на след —
Они его разнюхают у тени.

СЦЕНА 11

Кабинет канцелярии. Булгарин — весь внимание.

Дубельт

Как поживает «Северная пчёлка»?
До медосбора — целая зима.
Люблю «Пчелу», не веря кривотолкам,
Не орган, а сияние ума.

Давно у нас окрепли узы дружбы,
И вы, и Греч наладили печать.
Домой придёшь, забудешь тяжесть
службы.
И — весь в неё! А что еще читать?

Набили нам оскомину Вольтеры,
И «общества» утратили престиж.
Мне хочется, чтоб наши офицеры
Поглядывали меньше на Париж.

Булгарин (*громко*)

Стараемся!

Булгарин (*про себя*)

И врёт же, изверг, тонко и толково,
В уздечке держит голубую рать.
Что человек? На дыбу вздёрнет СЛОВО!
И гласные заставит закричать.

Дубельт

Не правда ли, печать милей и тише
Без прожектерских бредней пятерых?
Но что-то ваша братия... не пишет
О доблести мундиров голубых.

Пора! О нашем воинстве пошире,
Желательны — рассказ или роман.
Хоть штатский вы, но всё-таки в мундире:
Поручик — нынче, завтра — капитан.

Б у л г а р и н

(про себя, перебирая экземпляры свежей газеты)

Послушаем. Редактор есть редактор.
И «Пчёлка» не «Пчела» ему, а «Тля».
Палач души... Но промолчим для такта,
Во имя государева рубля.

И ем, и пью, и есть на развлечение,
Зван на обеды, выставлен в кортеж.
Живи! А колесница Отделенья
Мятежных давит. Мне зачем мятеж?

Д у б е л ь т

Задумались?

Б у л г а р и н

Я... понимаю. Слугами престола
Займётся непременно персонал.
В моих руках писательская школа,
Где каждого — я правде обучал.

Научены! Увидите воочью,
 Ну, как своих собратьев не беречь,
 Когда они глухой, безлунной ночью
 Найдут слова, не зажигая свеч!

Сдадут в набор торжественные оды,
 Сердечный жар положат на алтарь.
 И подлинным защитникам свободы
 Не раз окажет милость государь.

Дубельт

Работайте. Хорош ваш «Самозванец».
 Высокий штиль. Серьёзность. Глубина.
 Зря пыжился покойный африканец:
 По-разному прочли Карамзина.

Юродливость повсюду в «Годунове»,
 Прямая пугачёвщина в статьях.
 И, господи, грозил первооснове —
 И был в долгах, как старый пёс в репьях.

Булгарин

Бессребреник-с.
 У них лихая зависть...
 Нас учат и потомство — норовят.
 И памятники просят, не стесняясь,
 Так-с... Наглецы — от головы до пят.

Дубельт (про себя)

Вот гуманист — и говорлив, и весел.
С такими не сыграешь в поддавки.
Они уж как повесят — так повесят,
И жертву вниз потянут за носки.

Врозь разведут — для большего эстетства
Окинут оком — ровно или нет.
И — нет литературного наследства,
А если есть — один его макет.

Дубельт (вслух)

Да кто поставит памятник? В уме ли?
В России нет финансовых глупцов.
Ну, разве что одесские мамзели,
Но все шкатулки запер Воронцов.

Мы были у глашатая народа,
Все чаянья держал в своём столе.
Ах, сколько там лирического мёда!
Его бы в зиму — «Северной пчеле»!

Б у л г а р и н

Читатель был бы очень благодарен,
И вам бы... отписали гонорар.

Дубельт

Неплохо бы-с... Но послан государем.
 Не мёд его волнует, а нектар.

Булгарин

Счастливец вы! Архивец — прямо в руки!
 Над каждым — исчезает ореол.
 Служитель муз, иль деятель науки
 Для многих — тайна, перед вами — гол.

Дубельт (улыбаясь)

НАГОЙ, свет Венедиктович! НА-ГОЙ!

СЦЕНА 12

В Зимнем дворце.

Николай I

Не всё читать положено потомству.
 Итак, бумаги вымарал с лихвой.
 И знать не надо нашему холопству,
 Что есть ещё Сальери и Скупой.

Пётр у него не Пётр, а Медный Всадник,
 Шаржирован державный властелин.

Холеру смяли. Есть ещё рассадник...
Но, слава богу, клином выбит клин.

Я просмотрю бумаги на досуге.
С «наследством» там работали вдвоём.
Благодарю вас, сударь, за услуги.
Его архив с супругой перечтём.

И вот ещё... На службе вы исправны,
Но, чтоб узлом не завязалась нить,
Нельзя ли у Натальи Николавны
На МОЁ ИМЯ что-то испросить?

Я знаю женщин... Это не догадки.
Я вижу их деяния насквозь.
Представьте, что она до опечатки
Изъяла то, что Н А М не удалось.

Но только тонко, тонко, элегично.
Ранимо сердце в трауре в стократ.

Бенкендорф

Судьба её, действительно, трагична.
Мы снимем грусть. У нас надёжный штат.

Николай I

Не вздумайте послать туда мужланов!
Над «i» нам точку выставить пора.

Бенкендорф

Я понял вас... Пошлю певца туманов,
Она ему по чувствам, как сестра.

Воспоминанья — без конца и края.
Из юности, из творчества пример...
И за десертом, плача и вздыхая,
Вдова ему откроет секретер.

Николай I

Вы — дипломат. Неплохо бы, ей-богу!
Троянского коня пускаем в ход?
Как жаль, что не увижу недотрогу
В ближайший бал... Печальный нынче год.

СЦЕНА 13

В кабинете. Окончание осмотра.

Дубельт

Подходит наша миссия к концу.
В бумагах всё — и распри, и раздоры.
Но отчего-то, видел по лицу,
Взволнован Александр Христофорыч....

Жуковский

Быть может, граф от зоркости ослаб,
Ведь под охраной — только ли Россия...

Дубельт

Хворь не берёт! Живуч, как баобаб.
В Санкт-Петербурге — корни золотые.

...По-моему, мы с вами не учли,
Придерживаясь буквы предписанья,
Что есть еще ЖИВАЯ Натали —
И не одни ж при ней воспоминанья.

Жуковский

Вы думаете: рукописи есть?
Да, что вы? Море слёз, долги и дети.
Великое убийство перенести
Не пожелаю недругу на свете.

Дубельт

А кто желает? Сам тому не рад:
Всю жизнь за маскарадом — маскарад.
Вы — сочинитель, я вот... генерал.
Нам чай бы пить. Да царь сюда послал!

ПОСЛАЛ-С!

Ж у к о в с к и й

Не трогайте вдову. Я вас молю!
 Весь Пушкин здесь — от смерти до Лицея.
 Я сам её за что-то не люблю.
 Эх, красота... Да полно, ангел с нею.

Погиб поэт. Велик он или мал —
 История подскажет нам под старость.
 И тот, кто часть трудов его забрал,
 Возможно, для других готовит радость.

Киргиз ли это будет, эскимос,
 Или араб под знаком Зодиака...
 Поэт всегда исследовал ВОПРОС,
 Чураясь восклицательного знака.

К мундиру... звёзд не раздобыл поэт,
 Не дорожил сановного любовью.
 Печаль — беззвёздна, правда — сеет свет,
 За них пришлось расплачиваться кровью.

И в этом я навеки поражён,
 Я, воинство воспевший и парады.
 А он почти с младенческих времён
 Уже смотрел сквозь пальцы на награды.

Дубельт

Василь Андреич! Вас не узнаю.
На днях вы в кабинет войти робели.

Жуковский

Робел... Робел... Я чувства не таю...

Дубельт

Ну, полноте. Вон щёки заблестели.

Жуковский

Я... у его... бессмертия стою.
И счастлив я, что был у колыбели.

Расширится его псковской уют.
Весь мир ему откроется со взгорья.
И улыбнётся кот у лукоморья,
Когда певца из бронзы отольют.

Вот видите... На сердце отлегло.
Но я вас не оставлю без ответа:
Отечество нам... Царское Село,
А у него Отечество — ПЛАНЕТА.

И не в Дантеса он стрелял.
Не жгла так больно честь мундира.
Самодержавье наповал
Хотел сразить романтик мира.

За тот декабрь, за тот июль,
За петлю ту, что дух сжимала,
Чтоб Русь
Без виселиц и пуль
ГЛАГОЛОМ нации сближала.

*

Единственная газета в мире

Виктор Рассохину

Ирина Я. Р. Буцкая

2-й корпус 2-й армии

3-й фронт. 2-й арм.

ПРАВНУКИ
А.С. Пушкина
и Д.В. Давыдова

Асам таранных атак — Антону Губенко,
Дмитрию Кокореву, Виктору Талалихину,
Николаю Терёхину, Борису Ковзану,
Сергею Колыбину, Борису Пирожкову,
Василию Синчуку, Петру Шавурину,
Алексею Артамонову, Юрию Лямину, Павлу
Пологову, Алексею Хлобыстову — всем
Героям ВВС СССР, совершившим более 600
дерзновенных подвигов в небе, —
посвящаю.

1

На соснах — щетинится хвоя,
Осины уже не дрожат.
Над рощами Подмосковья
Проходит воздушный пират.

Берлинской любовью заласкан,
Держа за щекой шоколад,
Ариец ждёт орден на лацкан
Ещё за несброшенный ад.

Ехидна усмешечка аса,
Топорщится щётка усов:
— Вечернее соло фугаса
Сорвёт даже крышки гробов.

Пусть предки поднимутся кверху,
Мы их потревожим чуть-чуть
За Грюнвальд, за штурм Кёнигсберга,
За льдисто-кровавую Чудь.

Ах, как это будет красиво!
Что Киплинг? Я тоже поэт...
Тюльпаны ниспосланных взрывов
Примите, как скромный букет.

Букет? А не щедро ли, право?
Не слишком ли щедро? ВЕНОК!!!
И вдруг поднимается справа
Серебряный «ястребок».

— Мальчишка! Сторишь как порох.
Зря возгордился ас.
Очередь... Сбой мотора.
Свет раскалённых трасс...

2

«Хейнкель» взревел надсадно,
Принял зловещий вид.
— Что, в небесах прохладно?
Что, под Москвой знобит?

Вновь самолёт в зените,
Виктор стёр пот с лица.
Тянутся-рвутся нити
Огненного свинца.

Пусть слабовата школа:
Вчерашний курсант страны...
Но лётчиков Халхин-Гола
Видел он до войны.

И по святому праву
Слева идёт на крест:
Очередь за Варшаву!
Очереди за Брест!..

3

Снова в пике. И с ходу
Цель «ястребок» берёт.
В спешке взрезает воздух
Вражеский пулемёт.

Вспышки — электросваркой,
Хрипло рокочет пасть.
Немцу в кабине жарко,
Мигом почувял власть.

К лёгкой привыкший к славе,
Жертве кричит: — Капут!
Звёзды на крыльях — давят,
Звёзды — ответ дают

Крупнокалиберный, гневный!
Пламя слепит глаза...
И на пределе нервы
Люфтваффовского туза.

4

Небо в зелёных звёздах,
Звёзды вокруг креста:
— Будет врагам погостом
Звонкая высота!

Не удалась разведка,
Кланяйся, гад, Земле!
Что ж ты молчишь, гашетка?
Воздух застрял в стволе?

Скроется. Действуй, тёзка!
Ветром точи крыла,
Чтоб каждая здесь берёзка
Силу тебе дала.

В обойму вошла патроном,
Прошла б насквозь дюраль,
Чтоб ввек матерям и жёнам
Душу не жгла печаль.

По каждому — кто не выжил,
По каждому — кто убит...
Стреляет, спускаясь ниже,
Оскалившийся бандит.

5

— Не вырвешься восвояси,
Подставишь крестовый бок...
Скорость ещё в запасе,
Выдюжит «ястребок».

Бьёт пулемёт фашиста,
Видно почти как днём.
— Метко сработал, чисто!
Локоть горит огнём.

Наших берут не сразу,
Рана — укус шмеля.
Если уйдёшь на базу,
Не примет меня... земля.

Взмыл, не почуяв веса,
Вот уже у хвоста:
Свастику бы отрезать
Ненавистью винта?!

Туго в бою открытом?
Строчи теперь, не строчи...
Жёлтым метеоритом
«Хейнкель» сверкнул в ночи.

Кажется, сильный ветер
Осколки разнёс окрест.
Словно не жил на свете
Надеявшийся на крест.

Больше не разговаривал,
Прахом стал в тишине...
Может быть, это зарево
Фюрер видел во сне.

Зарево наступленья,
Красную мощь крыла,
Жуткий грохот паденья
Гербового орла,

Что над позором рейха
Вис ещё, как живой,
Слушая мощность эха
Подвига под Москвой.

6

Издавна наши парни
Захватчиков бьют сплеча.
Небо им благодарно,
В нём что-то от кумача.

Помните, экипажи,
С крестом или без креста:
Красное небо — дважды
Нам сдаёт рапорта.

Ранней зарёй — до солнца,
После него — в закат.
Кому там ещё неймётся?
Ещё есть ночной пират?

Довольно с России дани,
И, мирное небо любя,
Ракеты пойдёт таранить
Не только лишь за себя.

Воздушные печенег —
Нам всякий под силу бой!
Пусть в страхе дрожат стратеги
Минувших и новых войн.

С блицкригом до блицуспеха
Не стойте с календарём.
Таран — это почерк века,
Отвечивший Злу — Огнём.

А. Губенко

К. Титаренков

А. Хлобыстов

Б. Ковзан

К Дню славянской письменности и культуры

ЗВЕЗДА КРИТИКИ*

Исследуя взлёты и падения цивилизации в призме доведших до нас фактов и вех, можно заметить, что на рубежах веков рождались выдающиеся личности, оказавшие значительное влияние на современников, разделивших с ними определённый отрезок времени.

В многовековой истории Человечества до сих пор не освободившегося от мозговой деградации в виде братоубийственных, территориальных и религиозных войн присутствует значительное число просветительских, самопожертвенных, красноречивых и трагичных примеров, доказывающих разнополярность миропонимания всех рас, населяющих два полушария.

Искромётная судьба самородка Орловщины, экстранеординарного мыслителя и критика Дмитрия Ивановича Писарева, его эпистоляр-

* Публикуется со значительными авторскими сокращениями.

ное философско-мощное наследие, ещё при жизни возвели его в ранг знаменосцев народолюбия. Стремительное восхождение не по годам одарённого, провинциального барчука из небогатых помещиков к вершинам, олицетворяющим передовую русскую интеллигенцию, не раз сподвигло представителей мыслящего пролетариата к осознанию его трудов, а также их междустрочья...

Не буду заново раскрывать страницы его сложной биографии, достаточно ёмко освещённой в разные годы Л. Плоткиным, Ю. Коротковым, А. Лебедевым, В. Громовым, В. Ждановым, Н. Зеловым и другими в книгах и статьях о личной жизни, становлении, творчестве и безвременной смерти дальнозоркого публициста романовской России. Любой уважающий малую Родину орловец, её отечественный или зарубежный гость, при возникшем глубоком интересе к произведениям Дмитрия Ивановича и к его жизненному пути может приобрести книги о нём, либо почитать его жёсткие анализы литпроцесса, истории и бытия в действующих публичных библиотеках. Принципиальность автора поражает и сейчас...

По своей многозначительной, авангардно-гротесковой сути, реалистическая канва созданного Писаревым, есть непринятие монополизма во всех сферах общества от раба до державного вла-

стелина. Хлёстко разрушая консерватизм мировоззрений и трафаретную изысканность построений литбогемы с мировыми именами, Писарев всеми формами лобовой и иносказательной критики призывает их обратить свой взор к убогому, но не виноватому в своей забитости народу, тупо следующему закону «кнута и пряника». Артистично перевоплощаясь в роли-персонажи прошедшей эпохи и в конкретных лиц своей современности, привлекая интуицию и полное знание важнейших аспектов в эволюции цивилизации, он логикой непримиримых выстраивает строго личную модель антивоенного и справедливого мира, становясь предвестником марксизма в его человеколюбивом понимании.

Истощаясь в штудировании фундаментальных наработок ушедших апологетов философии, науки и литературы прошлого, Писарев, на протяжении краткого мига своей жизни поражает душевной открытостью, искренностью, светлой верой в разум и грядущий прогресс Человечества. Беспощадно кромсая пороки общества и его застоявшуюся грязь, Дмитрий Иванович привлёк внимание широких слоёв мармеладно-крепостнической общественности, цензоров монархии, инакомыслящей интеллигенции и революционно настроенной молодёжи в кругах жаждущего новизны студенчества. В обозначенных им рамках многие

вращались десятилетиями, а вот почитать критику на самих себя до этого не удавалось, пока не задули ветры грядущих перемен...

Запрет его творений, арест и прочие проверенные механизмы самодержавия лишь потворствовали ускоренному росту его громадной работоспособности, отчеканившей золотом его строки, терпение и усидчивость, как талант. Пройдя сквозь мучительную борьбу внутри самого себя, познав неустроенность и лживость бытия на личном примере, переживая предательство близких, давление режима, непечатание и дискуссионные войны вокруг своих трудов и имени, Писарев нуждается только в трёх вещах: чернильнице, пере и бумаге. Подвиг самоотрешения, негласного обета самому себе во благо Истины выльется в ряд его замечательных работ, созданных в заключении...*

Выйдя на свободу, он не изменил своих критических взглядов с элементами атеизма, как общественный деятель, продолжил хлопоты с издателями, журналистами и писателями. Отличный пловец, полный проектов и замыслов, он уехал на морские купанья в Дуббельн, где 4 июля 1868 года утонул, по официальной версии «не рассчитав сил»...

Он любил заплывать далеко, переплывая через фарватеры к мелям. Его найдут через мно-

* Д.И. Писареву должен быть памятник на Орловщине.

го часов после несчастья, затем отвезут в Ригу и лишь 27 июля перевезут в Санкт-Петербург во свинцовом гробу...

«Закатилась яркая звезда, — со скорбью писал позже А.И. Герцен. — С нею исчезли едва сложившиеся дарования, оборвалась едва наметившаяся литературная деятельность».

О вдохновении, энергии, благородстве, пророчестве и язвительности не могло быть и речи. За добрые слова соратнику арестовали и сослали Д.К. Гирса, а ныне автору строк вспомнились простые вирши:

*Блеснёт — и отдана в солдаты,
Бунтует — взята на учёт.
Пытливой мысли — казематы,
Мыслителей — на эшафот.
Ежeminутно, ежечасно,
Над нею кружит вороньё.
Не потому ли мысль опасна
Всем, не имеющим ЕЁ???*

Май 2003 г., Орёл—Корсаково—Грунец,
«Путевые заметки».

СИСТЕМА

Происходящее вокруг человека по всей сетке изученного нами глобуса в последнее время сдавливает сознание гнетущей последовательностью несчастий и катастроф. Ущемление вековых прав и законов планетарного общежития сословий, рас, народов и национальных меньшинств по признаку Веры, внешнеполитической доктрины, теневого криминала и терроризма олицетворяет Систему госдиктата сильных держав над отстающими и маломощными. С момента появления матриц, типографской краски и набора раскрытие гениальной суперлжи, прикрывающейся заботой о народе, счастьем, стабильностью, благополучием и созиданием выдающимися умами и личностями цивилизации системно ненавистно узурпаторам всех мастей по причине «опасности» образованных и думающих народов.

Методы, стратегия, механизмы и законы подавления масс систематизировались с рождения первых государств Европы, Африки, Азии, Ближнего и Дальнего Востока. С отходом в мир иной широкоизвестных владык, королей, султанов, халифов, цариц и вождей, а также их безымянной армии рабов, коэффициент полезного действия Системы имел место только при мирном освоении новых земель и Мирового

океана. Правда, единичные случаи «доброты» пришельцев бывали весьма редко, ибо за первопроходцами повсеместно «путешествовали» «кортесы», пираты и авантюристы. Некоторые из них несли «радость» и «свободу» малограмотным, отстающим (а иногда и развитым) народам благодаря поддержке властей своей родины золотом и оружием...

Немало трагичного на этом архисложном пути свершилось из-за ряда кощунственных нововведений систем религий — буддизма, христианства, иудаизма, ислама и синтоизма. Большинство «наместников божьих» прямо взывало к убиению «неверных», «язычников», «иезуитов», «еретиков» и «сатанистов», пропагандировало «святость» самоубийств и культ жертвоприношений.

Здесь кроется первый замес фундамента, под которым подразумеваются понятия: переворот, путч, хаос и международный террор. На каждом витке эволюции или деградации Гомо Сапиенса были и будут заново рождены эпитеты-термины взаимоотношений, основанных, в массе своей, на древней, а ныне культивируемой теории о «неугодности» национальностей. И так было всегда — в чьих-то преступных головушках зарождались планы порабощения и истребления себе подобных. Потому что «враги народа» были как внутренними, так и внешними, а де-

сятилетиями спустя боль притуплялась, оставляя мёртвых и живых под штампами идеологической, государственно-религиозной проказы...

Плодовитого червя, выращенного на смертельных уроках и удобрениях разнополюсных Систем из века в век пытались разрубить интеллектуалы и провидцы двух полушарий Земли. К сожалению, все Системы Госстроя имели и производят клапаны перекрытия свободно-инакомыслящих, способных повести за собой народы. Отпуск вожжей в пользу либерализации отношений, многопартийности, конституционных переработок, думства, парламента, монархизма, фашизма, пэрства и пр. лишь ухудшал обстановку в тех странах, где позднее из-за полит-бандитов происходили братоубийственные гражданские войны и другие рукотворные катаклизмы...

Система манипулирования сознанием и образом жизни широких масс в годы слабых попыток освоения близлежащего космического пространства изощрялась не только с помощью радиотехнической разведки, связи и Интернета, но и благодаря неумению и нежеланию народов профессионально отстаивать свои права на жизнь, мысль, свободу, наконец, идеальную всепланетную власть. Глумливое расширение сети прилипал на теле людском — бюрократов, ничего не производящих и ничему не обучаю-

щих «нью-спекулянтов», выгодно Системе подавления, ибо новым рабам быть под пятой эксплуататоров при своей аполитичности и непонимании каждого «Я» в обществе...

Обогащение бедами, шантажом ценообразования в быту, промышленности и в банковском секторе, т.е. благополучие семейств руководящих землянами ничтожеств, обеспечит перманентность механизма, ломающего души и судьбы в тон Системе, что мы придумали для себя же сами...

К чему же ублажать детей «Секретными материалами»???

*Июнь 2003 г. Орёл—Липецк,
«Путевые заметки».*

В ПАСТИ ЗЛА

*Была девчоночка — мечта!
Но стала секс-вальяжна.
Так погибает красота,
Когда она продажна.*

АДМИРАЛ НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ: ЖИЗНЬ В ОКЕАНЕ БЕСПРАВИЯ*

«Бей, но выслушай!»
Древнегреческий стратег
Фемистокл

Будущий адмирал флота Советского Союза, его признанный Герой, видный общественный и партийный деятель Николай Герасимович Кузнецов родился в печальный для России год — год русско-японского кровопролития на Дальнем Востоке. Кто из селян и гостей деревушки Медведки, стоявшей на берегу притока Северной Двины — Ухтомки, мог предсказать, что 11(24) июля вышел в мир крупнейший флотоводец и военно-морской стратег XX века? Конечно, никто из обременённых тяжким крестьянским бытом, живших в землях нынешнего Котласского района Архангельской области, ни в одном из снов не мог увидеть того, что даст простым смертным большевистский переворот...

*Печатается в авторском сокращении. 07.2004 г.

Двенадцати лет отроду, утратив отца, Коля идёт пешком в самобытный и суровый на нравы Архангельск. Его судьба, очевидно, сложилась бы традиционно для поморских юношей, но октябрьская революция, затем и Гражданская война перевернули и убили всё, что называлось и понималось под исконно русскими традициями.

Всенародная подоплёка разрушительного созидания, провозглашённого политавантюристами, злостными карьеристами и фанатами «народной свободы» привлекла паренька в местные Советы в 1919-м году. Видя и чувствуя значительные перемены, происходящие в жизнеустройстве общества, осознавая себя частицей пролетариата, Николай, обманув приёмную военкомиссию, приписывает себе два года и добровольно зачисляется матросом на Северо-Двинскую военфлотилию.

Нехватка знаний и профессионализма преследовали сына Герасима ежеминутно от подъёма до отбоя, в снах и размышлениях о своём жизненном пути, о предназначении человека. Он вступает в комсомол и выбирает целью жизни — Море, поступает в подготовительную школу ВМФ, посещает курсы военно-морского училища и зачисляется в нём на спецкурс, которые успешно заканчивает в 1921–23 годах. В составе флотской петроградской делегации Ни-

колай выезжал в Москву на похороны В. Ленина, где твёрдо решил вступить в ряды ВКП(б).

В 1926 году молодой моряк переводится на корабли Морских Сил Чёрного моря и попадает на борт крейсера «Червона Украина» на должность вахтенного начальника. Черноморский флот, утративший огромное число плавадиниц после разгрома П. Врангеля, отплытия остатков его войск и многотысячного крымского расстрела офицерства — получил очень способного командира и артиллериста, согласно характеристике училища им. М.В. Фрунзе:

«Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан. Говорит коротко, толково, командирским языком. Сжато, связно и грамотно излагает мысль письменно...

Общее развитие хорошее. Специальная подготовка отличная, политическая подготовка хорошая, отношение к службе отличное...»

«Червона Украина» становится альма-матер Кузнецова. Он учится сам, учит и воспитывает подчинённых, ищет пути строительства лучших взаимоотношений с коллективом, без которых невозможна служба на кораблях. Дух товарищества, революционная закваска, оставшаяся на устах со времён легендарного броненосца «Потёмкин», атмосфера чисто советского энтузиазма и подъёма общенародного сплочения сил служили делу защиты морских ру-

бежей Отечества. Волю, инициативность, порядочность и дисциплину Кузнецова замечает командование. Учитывая его растущий авторитет и будущность, беззаветную влюбленность в море, стремление к нововведениям, его направляют учиться в Военно-морскую академию.

Конец 20-х — 30-е годы — время жарких дискуссий по кораблестроению, предназначению и роли ВМС в среде Вооружённых Сил передовых держав мира. Речь идёт не только о самостоятельности, инфраструктуре, промышленном обеспечении и запасах природного сырья, но и корабельном приоритете в будущих войнах в классах: линкоры, авианосцы, крейсера, субмарины и эсминцы. В 1932 году крестьянский парень, прошедший суровую юность, схватывая знания на лету, с отличием окончил академию, где до него учились — Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, писатель В.И. Даль, художник В.В. Верещагин, композитор Н.А. Римский-Корсаков. Николай и его сокурсники гордились деяниями и заслугами этих людей, положивших жизнь и талант на алтарь Отчизны...

Выпускник, подававший большие надежды, был награждён именным оружием и направлен старшим помощником командира крейсера «Красный Кавказ». Через год Николай Герасимович — лидер в своих «пенах». Он командует «Червоной Украиной»,

разрабатывает кадровый вопрос, теорию манёвров и боевого использования кораблей, изучает иностранную и специфическую литературу по военно-морской тематике.

Крутая и беспощадная эпоха бросала Н.Г. Кузнецова на самые ответственные посты и точки, «штормила» его судьбу, словно в ревущих соколовых широтах, с добавлением силы ветров, дующих у мыса Горн. В 1934-м, будучи военно-морским атташе и главным военно-морским советником в республиканской Испании, он вплотную увидел звериное лицо фашизма, применив свой флотоводческий дар при проведении многих операций, в том числе при доставке вооружения и самолётов, предназначенных для подавления режима Франко. «Комарадо Николас» называли его интернационалисты. Его организаторскими способностями и братским расположением к испанцам восхищалась Долорес Ибаррури, сын которой, Рубен, будет сражаться на русской земле, командуя пулемётным взводом...

С оскалом японской военщины Кузнецову придётся столкнуться на озере Хасан. Действия тогдашнего командующего молодым Тихоокеанским флотом были взвешены, решительны и эффективны. Главком не страдал «звёздностью», был доступен и внимателен, постоянно следил за манёврами и боевыми операциями германс-

ких, итальянских, французских, английских и японских адмиралов — Дёница и Редера, Сансонетти и Рикарди, Жансуля и Годфруа, Каннингхэма и Тови, Нагано и Ямамото...

Он всегда считал, что фактор внезапности можно упредить, частично смягчить его ураганную силу, если заблаговременно чётко отладить систему оповещения, единство взаимодействия армии, авиации и флота, а также стремился укрепить оборонительную линию баз и береговых коммуникаций, настаивал на внедрении разведавангарда на порядочном удалении от последних. Поиск новых форм в использовании надводных кораблей, подлодок, авиации, радиолокации и средств обороны в случае возникновения военных конфликтов или затяжных боевых действий, переходящих в прямую агрессию, — был стратегической линией в деятельности высокоодарённого аналитика.

Период 1937–38 и последующих годов заклеимён гнусностью кровавых и моральных преступлений тоталитаризма. Под эгидой «борьбы с врагами СССР» только в названные годы страна лишится сорока четырёх тысяч человек из состава сухопутных войск, ВМФ, ВВС, военвузов и ОСОАВИАХИМа. Цифры ГОРЯ НАРОДА наверняка занижены историками и наркоматчиками эпохи, стука, затем их сыновьями-дочерьми. Боли сердца и разума в их

материалах вы не увидите по причине: «Давно это было»...

В это страшно-смутное, непредсказуемое время капитан II ранга Кузнецов, не жалея себя, трудится заместителем главкома ТОФ, объезжает эскадры и штабы, много времени работает с личным составом кораблей, морской авиации и служб обеспечения флота. Невыносимо трудно представить новому поколению, в какой обстановке приходилось работать: командующему Балтийским флотом адмиралу В.Ф. Трибуцу; командующему Черноморским флотом вице-адмиралу В.Ф. Октябрьскому; командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И.С. Юмашеву; командующему Северным флотом контр-адмиралу А.Г. Головкину... Прошли «галсы возмужания» в высших партийных инстанциях начальник Главморштаба, позднее репрессированный адмирал Л.М. Галлер, товарищи В.И. Зоф и В.А. Алафузов.

Были расстреляны выдающиеся флагманы, строители и флагманы флотов Советской России, либо умерли в ссылках, на этапах и в тюрьмах, пострадали вместе с семьями Э.С. Панцержанский, Р.А. Муклевич, В.М. Орлов, М.В. Викторов, К.И. Душенов, П.Е. Дыбенко, Г.С. Окунев, И.М. Лудри, И.К. Кожанов, Ф.Ф. Раскольников, Г.П. Киреев, Б.Е. Алякрицкий, Г.Г. Виноградский, А.В. Васильев, Н.В. Алякринский, Г.П. Галкин и многие другие. Ничуть не легче

дышалось командующим и политработникам Пинской, Дунайской, Азовской, Каспийской, Волжской, Амурской и других малых речных и озёрных флотилий. При этом — Вермахт, Люфтваффе и Кригсмарине усиленно и качественно вооружались, цenia голову любого специалиста дороже золота.

Разумеется, тысячи Кузнецовых бесправно существовали в острожном страхе, пугаясь малейшего шума от всепогодного движенья всезонного «чёрного воронья», закреплённого прерогативой законных «троек». В 1939 году, после убийства наркомов ВМФ П.А. Смирнова и М.П. Фриновского, чиновников, весьма далёких от проблем флота, на пост народного комиссара флота СССР назначается бывший главком ТОФа Николай Герасимович Кузнецов. Самому молодому из всех командующих ВМС в мире, 36-летнему флагману было присуще щемящее чувство тоски и боли за судьбу Родины, живущей накануне войны. Он сменил Фриновского, большого «лоцмана» по составлению политических досье на офицеров, старшин, курсантов и матросов, итак отлочно профильтрованных перед службой на флоте. Душа моряка и корабля понимались новым командующим через единство чести, благородства и достоинства, завещанное историческими традициями волевых и справедливых адмиралов парусного и броненосного флотов.

Новый нарком, памятуя о шефе Абвера, адмирале В. Канарисе, уделял большое внимание заграничной агентуре отечественной разведки. Так, получая донесения от военно-морского атташе в Берлине Воронцова, ссылавшегося на данные советско-подданого еврея Бозера, он сделал для себя пророческий вывод: Бозер-Бозером, осторожность генштабистов, ещё веривших в договор о ненападении, — осторожностью, а флот — зеркало воинской доблести, о б я з а н спать начеку. Зная, что человек с трубкой суров, зорок и всепроникающ, что с ослушниками он расправляется, не моргнув глазом, Кузнецов, на свой страх и риск, сделал упреждающий шаг, переведя флоты в боеготовность № 2 18–19 июня 1941 года. Оперативная настороженность и желание, хотя бы минимально подстраховаться на момент «казуса белли», подкреплялись ещё раньше жёстким приказом от 5 июня: «Обнаруженные недочёты фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить мне как о чрезвычайном происшествии. Выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»...

Как корабельный колокол ударяет сознание мысль: что было бы, напиши какой-нибудь «умница» донос на Кузнецова? Возможно, говоря флотским языком, «обрезали не только нос, но

и корму», несмотря на запрет в законе судо-
вождения. Или, другими словами, вообще по-
ставили крест на «внеплановом» патриотичес-
ком «крейсерстве» адмирала...

Многое передумал народный комиссар, виде-
вший до этого в прессе и в жизни, как летят голо-
вы маршалов, генералов и флагманов, диплома-
тов и политработников флотов, деятелей искус-
ства, науки и культуры. Он знал про цепь зага-
дочных самоубийств и «пропаж» из домов квар-
тир преподавателей, академиков, финансистов и
директоров, красивых студенток и наркомов. И
всё же — за 4 часа 10 минут до нападения гитле-
ровских полчищ, по всей Госгранице СССР, он
решился привести флот в полную боевую готов-
ность. Великую ответственность взял на себя
Николай Герасимович, подписав шифрограммы
всем флотам Союза ССР. Все — от офицера до
матроса — поняли, ЧТО означали его слова:

«Немедленно перейти на оперативную го-
товность № 1.

21 июня, 23. 50 мин. Кузнецов»

Шифровка шла две минуты. Её значимость
сказалась сразу же: внезапные атаки врага повсе-
местно наткнулись на огневую мощь флота. Уп-
реждающие мероприятия, проведённые в начале
июня, не позволили агрессору применить такти-
ку диверсионной борьбы с советскими кораблями.

Успешное отражение превосходящих сил противника в первый день войны позволило сохранить в строю все корабли и подлодки, исключило шансы разрушения военно-морских баз. Потерь не было. А могло быть иначе, не будь кузнецовского сверхоперативного вмешательства! Заслуга в этом наркома ВМФ очевидна и не подлежит забвению. Если бы на всех участках обороны, будь то застава, армейская часть, танковое соединение или автобат, авиация на аэродромах, командиры различных рангов вплоть до Кремля проявили предусмотрительную инициативу, подобную поступку морского стратега, не было бы уничтожено 1200 самолётов (из них только на земле 800!); не было бы захвата техники и массового пленения, а Красная Армия не отступала бы по всему фронту...

Жёсткая принципиальность адмирала неоднократно ставила его судьбу под знак вопроса, пугавший родню, добропорядочных друзей, коллег и знакомых. Его высоко ценил Франклин Рузвельт и командующий ВМС США адмирал Эрнест Кинг, с которым он имел серьёзные беседы. Самоуверенный Уинстон Черчилль считал Кузнецова прирождённым моряком, выделяя его при встречах на Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств-союзников. Сложные отношения сложились у него с И. Сталиным, и — особенно — с Г. Жуковым. А Гитлер негодовал до конца жизни, вспоминая, под чьим руководством впервые бом-

бился Берлин, подвиги Маринеско и Гаджиева, ставшие всегерманской трагедией. Японцы познакомились с Кузнецовым ещё до войны, когда военно-морской атташе в Берлине контр-адмирал Т. Ямагути останавливался проездом в Москве. В скором будущем, ближайший соратник главкома императорских ВМС Японии И. Ямамото, погибнет смертью храбрых в авиационно-корабельной сече у Мидуэя, оставшись на борту затонувшего «Хирю»...

Кузнецову бы доверить не крейсер «Червона Украина», а тяжёлый авианосец «Красная Россия» или «Ленин». Но и тут ирония жизни зла систематически унижаемого наркома: как ни защищал он перспективность авианосцев, видя успехи Японии, Англии и США, этих кораблей не существовало ни на стапелях, ни на воде. «Авианосное дело» осталось на «мёртвом» якоре — к мнению заслуженного авторитета отнесутся с арктической холодностью по всему «трапу» великодержавной и партийной иерархии...

В год Всеобщей Победы стран Антигитлеровской коалиции над «Осевым» триумvirатом Николай Герасимович награждается Золотой Звездой Героя Советского Союза. Прослужив главкомом ВМФ ещё год, он понимает, что недолюбивание верхов обрастает тралом интриг. Его постепенно понижают в должностях, назначая куратором Управления Высших военно-морских учзаведений, затем — заместителем

главкома войсками Дальнего Востока по ВМС.

Анализируя плавание в Океане Бесправия, Кузнецов, будучи сам человеком-архивом и крупной исторической личностью, имеет мужество сесть за мемуарные книги «На далёком меридиане», «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе». Наиболее значимыми из них, на авторский взгляд, являются «Крутые повороты» («Из записок адмирала»), так и не вышедшие полновесной бесцензурной книгой.

Военно-морской министр в последние годы жизни Сталина, затем 1-й замминистра обороны СССР — главком ВМС, член партии с 1939 по 55-й год за серьёзные разногласия с Н. Хрущёвым оказался в отставке.

Прежде чем оставить этот бранный мир в 1974 году, моряк завещал потомкам: «Бывает, командиру приходится действовать круто, говорить резко, но и тогда в его словах и поступках не должно быть и тени высокомерия, безразличия к людям. Этого никогда и никому не прощают.

Печально, что власть поняла Истину лишь в 1988 году, восстановив Николая Герасимовича Кузнецова в звании Адмирала Флота Советского Союза с тягостной приставкой от имени Родины — (посмертно)...

Июль 2004 г., Орёл —
Москва — Подольск — Орёл.
«По ухабам Отечества»,
«Путевые заметки».

ВЕРНЫЕ ВЕЧНОСТИ

(Русский взгляд на «проблемность» евреев в России и Мире на примере рецензии книги «Евреи Орловщины. Лабиринты нашей памяти»)*

*«Да будет проклят
не знающий себя народ!»*
Книга Мудрых

У всех существующих на Земле рас, наций, народов и нацменьшинств своя долгая и предельно сложная история, изобилующая славными и горькими фактами. Войны, религиозные, захватнические и внутриотечественные гонения, непримиримость по крови, вероисповеданию и идеологии, территориальные конфликты и теория «избранности расы» неоднократно истребляли лучшие помыслы человека, фактически уничтожая его, как живое существо.

Русские страдали и гибли от половцев, монголо-татар, Ливонского и Тевтонского Орден, от турок, французов, шведов. Китай раздирали извечная междоусобица и позднее — Япония. Португалия, Голландия, Испания, Англия проводили жесточайшую колонизацию Африки, Индии, двух Америк, Австралии и Океании.

* Публикуется в авторском сокращении. — В.Р. 10.12.2005 г.

Германия, Италия, Ватикан искали с мечом и огнем Гроб Господень и сокровища фараонов в священных землях Северной Африки. Могущество Рима, Стамбула, Москвы, Лондона, Парижа, Мадрида и Лиссабона строилось на крови и неопикуемых трагедиях народов, отлитых в золото, драгоценные камни, в бесценные богатства предшествующих поколений. Нечеловеческая алчность, святотатство, реваншистско-геополитические и гигантоманские утопии, стремление к рабовладельчеству раз и навсегда опозорили династии Великих Моголов и Цин, Александра Македонского и бонапартистскую Францию, глубокопорочный клан Цезарей и Атилла, всех фараонов Египта, Креза, Дариев, халифов, калифов и эмиров милостью Аллаха, Романовых и Виндзоров. Лидеры Палестины тоже не отличались миролюбивостью...

Императорская династия Японии вольно или невольно санкционировала экспансию в Корею, на острова Тихого океана, но и её «правили» жерлами корабельных пушек «миротворческие» европейцы, к тому веку уже «распотрошившие» инков, майя, ацтеков, ирокезов, апачей, навахо, полинезийцев и эскимосов. Восстания Спартака, Болотникова, Разина, Пугачёва, сипаев, «боксерские» и «рисовые» бунты подавлялись изуверскими методами в худших традициях международной диктатуры и инквизиции. Под их колоссальный

пресс и гильотинообразный молох всегда и везде попадали и планетные скитальцы — евреи...

С ветхозаветных времён Ирода и по сей день велико и кроваво противостояние мирового еврейства с арабско-исламским миром и погромно-антииудаистскими силами, видящими в сионизме планетарное зло. Рискнём, хотя бы поверхностно, разобраться в сверхнаболевшей проблеме, имеющей сотни (если не тысячи) мини-проблем...

Мучения, унижения, ограбление, дикриминация и уничтожение еврейского народа стартовали и обрушились на него в полную силу с момента предательства Иисуса Христа. Вечноживущее проклятие, нависшее Дамокловым мечом над многострадальным народом, сопровождало его повсюду по новым и новым Голгофам. Не имея Родины в рамках официоза государственно-конституционного образования, еврейская нация, как никакая другая, зажималась негласными законами самовывживания, совершенствуясь на стезе общенационального образования и придворного фактора. Не обременённая путами земледелия и круглосуточной кабалой животноводства, она концентрировалась в городах, где повсеместно стремилась открыть своё дело, т.е. частный бизнес. По мере прогрессирования цивилизации в него входили: артели по пошиву и ремонту одежды, ростовщичество, ломбарды и ювелирное

дело; врачебная практика общепринятой и нетрадиционной (экстрасенсорно-парапсихологической) медицины; газетно-книгоиздательская деятельность и фотография; полный спектр бытовых услуг и обслуживания населения; кинематограф, театр, фармацевтика; мастерские по ремонту малогабаритных транспортных средств и курсы по обучению их вождению: частные репетиторство, пансионаты, колледжи, школы, юриспруденция, законодательство, сделки с недвижимостью, игорные дома, тотализатор, банковско-внешнеторговая деятельность; строительство объектов, имеющих прямое отношение к профессиональному назначению всего вышесказанного; благотворительная, меценатская и музейная деятельность; радиотелевещание, широкомасштабная оптовая торговля, изобразительное искусство; все виды и направления науки, литературы, эстрады, туризма, цирка и музыки...

Главенствующим аспектом в жизни в основном многодетных еврейских семей являлось обязательное высшее (а иногда и неоднократное) образование. Евреи дали на пользу (и, к сожалению, во вред) планете величественную и непревзойдённую плеяду талантов — математиков, физиков, врачей, инженеров, писателей, художников, музыкантов, композиторов, скульпторов, конструкторов, государственных, общественных и политических деятелей.

И если польза известна всем, отмечу, что вред явится синонимом самого разрушительного и античеловечного оружия.

Сплочённо держась друг за друга на протяжении своей многовековой истории, еврейские диаспоры материков, стран, губерний, регионов и префектур выработали и осуществили стратегию самосохранения нации с единовременной модернизацией её интеллектуального роста в ритмах цивилизации. Совершенствуясь в знаниях, они поддерживали социально-гражданские течения и революции, участвовали в разработке философско-математической модели Мира, воздействовали на общество своеобразными концепциями в СМИ, являлись движущей силой многих партий, идеологий и эпохальных открытий...

Обособленность и местами скрытность евреев обуславливалась наследственным страхом за свои семьи, порождённым ярко выраженной ненавистью и юдофобствующими настроениями того национального большинства, где по «жребию» судьбы проживали евреи. Скрытность формировала сплетни и слухи, добавляя огня до и после «Дела Бейлиса», Кишинёвской резни и прочего, пока ещё секретного вандализма по отношению к рядом живущему...

Безостановочная трагедия и путь нации в XX веке — канва книги «Лабиринты нашей памяти». Только в августе 2005 года

осуществилась давняя мечта евреев Орловщины: вышло в свет мемуарно-документальное произведение, призванное снять пелену недопонимания, невнимания и незнания с широкого круга русскоязычных читателей. Исторические этюды А.А. Манишиной, Б.С. Вишневской, А.Ю. Сарана, С.С. Швачко, по словам автора вступления, профессора Г.Я. Узилевского, олицетворяют «прошлое как урок настоящему и назидание будущему».

Обобщая материалы Государственного архива Орловской области и областного краеведческого музея уважаемые авторы и соавторы на фундаменте документов и личных воспоминаний создали раритетный фолиант по былой и новейшей истории евреев. Бессмертной скорбью и позором России и через годы тревожным набатом звучат и осмысливаются работы Б.С. Вишневской — «Кровавые истории 1905–1906 годов в Орловской губернии», «Город Орёл и история Кровавого Навета», «Установление диктатуры пролетариата на «еврейской улице»...», «Мы живём в этом мире, если рядом есть близкие»...

Автор рецензии не понаслышке знаком с данной тематикой, ибо родился и рос на бывшей Болховской, ныне Ленинской улице, учился и окончил Орловский педагогический институт. Взволновали русскую душу статьи «Они сеяли разумное, доброе, вечное...» Р.И. Кесельман, тщательно-скрупулёзная работа извест-

ного филателиста А.Ю. Сарана «Еврейское население на Болховской-Ленинской улице г. Орла». В призме времени и межконфессионального анализа поучительно воскрешение труда М.Л. Гольдберга «Пионерство в деле территориализма» в подготовке Б.С. Вишневской. Знаменательны и важны материалы «История синагоги в городе Орле», «Еврейская община в Орле», публикации из Фонда 672 о полицейском надзоре о высылке евреев, метрические таблицы орловской диаспоры.

Великая Отечественная и Вторая Мировая война остались незаживающим болезненным рубцом в эволюции всех без исключения народов. Советский народ — общенациональное ядро богатейшей части Евразии, с честью и славой выстоял и победил главных врагов Человечества — фашизм, нацизм, милитаризм. Беспрецедентный в истории Холокост почти обескровил еврейский народ, и тем пронзительней воспоминания, выживших в антисемитском аде — «Дорогами войны» В.Н. Дымшица, «Немного о моих родителях» С.П. Гуревича, статьи Е.Е. Гейдман и Г.С. Гофмана. Весьма поучительны, искренни и отечестволюбивы мемуары «Всё остаётся людям...» авторства Ю.С. Збара, «Некоторые заметки из орловской жизни» Н.М. Кирилловской, статья В.А. Карлова о судьбе литератора Я.В. Фарфеля (Волкова). Особого внимания и изучения заслуживают жизнь и творчество

Э.С. Менделевича, жёсткого правозащитника и борца, эрудита и книгочея, автора глубоких исследований по истории евреев и наследию М. Волошина*.

Читатель любой национальности немало удивится и осознает, прочитав «Родные на фото...» Г.Б. Клямкина, повествующее об ужасах войны, автобиографическо-эмигрантскую эпопею семей Гирсон—Чернпера, Л.М. Кожевниковой. Ныне гражданка Израиля Т.И. Кравчук преподнесла на суд поколений историю своих родителей. Мать сидела в тюрьме по пресловутому «Делу врачей», а отца исключали из КГБ и армии, отбирали партбилет, ибо он не мог «быть чистым», если жена еврейка. Нечто подобное мы все помним на примере Сергея Есенина. И всюду — гонения, бесовщина, ежовщина и бериевщина, расстрел невинных евреев и русских в Медведевском лесу, травля детей, ссылка в ГУЛАГ, лишения, вынужденная эмиграция, сокрытие и попрание корней и веры ради одного: В Ы Ж И Т Ь...

Без тени сомнений, на любой вкус, ум и интеллигентность, «Лабиринты нашей памяти» — знаменательная веха в историографии Орлов-

*См. замечательные труды авторства Э.С. Менделевича: «Предания и мифы Ветхого Завета / Прочитаем Евангелия вместе», Орёл, 1999; «Прошу дать мне слово», Курск, 2002; «История в поэтическом мире Максимилиана Волошина», Орёл, 2005.

щины, да и России в целом. Если бы каждый русский, казах, нанаец, эскимос, чукча, украинец, белорус, мордвин, калмык, чеченец, грузин, такжик, киргиз, узбек, помор, волжский немец, башкир, татарин — если бы мужчины и женщины в понятии и границах бывшего СССР смогли так же хранить и почитать собственных предков и Родную Историю, ни одно из государств не понесло бы тех невосполнимых потерь, что мы знаем и видим сегодня. Здесь прячется «ключик» антисемитизма, скинхэдства, демагогического шовинизма, псевдорусского патриотизма. Тут скрывается король предательства, не имеющей национальности, будучи одетым и голым. Остаётся надеяться на нить Ариадны, ибо Минотавров и Единорогов мы уже проходили, злобствуя, любя, донося и ни за что погибая...

10 декабря 2005 г.,
г. Орёл.

А.А. Иванов

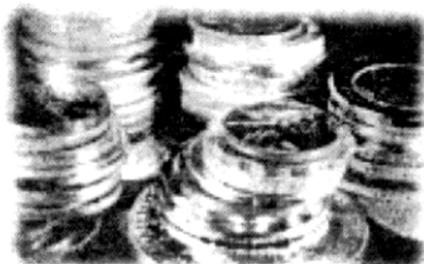
Явление Христа народу (Явление Мессии).

«МОНЕТИЗАЦИЯ» ДУШ

Капиталистический уклад общества, накрывший Россию, словно «цунами» экономическо-рыночных преобразований, очередной раз подтвердил людское хищничество, действующее методом естественного отбора.

Но если естественный отбор ассоциируется с краткостью и «болячками» человеческой жизни, с внешними факторами и политикой государства,

то неестественный отбор отдаёт откровенным провокаторством и предательством своих своими же...

Мудрость — «Свои опасней ворога» — раскрывает не только русскую пантомимность и коварство, но и урезонивает «обрусевших» паспортистов, выведших за пределы лица личности графу «национальность». Ряд принятых законов последнего десятилетия, как и само поведение и точка зрения «народных избранников», обнажили донельзя виток узурпаторства и инквизиции под личиной «цивилизованной демократии». Откуда же эти пара-

зитство и бездушные прилетели на нашу Землю? Почему «перевёрточность» и «перекрашивание» стали модными и отчего повсеместно царит полнейшая безответственность власть предержащих перед родным народом???

Люди, родившиеся на одной земле, воспитанные общими канонами, войной, репрессиями, голодом, послевоенным строительством и целиной, проявляют подсудную изобретательность, не давая дожить спокойно тем, кто заслужил Эльдорадо своими ратными и трудовыми подвигами.

Конечно, одиноким старикам из глубинки монетизация греет стол, руки и душу. Многие пенсионеры и ветераны уважают президента, потому что «раньше было хуже». А что делать тем, кому жизненно необходимо передвигаться в больницы райцентров еженедельно? Как поднимать землю и сады дачникам, на чём ехать на рыбалку малоимущим? И так разорвали родню во всех направлениях, душат ценами за проезд и ростом почтово-телефонных услуг — где же стыд перед отцами и матерями? Или повзрослевшие дети из инопланетной «капусты» вышли? Каким эпитетом можно окрестить тех, кто отбирает жалкую подачку государства, и реально ли вообще для этих нелюдей крестное знамение?!

Категория приспособленцев, катающаяся на седине, терпении и кроткости предков, рано-

вато подзабыла, кому обязана жизнью и свободой. Диктаторский новогодний удар, спланированный и введённый тихой сапой («Авось, проскочим!), символизирует и изображает того, кто не достоин приближаться к законодательству даже на десять миль...

«Январско-февральские льготные бунты» останутся в истории Отечества синонимом предательства сограждан избранными ими же лжепатриотами. Весь положительный задел В.В. Путина в одночасье забыт. Думается, если бы не начало года и финансово-организационная подоплека жёстко-карательных мер, он распустил бы кабинет министров и прочих «избранников»...

Судьба людей, транспортных артерий и подвижного состава общественного транспорта действительно тяжела, но не настолько, чтобы санкционировать гражданско-социальный кризис, революционную (ситуацию или возможность использования людских ресурсов в политическо-корыстных целях.

Меры, принятые самоуправленцами регионов, показали, что местная власть более внимательна и уважительна к соотечественникам. Однако общая горькая обида и сверхэмоциональное возмущение остались затаены, а общее лицо правительства для многих ненавистно, несмотря на «антибунты» в поддержку монетизированных реформ...

Единение общества, провозглашённое разобщителями единения, их метания и вальсирование от страха перед отставкой и роспуском показали интриганство, подхалимаж, нездоровую кулуарность и флюгерманство, «сверхзабоченных» кремлёвско-думских фари́сеев.

Не пора ли нашему издёрганному в быту населению более серьёзно относиться к выборам, дабы потом не кричать о вотуме недоверия и не радовать себя и детей полгрошовой медью?

Неужели и сегодня желудок и матблага перетягивают сердце и разум на весах жесточайшего противостояния Добра и Зла???

Январь-февраль 2005 года,
г. Орёл.

ДЕПУТАТ-«КНИГОЧЕЙ»

Как ни просили мы героя
Помочь в изданьи наших книг,
Кивал он важно головою,
Но в книжном деле не был сдвиг.

— На скрепки нет. Без денег — вою,
Прозящих много... Я — один...
Но в центре города построил
Для сына книжный магазин.

ЗАКРЫТИЕ ОТКРЫТЫХ ПИСЕМ

Не додумаешься и в века, до чего дожила обожаемая Орловщина в годы единой демократизации и реализации нацпроектов. Областные СМИ, минуя Федеральную почтовую службу, на курьерах, заговорщиках, доброхотах и корыстолюбцах, разразились «открытием 2005–2006» — публичным кверуляньем на народные и чужеродные деньги...

Скриплю по утренней Ленинской, стряхивая иней с воротника, и думаю о пределах человеческой всепорочности. Предпринимательница, журналист, кремлёвец и кто там ещё — «сражаются» с губернатором. Писатели и самопровозглашённые «политологи» запоздало «клюют» на провокации. Мэрия смотрит на Обл. Думу, Обладминистрация — на Горсовет... Грустно зажилось, или не хватает хлеба при «свободе слова»?

Одумайтесь, иногородние «святошеньки» и местные правдоманы! Где вы были со своими смелостью и знанием жизни в самые сложные, и ответственные дни в истории Государства Расейскаго?! Начинали ткать паутину реваншистского заговора, вербовали «шестую колонну» или тряслись на голодном пайке вместе с детьми на дачах? Смеялись над людскими трагедиями или обогащались на несчастиях большинства. Мечтали о каботажной и заокеанской эмиграции? Спивались, лечились, круиз-

ничали, открывали торглицензии за «отмытый» партийный счёт? Троились в должностях, позициях, мнениях, личностях?! Врали обществу, пиарствуя лжепатриотику и «гениальность» своих многолетних макулатур из стола??? Цензурировали СВЯТОЕ?!

Вразумитесь, публичные и теневые, господа-товарищи сутяги! Работайте на пользу и благодать России, не покладая голов, рук и ног. Беспокойтесь сердцем и душой за судьбы человеческие — невидимые, но МОГУЧИЕ! Что же упадничаєте пофамильно, не корректируя и не редактируя самих себя? Отчего мельчаете при госстатусе? Зачем прикрываетесь Силой и Верою Сына Господнего — больше нечем заниматься как склочничать и плаксивиться по морозам и оттепелям???

Никому не нужно и не важно, что вы болеете, что вы — псевдорусские, загородные, иудародные. Никого не интересует, что у вас нет денег и таланта. Никому не стало легче и лучше от вашей «открытой переписки». У вас один козырь — возможность публиковаться без боя...

Задумайтесь, постаревшие и стареющие интеллигенты, о собственных предназначении и роли в Мире. Ужели вы, годами продоив бюджеты всех уровней, наконкурсировавшись, напремировавшись и заюбилеившись лауреатно, позабыли Истину, открывающуюся строго круглосуточно трудящемуся?!

Подите до боли и невзгод народа. Подымите на бумагу пласты истории Мира и Родины. **ИЗУЧАЙТЕ ЧЕЛОВЕКА!** Лечите его словом и мощью мыслей. Ведите антивоенную деятельность от рассвета до заката. Вникайте в каждую профессию на Земле. Вы, экс-христопродавцы, косноязычные демагоги, предатели ветеранов, СССР и КПСС, вы — армия шутов на папирусе нового века и тысячелетия, промойте былью глаза и уши! Докажите (и не один раз!) обществу, расам, религиям, столицам, свою **р а з у м н у ю**, а не тяжбную необходимость...

Тем для работы — больше снега и обилия вешних вод. Кланяйтесь, дармоеды, крестьянам. Трубите утренним горным гимн рабочим и медикам. Поклоняйтесь предкам, усмотрите главности планетарные, от которых отвернулись десятилетиями! И узрейте до встречи с землёй и небом, до приёма Богом ли Дьяволом, — быть вам под жестоко-правдивым спросом за деяния между открытыми письмами...

Февраль 2006 г.,
г. Орёл, «По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).

* * *

Р.С. Письма пишут разные:
Слёзные, болезные.
Иногда — прекрасные,
Чаще — бесполезные.

К. Симонов

М. АННЕНКОВА
Н. ЕРМАКОВ

«НЕ ЛЮБИТ ПРАВДА ПЫШНОЙ ФРАЗЫ...»

Среди тысяч и тысяч книг, которыми сегодня заполнены прилавки книжных магазинов и развалов, эта, может быть, не сразу привлечёт внимание читателя: небольшого формата, неброская в оформлении, книга Виктора Рассохина «Шапка Мономаха» (Орёл, Добровольное общество «Книга», 1992 г.) кажется «золушкой» рядом с роскош-

ными «суперами» столичных издательств. Однако, орловский читатель не пройдёт мимо неё: имя этого поэта хорошо знакомо ему и любимо. Поэтому новый томик его стихов и поэм для орловца — радость.

«Шапка Мономаха». Так назвал В. Рассохин одну из своих поэм, так назвал и свою книгу. Почему именно этот образ выбрал поэт как символ своего творчества? Почему не «Золотую кувшинку» (название поэмы-посвящения Исааку Левитану), более тонкий и одухотворённый, в конце концов, просто нестандартный образ? Да и обязывает «Шапка Монома-

ха»: в самом этом словосочетании — фразеологиче-
ске уже заложен для русского человека целый ряд ассоциаций: культурных, исторических, литературных. Откройте книгу, начните читать (хотите — по порядку, хотите — с середины) и все вам станет ясно, вопрос мой получит ответ как бы сам собою: это стихи, это стихи, написанные в лучших традициях русской гражданской лирики.

О том, что Виктор Рассохин — традиционный (в хорошем смысле этого слова) поэт говорят не только размеры его стихов («Да и сам я, грешным делом, не новатор на язык. Белый стих? Не смыслю в белом. От гекзаметра отвык») и не столько эта «традиционная» ритмика, сколько прецедентность тематики рассохинских стихов: здесь вы встретитесь с реминисценциями и из Пушкина, с его темами Петра, Невы и с лермонтовским тоскующим гением. Но только всё это не подражание, не простое заимствование: стихи Рассохина — современное переосмысление понятий: власть и государство, сила и стихия, трагедия, честность, порядочность, ложь... Потому и главные герои его стихов, как правило, простые люди, наши современники, наши земляки, деревенские и городские. Потому и размышления о добре и зле навевают поэту не только Исаакий и Нева, но иobelisks над могилами афганцев, но и страшна правда тридцатых.

КАЛИНИНО

ЛИВНЫ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н.Н. Поликарпову

*Мы славим лётный
подвиг земляка,
Творил он в
огнедышащем режиме.
И прежде, чем взлететь
за облака,
Земные крылья быть
должны тугими.*

* * *

Школьникам — новые издания

ОРЛОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПОДАРИЛИ ЗАВОДУ СВОИ КНИГИ

В акционерном обществе «Промприбор» побывали известный орловский прозаик и поэт Виктор Васильевич Рассохин и его сын Сергей, молодой литератор и художник. Гости презентовали на предприятии новые книги и общались

на предмет своего литературного творчества с генеральным директором Николаем Ивановичем Кобылкиным, вручив ему свежие печатные издания.

Виктор и Сергей Рассохины выразили глубокую благодарность нашему руководителю за материальную и моральную помощь на многолетних этапах творческой деятельности. ОАО «Промприбор» отмечен в почётном списке промышленных предприятий и организаций Орловской области, России, СНГ и зарубежья, которые оказывали содействие авторам при подготовке и печати книг. В этом ряду также ЗАО «Дормаш», СПЗ, ливенское ОАО «Этанол» и другие.

В солидное книжное издание «Ток» вошли избранные произведения Виктора и Сергея Рассохиных исторической, гражданско-социальной, политической и международной тематики. Широкому кругу читателей представлен достаточно редкий фолиант стихотворений, прозы и переписки.

Книга снабжена цветными иллюстрациями. Есть здесь фотографии и наших земляков — Ю.В. Коростелкина, бывшего главы города Ливны, Н.И. Кобылкина, генерального директора ОАО «Промприбор», А.Т. Морозова, генерального директора ОАО «Ливенское мясо» и многих других.

Ещё одна новая совместная книга отца и сына под названием «Небесные снайперы» рассказывает об участии французских лётчиков знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман» в героической борьбе с фашизмом.

Сергей Рассохин посвятил книгу «Тихие Гавайи?» фрагментам Второй мировой войны, противостоянию Японии и США. По его признанию, он долго работал с архивными материалами, освещающими пути развития Родины и мира.

Будучи отличником ВМФ, Сергей увлёкся романтикой и суровостью моря. После службы учился в институте. Он сам занимается художественным оформлением книг и готовит иллюстрации.

Все названные книги находятся также в Президентской библиотеке РФ, распространялись среди посольств держав-союзников СССР во Второй мировой войне, среди армейской элиты.

Валентина Дорохова.

«Приборостроитель», № 5, май 2007 г.

Налёт на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года.

Рис. С. Рассохина

ЗАБЫТОЕ ДОБРО

У. Черчилль, Ф. Рузвальт, И. Сталин на Ялтинской конференции. 1945 г.

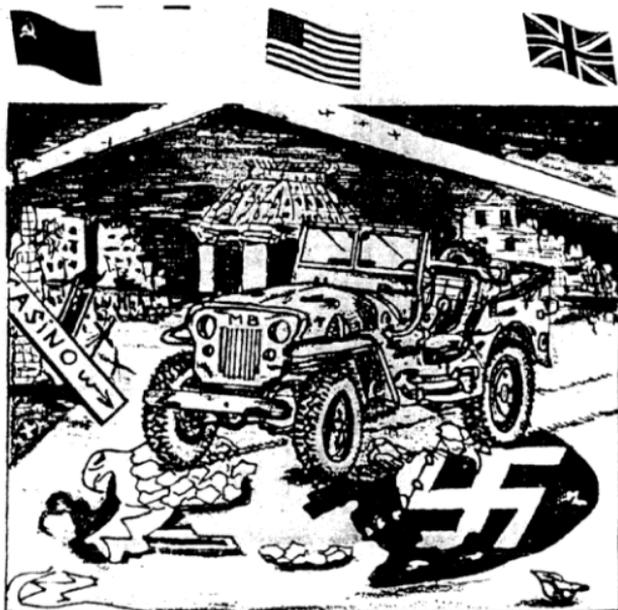

Рис. Сергей РАССОМНИН

Поводом для этой работы* послужили факты истории, совпавшие с моим детством. Когда началась война, мне было два годика и всё, кроме ужаса отступления в ходе эвакуации, со временем стёрлось в памяти. Кое-что с годами переосмыслилось и дочиталось. Немалую лепту в раскрытие истины привнесли архивные документы и встречи с ветеранами Второй мировой, прошедшими ад в Европе, Азии и на Тихом океане.

Тяжко забыть, как на площади провинциального городишки под охраной НКВД жгли вещи и провиант, хотя их надо было просто подарить людям, осмелившимся остаться под игмом оккупации либо не успевшим выехать до её кошмарного начала. Матушка моя, Ольга Ивановна и отец, Василий Фёдорович, к горькой боли моей, оставили меня преждевременно. Но помню, как досталось мне от сестры матери за порчу заокеанских штанов, которые были крепче «коттона».

Помню голод и пропажу людей, а потом — фунт бекона, банку тушёнки, кулёк яичного порошка и жирнющую селёдку, растянутые тёткой на полторы недели для семерых. Я не думал тогда о вкусе, добротности, свежести и цене. Но хищный орёл и иностранные буквы

* Газетный вариант — В. Р.

на банках надолго запечатлелись в сознании вместе с фразой нищенствующего шахтёра дяди Коли: «Наминай, Витюшка, Америку!»

Американский народ помог нам не только продуктами питания, тёплой одеждой и медикаментами, но и 14 795 самолётами. Взаимопомощь союзников организовывалась значительным образом. Судите сами, ибо СССР получил по ленд-лизу: 105 десантных судов, 140 охотников за субмаринами, 96 торговых судов и танкеров, 28 сторожевых кораблей-фрегатов, 202 торпедных катера и три современных ледокола. А ещё — 375 883 грузовика, 8701 трактор, 51 504 «Джип-Мэна», 7537 танков различных моделей, а также 35 000 двухколёсных друзей армии, в большинстве — одиночных «Харлей-Дэвидсонов».

Кроме того, в Россию были поставлены 8218 зенитных орудий и 132 000 пулемётов, 345 000 тонн взрывчатки и 3 800 000 автопокрышек. Нельзя вычеркнуть из истории 1981 новенький паровоз, 11 300 платформ и вагонов, доставленных благодаря напряжённой работе Дальневосточного пароходства, его начальника К.Г. Кондратьева, капитанов Г.А. Мезенцева, К.С. Бадигина, многих других коллег и героев Северного Флота и Мурманского пароходства. В общем деле велики заслуги уполномоченного закупочной комиссии на западном

берегу США Л.И. Разина, начальника комиссии П.М. Захарова, комиссара авиагруппы по перегонке «Каталин» Н.Ф. Пискарёва, главы Управления «Ленд-лиз Корпорейшн» Э. Стеттиниуса, «отца» моторной корпорации в Сан-Франциско и специалиста по закреплению локомотивов на палубах Менпи С. Гарриса, команд всех без исключения кораблей и судов. В Москве не знал сна генерал Д. Бэрнс.

Но и это, вы удивитесь, далеко не всё! Добавим к сему 2 миллиона 700 тонн газаolina, 15 миллионов пар обуви для первых людей — Солдат, 842 000 тонн сырья для химической промышленности, 2 миллиона километров телефонного кабеля, которым десятки раз можно было бы «стянуть талию» Земли-матушки по экватору. Это ли не доказательство высокой патриотичности янки и их безграничного уважения к народу страны Советов?!

Президент США Ф.Д. Рузвельт в начале октября 1942 года отвечает на запрос Сталина (7 октября Иосиф Виссарионович просил обеспечить ежемесячную поставку 500 истребителей, 10 000 грузовиков, 5000 тонн алюминия, 4–5 тысяч тонн взрывчатки):

«Я рад сообщить Вам, что предметы, о которых идёт речь (к указанному: 2 миллиона тонн пшеницы и как можно больше мясных консервов, жиров и концентратов. — *В.Р.*), могут

быть выделены для поставок, как указано ниже:

Пшеница — 2 миллиона коротких тонн в течение оставшегося периода протокольного года приблизительно равными частями ежемесячно. (короткая тонна — 0,907185 т. — *В.Р.*).

Грузовики — 8000 — 10 000 в месяц.

Взрывчатые вещества — 4000 коротких тонн в ноябре и по 5000 тонн в последующие месяцы.

Мясо — 15 000 тонн в месяц.

Свиное сало — 10 000 тонн в месяц.

Мыльная основа — 5000 тонн в месяц.

Растительное масло — 10 000 тонн в месяц».

Как видим, «Каталог ленд-лиза» раскрывает многие нюансы и перипетии этого сложнейшего и грандиозного по масштабам исторического явления, созданного Правительствами стран Антигитлеровской коалиции во благо обезглавливания злобствующих сил держав «Оси». Заключим же экскурс в историю финансовой стороной вопроса во взаимоотношениях СССР-США, ибо приблизивший май Победы Рузвельт умер, не увидев её, а переживший его Куба оставил нам «ленд-лизингский должок» — 722 миллиона долларов. В 1947 и 1960 гг., в ходе переговоров о взаиморасчётах по ленд-лизу, стороны не пришли к соглашению из-за величины компенсации, предъявленной США в размере 1,3 млрд. долларов. По

отношению к другим странам — участникам ленд-лиза, сумма оказалась завышенной, несмотря на готовность СССР погасить задолженность и возврат части имущества*.

Так вот, с 11 марта 1941 года по 1 августа 1945 года США израсходовали на поставки по ленд-лизу 13% военных расходов страны, т.е. более 46 миллиардов долларов, получив компенсацию на общую сумму 7 миллиардов 387 миллионов долларов...

Повествуя о колоссальной помощи США, нельзя аннулировать широкомасштабную поддержку «владычицы морей», с которой истекающий кровью и потом народ СССР рассчитывался, как и с другими странами, валютным золотом. Уместной вспомнить катастрофу, произошедшую с экипажем крейсера «Эдинбург». Мало кто из союзников знает, что, будучи загруженным золотыми русскими слитками, он был торпедирован в конце апреля 1942 года «бородачами» Кригсмарине.

О да, всё познаётся в сравнении и, отмечая «уровниловку» краткокурсных кремлёвских историков, надо ясно себе представлять, что англичанам досталось от немцев и японцев крепко и ни за что. Тем не менее, Королевская Великобритания объединила силы Содру-

* Срок выплаты долга истекает 1 июля 2001 г.

жества, несмотря на «блиц»-налёты Люфтваффе и ракет В.фон Брауна.

Читатель сам вправе судить о боевой работоспособности техники и средств, отправленных Англией в СССР не без печатей короля Георга VI и его супруги, королевы Елизаветы.

Флот получил 14 тральщиков и 9 торпедных катеров.

ВВС РККА и ВМФ СССР — 7411 самолётов, в основном, истребителей.

«Богиня войны», артиллерия — 4932 противотанковых орудия.

Тысячи танкистов-героев осваивали в боях, а не на полигоне — 5218 танков различных успешных или уязвимых характеристик. На фронты, где с задержками, а где в качестве спасителей доставлены 472 миллиона снарядов(!), 4005 автоматов и винтовок, по-разному отмечаемых нашей Великой Пехотой.

Не было цены 4000 радиостанций и 55 000 километрам телефонного кабеля, без которых на войне, хоть будешь сыт тушёнкой и хлебом, да всё одно: и глух и нем...

25 июля 1941 года в телеграмме из Туманного Альбиона говорилось:

«Я очень рад сообщить Вам, что Военный кабинет, несмотря на то, что это серьёзно уменьшит наши ресурсы истребителей, едино-

душно решил послать в возможно короткий срок в Россию двести истребителей «Томагаук».

Увы, реализация «единодушного мнения» в жизнь заняла несколько месяцев. 31 августа того же года Черчилль уведомлял мирового революционера Джугашвили:

«Мы ускоряем отправку 200 самолётов «Томагаук», о которых я телеграфировал в своём последнем послании. Наши две эскадрильи в составе 40 «Харрикейнов» должны прибыть в Мурманск около 6 сентября... Я мог бы отправить ещё 200 «Харрикейнов», что составило бы в общей сложности 440 истребителей... Речь идёт о самолётах «Харрикейн», вооружённых восемью-двенадцатью пулемётами».

Асы самолётной тематики заметили, что сэр Черчилль ни словом не обмолвился о «Спитфайрах» Р. Митчелла и Дж. Смита. Не всё складывалось благополучно, если машины приходили на Восточный фронт и в авиацию Заполярья подержанными. Были аварии, печатные эпитеты и появилась «харрикейновская» поговорка «Ройс, ройс, — не найдёшь!», рождённая нашими тружениками, авиационными инженерами и механиками в связи с неполадками двигателя «Роллс-Ройс». Любивший вздремнуть Уинстон тоже был грешен, как-то сняв с борта конвоя «Аэрокобры», предназначенные для краснозвёздных ВВС.

Сталин очень просил «Спитфайры», но их ожидали, словно глоток живительной влаги, пилоты-истребители RAF (Королевских ВВС) как на родине, так и в Северной Африке. Поставки будут, но в небольшом количестве с середины войны. Однако, поклон англичанам: надрывающаяся авиапромышленность, как и другие отрасли производства, сделали всё, чтобы приблизить Победу.

Итак, США субсидировали Англии 30 млрд. 265 млн. долларов, что составило 3/5 общей помощи. По обязательствам Московского, Вашингтонского, Лондонского и Оттавского протоколов, с 1941 по 45-й год поставки по ленд-лизу принимали 42 страны. Часть из них шла через Иран и Ирак, по авиатрассе Аляска-Сибирь, везлась на палубах и в трюмах 42 караванов. Не всё выполнялось, но ведь шла война! Что творилось вокруг конвоев — разве уместить в горе с караваном «PQ-17»?

За это время СССР было принято всё, о чём говорилось выше, на сумму 11 миллиардов 260 миллионов 343 тысячи долларов, плюс 120 миллионов фунтов стерлингов, затраченных на медикаменты, заводское оборудование и продовольствие. Китаю и Франции было ассигновано 631 миллион и 1 миллиард 406 миллионов долларов, латиноамериканским и другим странам — 421 и 424 миллиона долларов соответственно.

На руку врагам сыграла удалённость полей сражений и театров военных действий от фирм-производителей. Многие из добра-имущества союзников не пришло по назначению. За конвоями велась непрерывная охота под перископом воспитанников Дёница-Редера. С воздуха их атаковали торпедоносцы, бомбардировщики и истребители. Были частые подрывы транспортов на минах (особо магнитных), а так же когда торпедисты врага использовали самонаводящиеся торпеды «Цаункёнинг», ориентирующиеся на шум винтов...

Говорят, добро забывается раньше зла. Родившийся под Смоленском писатель А. Азимов был дальновиден, отмечая, что судьба коалиций — распад. Однако составляющее коалиций — люди. А люди, независимо от расы и вероисповедания, обязаны дружить, не привлекая для «миротворчества» машины самоуничтожения.

Когда трагедии народов будут обрамлены формулировкой «государственная ошибка» — никто из гладиаторов и кукловодов толпы не вспомнит строк:

*Как страшно, что во всех веках
Сам Человек рождает Страх...*

Март 2001 г., Орёл—Москва,
«Путевые заметки».

СЛОВО ПОЭТА-КЛАССИКА

Дорогой Виктор Васильевич!

Спасибо за книгу, за капель, за звенящие ручьи в ней, и за добрые слова поздравления меня с днём рождения.

Желаю Вам новых успехов.

Ваш Степан Щипачёв.
17.01.69 г.

* * *

Спасибо, Виктор Васильевич, за «Золотую кувшинку», за то, «что кто-то в соловьиные владенья две белых жерди кинул для меня».

Желаю Вам всяческих успехов в работе.

Ваш Ст. Щипачёв
25 янв. 1972 г.

* * *

Дорогой Виктор, спасибо за сердечную и складную телеграмму. В «Знамя» я заходил. Сказали, что со стихами Рассохина всё в порядке.

Желаю Вам в новом году новых успехов.

С. Щ.

* * *

Виктор Васильевич!

Спасибо за бандероль с интересным альбомом Щербакова, с журналом «Урал», с подбор-

кой стихов. Стихи просмотрел, хотя читать почти-что не могу. Лучшие из них, пожалуй, всё же то, что было напечатано в уральском журнале.

С приветом Ст. Щипачёв
2.6.1973 г.

* * *

Спасибо, Виктор Васильевич, за книгу «На ветру». Поздравляю Вас с её выходом в свет. Хороша строка:

*А что сказать о золоте
Июльского зерна?
Давно в серпе и молоте
Вся мощь его видна.*

* * *

Больше всего удачи в лирических стихотворениях. Смотрите страницы: 91, 95, 97, 103, 107.

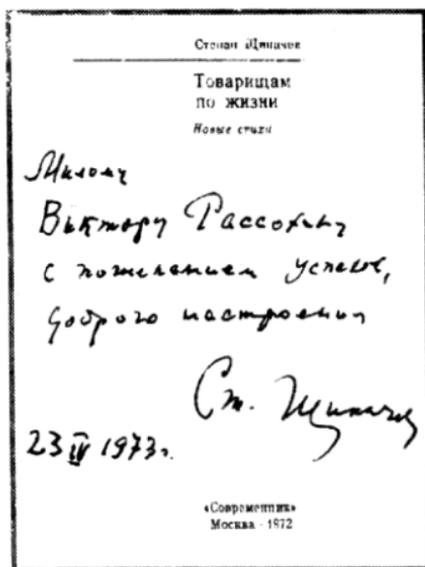
Желаю Вам успеха в жизни, в работе.

Ваш Ст. Щипачёв
4 янв. 1978 г.

Спасибо, Виктор Васильевич, за
 "золотую кубочку", за то, "что
 кто-то в соловьиных владениях где
 белые журавли кинул для меня".
 Желаю Вам вестеской успешной
 в работе.

Ваш Ст. Мушкетер

25 Янв. 1972 г.

Спасибо, Виктор Васильевич,
за книгу "На ветру". Понравилось
Вас с ее выходом в свет.
Хороша стужа:

А что скажете о золоте
лильского зерна?
Давно в серна и соломе
Вся лоты его видна.

Больше всего удасть в лирических
Статьях ваших. Смотрите страницы
91, 95, 97, 103, 107.

Желье Вам успака в жизни,
в работа

Вам Ст. Шипачёв

4 янв. 1978 г.

С.П. Шипачёв (1898–1980)—тонкий лирик, автор пронзительных стихов о любви, о природе, о романтике и трагизме жизни. Его перу принадлежат поэмы «Наследник», «Звездочёт», «Высокое небо», повесть «Берёзовый сок». Его книги «Ладонь», «Красные листья», «Синева», «О Родине думаю» вошли в золотой фонд отечественной литературы.

Юрий Алексеевич Гагарин и Степан Петрович Шипачёв, давший мне рекомендацию в Союз писателей СССР в 1974 году.

Фото 1961 г.

Дорогой Виктор Васильевич!

Спасибо за книгу,
за капель, за свен-
ские ружья и кей,
и за добрые слова
поддержки мои
с днем рождения.
Желаю вам колес
успехов

Ваш Степан Шипачёв

17.7.69

Ф.Г. Углов (1904–2006) — крупнейший российский кардиолог и хирург, автор книг «Человек среди людей», «Сердце хирурга», многих монографий. Академик. занесён в Книгу рекордов Гиннеса за выдающиеся заслуги в области медицинских новаций, спасших тысячи жизней.

Рассохин-старший встречался с ним несколько раз в Комарово.

В честь мировой знаменитости спущено на воду судно «Фёдор Углов».

ВЕСТОЧКА ОТ АКАДЕМИКА ФЁДОРА УГЛОВА

Дорогой Виктор Васильевич!
Спасибо Вам большое и за
Ваши прекрасные книги и за
Ваши статьи. Ваш отец и мои родители
были очень любимы, да как же
сильно и с любовью говорили
о труде, о России и в
Ваши статьи публиковались
и были бы все и обязательно
были бы рады.

Мы очень рады, что познакомились с Вами.

С уважением привет Вам от
Анны Владимировны

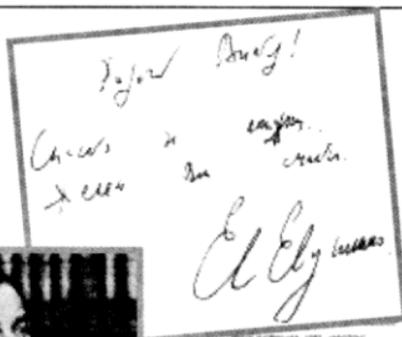
Виктор Васильевич
Ваш сын

В. Углов

ПИШУТ СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ

В ПЕРЕДЕЛКИНО

Борису Леонидовичу Пастернаку

Гудкам спешащих электричек
 Не заглушить концерт дроздов.
 А он лежит под гомон птичий,
 Не слышит ранних поездов.

Теперь под хвойными ветвями
 Своё есть место на земле,
 Где профиль дерзкий в серый камень
 Вмят над его факсимиле.

У изголовья речка Сетунь,
 Сквозь ветви светят купола.
 И мысль его летит по свету —
 Россия крылья ей дала.

ПРОСЬБА ПРИНЕСТИ КИ ВОЗРАЖЕНИЯ

ЗАЛ ГОРСОВЕТА

Выступит поэт

22 Мая 22 Мая

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

СЛУШАЙ НОВОЕ

РАЗГОВОР-ДОКЛАД

УСТАВ	Составители книги: Виктор Рассохин, Сергей Рассохин. Редактор: Владимир Маяковский. Издатель: Советский Союз. Адрес: Москва, ул. Горького, 10. Цена: 0,50 руб.
ПОЭМЫ	«Сестрички», «Воскресенье», «Сорок два», «Сорок три», «Сорок четыре», «Сорок пять», «Сорок шесть», «Сорок семь», «Сорок восемь», «Сорок девять», «Сорок десять».
ХОРОШО	«Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо», «Хорошо».

Ответы на записки и вопросы.
Начало в 8 час. вечера.

Вход свободен на 2 и 10-е этажи здания.

Одесская афиша. 1928 г.

Из журнала «Печать и революция» был изъят портрет поэта. Кем готовилось убийство?

Александра Алексеевна Маяковская с дочерьми — Людмилой и Ольгой

Любовный треугольник:

Лиля Брик

Татьяна Яковлева

Актриса Вероника Полонская — видевшая последний раз живого поэта-трибуна

КТО ЖЕ ВСЁ-ТАКИ СТРЕЛЯЛ В МАЯКОВСКОГО???

Давно это было, но по-своему любопытно. Я встретился с Борисом Ивановичем Прутцевым — профессором Орловского государственного педагогического института. Он тогда готовил свою работу о творчестве польского писателя Бруно Ясенского, о его романе «Я жгу Париж», за что был выслан из Франции. Возможно, его чём-то глубоко задел ранее вышедший роман Поля Морана «Я жгу Москву». Автор нашумевшей книги обосновался в Советском Союзе, встречался с Владимиром Маяковским, стихи которого переводил на польский язык, был дружен с другими писателями страны, работал с издателями.

Его знали по книге «Человек меняет кожу», а антифашистский роман «Заговор равнодушных» был опубликован в 1956 году, через 18 лет после расстрела автора 17 октября 1938 года по сфабрикованному делу, хотя дата смерти в «Краткой литературной энциклопедии» стоит 20 октября 1941 года. Почему???

Естественно, разговор затянулся и хозяин дома, чтобы разрядить обстановку, показал мне один из своих раритетов — книгу старшей сестры Маяковского — Людмилы Владимировны, да ещё с автографом.

Я ахнул! На форзаце чётким каллиграфическим почерком были написаны слова, адре-

сованные учёному. Меня очень поразила почерк сестры поэта: ровный, аккуратный, буква к букве, как будто надпись только что сделала старательная гимназистка... Касаясь судьбы автора неоконченной поэмы «Во весь голос», Борис Иванович сказал, что Людмила Владимировна подготовила письмо-завещание, где откроется занавес над тайной гибели брата. Письмо было передано в музей В.В. Маяковского, чтобы оно было вскрыто после её смерти.

Рассказчик ещё сообщил, что к Маяковскому перед трагедией был близок 1-й заместитель начальника ОГПУ-НКВД Яков Саулович Агранов (Собельсон), подаривший поэту-трибуну револьвер.

Зачем? Кто-кто, а он знал, что у него есть оружие... Потом, по воспоминаниям, мы увидим и подчеркнём какое оно было. Следует отметить, что у этого высокого ранга подарочника имелись серьёзные жертвы из среды учёных, писателей, политических деятелей, есть причастность и к гибели Николая Гумилёва...

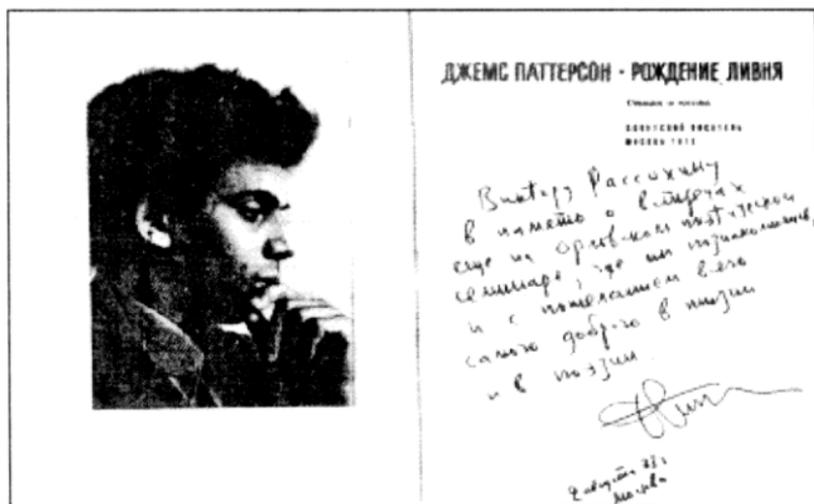
Агранова лично знал и ценил Сталин, но до определённого времени — СЛЕДОВАТЕЛЬ-СВИДЕТЕЛЬ СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ ГОСТАЙН и по мнению Вождя подлежал ликвидации. Он был расстрелян 1 августа 1938 года.

Однажды в Орёл приехала группа московских писателей на областной семинар молодых

литераторов. В её составе был поэт и прозаик Джемс Паттерсон (это тот негритянский мальчик, которого держала на руках Любовь Орлова в кинофильме «Цирк»). Он окончил с отличием Севастопольское ВМУ — стал моряком и успешно пробовал себя в литературе.

Мои стихи ему понравились и он написал о книге рецензию в «Книжное обозрение» под заголовком «И пашни тёплое дыханье...», моей строкой назвав свою работу.

Я был у него в гостях в Москве, в доме на Кутузовском проспекте. Джемс подарил мне свою книгу «Рождение ливня».

Оказалось, что он входит в совет музея В.В. Маяковского и я спросил у него о завещательном письме Людмилы Владимировны. Он ска-

зал, что знает об этом документе, но у КОГО ОНО и ЧТО ТАМ — неизвестно... Допустим, а так оно и есть, что письмо вскрывалось КЕМ-ТО. Однако, даже сестра не может знать полностью того КАК ВСЁ СЛУЧИЛОСЬ, зная лишь больше кого-либо предшествующие обстоятельства. Итак, ПИСЬМО-ЗАГАДКА. Опубликовано оно, нет ли, я не знаю. Если нет, то КТО его прячет или уничтожил и почему? Может быть, оно лежит в бумагах под строгим грифом «Не для публикаций»? Тогда КТО на архив наложил вето?..

Джемс проводил меня. Во дворе он громко поприветствовал старушку с миниатюрной чёрной собачкой. Я тоже автоматически поклонился. — Кто это? — заинтересовался я. Он ответил: — В доме много знаменитостей живёт... Мы встретились с Лилей Брик... Удивлённый живой литературной историей, я шёл, спотыкаясь и всё время оглядывался на спутницу Владимира Маяковского, которую он называл «гением зла», хотя были очень тёплые и лирические слова в её адрес..

Раскрывая через некоторое время «Литературную газету», я прочитал что Лиля Юрьевна Брик отошла в мир иной в 1978 году, пережив поэта на 48 лет. ЧТО она не рассказала в своих мемуарах осталось её тайной.

Вспоминается второй эпизод. С курскими

писателями я выступал в городе Льгове, где родился поэт Николай Николаевич Асеев, автор популярного стихотворения «Ещё за деньги люди держатся». Он был одним из близких друзей Маяковского, который так отозвался о нём в известном стихотворении «Юбилейное»:

Правда,
 есть
 у нас
 Асеев
 Колька.
Этот может.
 Хватка у него
 моя.

Куряне, коллеги по перу, вспомнив его повесть в стихах «Маяковский начинается», рассказали, что у Асеева была редчайшая фотография с Лубянского проезда, из комнаты, где произошло непоправимое... Неизвестный фотограф до прихода постового милиционера и приезда спецслужб успел сделать снимок «покончившего с собой».

Через какое-то время автор «Синих гусар» показывал это фото уцелевшим криминалистам царского времени, специалистам по самоубийцам. Все в один голос говорили: «Поза не реальна. Убит...»

Позже, показывая дома одному из друзей альбом, Асеев, к своему удивлению, обнаружил, что фотография исчезла... КТО был на квартире Асеева и КОМУ, по доверчивости, он показывал фото лишней раз?

А вот, как очевидец, друг поэта-трибуна, вспоминает в 1956 году, через 26 лет: «Я помчался на Лубянский проезд... Дверь из передней в комнату Маяковского была плотно закрыта. Мне открыли, и я увидел. Головой к двери, навзничь, раскинув руки, лежал Маяковский. Было невероятно, что это он; казалось, подделка, манекен, положенный навзничь... Позже, на Гендриковом, увидел его на диване, лежащим в спокойном сне, важным и торжественным в своей отрешённости от окружающего...»

Павел Ильич Лавут, организатор выступлений поэта с 1924 по 1930 годы в книге «Маяковский едет по Союзу» (1969) пишет: «У комнаты Маяковского — милиционер, вызванный с поста на Лубянской площади. Никого не пропускает, хотя дверь и открыта. Соседи на короткое время отошли от дверей. Я упросил милиционера впустить меня в комнату. На полу — широко раскинувшееся по диагонали тело. Лоб тёплый, глаза приоткрыты ...»

По воспоминаниям видно, что Лавут пришёл вперёд Асеева, но पहले их была актриса

Вероника Полонская, его возлюбленная, которая только что была у живого поэта. Из её воспоминаний:

«Я вышла, прошла несколько шагов до передней двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновенье: в комнате ещё стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко. Я помню, что я бросилась к нему и только повторяла бесконечно: — Что вы сделали? Что вы сделали?

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и всё силился поднять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые...»

Теперь об оружии. В некоторых книгах проходит слово «револьвер».

У П.И. Лавута сказано по-другому: «Маяковский стрелял левой рукой — он был левшой. Стрелял из недавно подаренного ему маленького браунинга (подчёркнуто — В.Р.). Пуля попала в самое сердце».

Возникает первый вопрос: Кто видел КАК стрелял Маяковский? Откуда уверенность у Павла Ильича, что выстрел произведён из бра-

унинга? Другой автор Альфред Мартинович Мирек, доктор искусствоведения, историк и правозащитник в книге «Красный мираж. Палачи великой России», которой дал благословение схиигумен Илий из Оптиной Пустыни, приводит опровергающие факты всех версий о самоубийстве: «Когда Вероника выбежала, убийца (зашедший через чёрный ход в кухню) быстро зашёл в комнату навстречу пытавшемуся выйти поэту и выстрелил в грудь. Поэт, увидев его, успел закричать и упал по инерции лицом вперёд, разбил нос, скулу и висок. Убийца бросил маузер (подчёркнуто — *В.Р.*), из которого стрелял и который до 1928 года принадлежал поэту, выбежал через чёрный ход, во двор на Мясницкую; тут же вошёл Агранов по парадной лестнице в квартиру. Это видели не только встревоженные жильцы, но и встретившие его около парадного друга. Агранов быстро подошёл к столу, взял листок бумаги и прочёл «последнее письмо» поэта вслух, положил его в карман и больше никому не показал. Потом подгоняли факты под «самоубийство». Поехали за Полонской в театр, и она подписала протокол, составленный следователем; маузер (подчёркнуто — *В.Р.*) заменили на наган (подчёркнуто — *В.Р.*) (в первом протоколе — маузер № 312045, во втором — наган № 268979), перетащили труп на диван, после чего трудно устано-

вить — в него стреляли или он сам стрелял, хотя раскрытый в крике рот, разбитый нос, скулу и ссадину на виске не спрячешь; по новой снимали показания с жильцов, видевших первоначальную картину...»

Где браунинг? И где подлинная фотография, исчезнувшая из квартиры Асеева? КТО БЫЛ СТРЕЛЯВШИЙ? Не человек же с улицы?

Агранов его знал и твёрдо надеялся на исполнителя. Возможно, позже и он был уничтожен, чтобы замести следы тяжелейшего преступления...

17 апреля 1930 года, через три дня после трагедии, Михаил Ефимович Кольцов, будущий автор «Испанского дневника», выступил со статьёй «Что случилось?», где высказал такую мысль: «Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство.

Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание».

Что здесь хочется сказать? Случайность в таком громком деле не допустима. Это было хорошо задуманное и спланированное убийство узким кругом людей, загребаящих жар чужими руками, потому что говорить во весь голос становилось невозможно. Начиналось затмение в стране при «солнечных» обликах вождизма,

переходящего в одно лицо с гигантским портретом, как показано нынешним современникам в фильме «Утомлённые солнцем». Сын Сергея Михалкова, автора Гимна, — Никита — показал обратную сторону Гимна.

Зоркий глаз и острый ум Маяковского особому видели парадоксы наступающей эпохи. Тоталитарная система не должна была пройти, не попав под испепеляющую молнию слов художника, обладающего искромётным сатирическим даром. Явление становилось подобно Везувия, пока дымящемуся, но готовому к выбросу огненной магмы.

Это понимали наверху и сработал карающий механизм власти, переходящей в усиленную диктатуру, не терпящей лучезарности и прозрения во всех сферах жизни. Усиленный контроль, тем более в идеологии, требовал, по мнению земного бога и его близкого окружения, вырубки всего «мешающего» под корень...

А Михаилу Кольцову в феврале 1929 года бывший редактор газеты «Известия» Юрий Стеклов дал такую оценку: «револьверный» журналист, готовый пойти на всё, но без всякого риска в работе.

Генсеку ЦК партии запомнилась любопытная характеристика, может быть, как и названная выше статья «Что случилось?».

Через несколько лет, в 1938 году, когда брат художника-карикатуриста Бориса Ефимова

возвратился из Франкистской Испании, Кремлёвский хозяин спросил у него: «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» Удивлённый редактор «Огонька» ответил: «Есть, товарищ Сталин». — «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — «Конечно нет. И в мыслях не имею». — Последовал быстрый ответ. — «Ну вот и отлично, ещё раз спасибо за интересный доклад, товарищ Кольцов. До свиданья, дон Мигель». При злопамятности и коварстве — свидание не состоялось. Кольцов был арестован сотрудниками Берии 14 декабря 1938 года за восхваление Николая Ежова, которого Сталин собирался убрать. Автора проблемных фельетонов и очерков расстреляли 2 февраля 1940 года на два дня раньше Ежова. Эти факты приводит в своей книге «Наркомы страха» Борис Вадимович Соколов — доктор филологических наук и кандидат исторических наук...

Конечно, трудно найти убийцу Маяковского, но сама система внутреннего и внешнего кровавого террора была настолько сильна, что под пули попадали крупные фигуры государства и международного ранга. А пресса и очевидцы, когда сверху произносилось «А» — «Б» уже не говорили, боясь попасть под «красное колесо» истории. Однако, вопрос, вынесенный в заголовок остаётся открытым, поскольку очевидное иногда бывает невероятным...

15 сентября 2009 года

«ТИХИЕ ГАВАЙИ?»

Который год уже «друзья-соперники» оттесняют Россию от Дальнего Востока, от Тихого океана. Американцы в позапрошлом веке за смехотворную цену перекупили у нас Аляску, прихватив заодно и русскую Америку — форт Росс, Сан-Франциско, Калифорнию. Японцы — те в 1905 году запросто «прихватили» остров Сахалин с Курильскими островами. Правда, после Отечественной войны с «северных территорий» им пришлось убраться, однако потомки самураев не теряют надежды утраченное вернуть.

Уже пятнадцать лет в России поминают нелёгким словом Никиту Хрущёва за подаренный Украине Крым. А ведь он же ещё и город русской славы Порт-Артур вместе со всем Ляодунским полуостровом подарил Китаю, равно как и всю КВЖД. Да ещё и японцам намекал на возможность решить в их пользу спорный вопрос с Курилами. Выходит, вовремя отправили эту «щедрую душу» на пенсию — не успел.

В этом плане интересна вышедшая недавно в Орле книга молодого прозаика и художника Сергея Рассохина «Тихие Гавайи?», раскрывающая малоизвестные для широкого читате-

ля тихоокеанские страницы Второй мировой войны. Ведь Тихий океан как географическое и экономическое пространство давно уже служит ареной жесточайшей борьбы для ведущих мировых держав. Одно время таковыми были Англия и Франция. На момент Второй мировой войны (о которой идёт речь в книге) — США и Япония.

Сегодня на смену уставшим «дальневосточным тиграм» выходят Китай и Корея. Останется ли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТРК) место для России? Об этом надо думать уже сегодня.

Газеты приносят новости: наконец-то урегулированы территориальные вопросы между Россией и КНР. Правда, в пользу наших южных соседей.

Дальше: завершается строительство масштабного транспортного проекта — железнодорожные магистрали, построенные на нашей территории, свяжут страны Европейского Союза с Южной Кореей, а через неё и с Японией. Политики аплодируют мудрости нашего сегодняшнего руководства. Но пока никто не считает: выгодна ли будет такая «благотворительность» нам самим? И не пора ли России заявлять о себе в роли полноправного игрока, а не просто предоставлять свою страну в качестве территории и кладовой энергоресурсов для соседей?

Правда, о сегодняшнем дне азиатско-тихоокеанского конфликта в книге не говорится. Но для такой по-настоящему важной проблемы любая информация лишней не будет. В том числе и та, которую представляет читателям автор.

Линкор «Ямато» атаковали сотни американских самолётов. Погибло более 3000 членов экипажа. Вес его снаряда был 1600 кг, дальность выстрела 46 километров

В НАПРЯЖЕНИИ ВРЕМЕНИ

*(Рецензия на книгу Виктора и Сергея
Рассохиных «ТОК»*

г. Орёл, Типография «Труд». 2006–07 гг.)

На протяжении свыше 25 лет Виктор и Сергей Рассохины непрерывно трудились над многожанровой книгой «ТОК», посвящённой крестьянству, истории и наследию цивилизации, Миро-

вым войнам, успехам и неудачам научно-технического прогресса. На общественных началах семисотстраничный том вышел в свет накануне знаменательных дат Отечества и Орловщины.

Тысячи километров командировок и тысячи встреч с людьми послужили авторам фундаментом подавляющего большинства абсолютно новых, ранее не публиковавшихся произведений. Труд земляков-писателей заслуживает пристального внимания и внимательного изучения, он важен и необходим, требует массового внедрения в школы, библиотеки, интернаты, вузы, учебно-воспитательные центры, училища и тюрьмы г. Орла и Орловской области, а в целом — всей России.

В Год русского языка фолиант одобрен и благословлен Администрацией Президента РФ В.В. Путина и Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. Авторам поступили многочисленные отклики и просьбы о повторном выпуске, ввиду малотиражности первого издания. Книга находится в библиотеках и частных собраниях представителей верховной власти России и Планеты, отмечена архиепископом Орловской и Ливенской епархии Владыкой Паисием. Она отображает многие нюансы всевозможных мероприятий, проходивших на Орловщине, является путеводителем по её новейшей истории, лично оформлена авторами. Несомненным успехом авторов важно отметить их благодарность всем участникам издания и работникам типографии «Труд», передачу первой партии тиража ветеранам войн и труда 9 мая, 29 июля и 5 августа 2007 года.

В ближайшем будущем выйдет новая книга Виктора и Сергея Рассохиных по истории и конструкциям боевой истребительной авиации Второй мировой войны. Верим, что она будет полна новых интересных и впечатляющих фактов, памятуя об их предшествующих совместных книгах «Небесные снайперы» и «Тихие Гавайи?».

Андрей КУРНАКОВ, народный художник СССР, академик, ветеран ВОВ, Почётный гражданин города Орла.

Александр БЕЛЬСКИЙ

«НЕБЕСНЫЕ СНАЙПЕРЫ»

*При орденах или с медалью
Или калеки из калек...
Великой радостью, печалью
Объединённые навек.*

В. Рассохин.

В городе Орле вышла в свет книга «Небесные снайперы». Она издана благодаря помощи Управления исполнения наказаний по Орловской области.

Авторы — Виктор Рассохин и его сын Сергей — в первой части провели глубокое исследование боевого пути французских лётчиков в героической борьбе против фашизма от Алжира до Советского Союза. Поражает то, что лётчики «Нормандии-Неман» воспринимали эту борьбу как вклад в победу над ненавистным врагом и в самой Франции. В издании рассказывается о братских отношениях между советскими и французскими пилотами, о взаимопомощи и взаимовыручке. Дружба была образцовой и заслужила права остаться в памяти потомков. Есть интересный музей авиаполка «Нормандия-Неман» и в Орловской областной станции детского и юношеского туризма и экскурсий.

Во второй части книги подробно раскрыты сотрудничество правоохранительных органов России и Франции в современную эпоху и опыт французских и российских кинематографистов, раскрывающих проблемы человека, переступившего закон.

Правовые вопросы всегда волновали великих русских и французских писателей.

«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! — признавался Ф.М. Достоевский. — Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно... На целые томы достанет».

Замечательно то, что в книге немало «орловских» эпизодов, фактов, рассказов об орловцах.

Мы читаем о лётчиках — Героях Советского Союза Г. М. Паршине, М. П. Чечневой, легендарном А. П. Маресьеве и, конечно, о пилотах «Нормандии», храбро воевавших в орловском небе, о первом боевом командире французского авиаполка Жане Луи Тюляне, героически погибшем и похороненном в деревне Каменка Мценского района Орловской области.

Перед читателем встают яркие образы ветеранов Великой Отечественной, их уникальная судьба.

Авторы с любовью пишут о людях, гордят-

ся ими. Отмечена, например, мужественная позиция редактора газеты Троснянского района «Сельские зори» Галины Васильевны Жуковой при публикации важных материалов.

Создатели книги видят её цель и смысл в гражданском, социальном и творческом сближении народов России и Франции.

Книга убедительно показывает, как «великой радостью, печалью объединённые навек» стали учителями юных поколений, поскольку подарили нам победу и обеспечили себе достойное право на память и славу.

Г.М. Паршин
— сбил 10
самолётов

Героини неба

А.П. Маресьев —
о нём книга
Б.Н. Полевого
«Повесть о
настоящем
человеке»

Жан Луи
Тюлян

М.П.
Чечнева

Представители французского
посольства почтили память
соотечественников, погибших
на орловской земле

Юрий ТЕРЕНТЬЕВ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «СНАЙПЕРОВ»

Второе издание книги орловских авторов Виктора и Сергея Рассохиных «Небесные снайперы» вышло в свет. По сравнению с предыдущим оно значительно дополнено и переоформлено.

Книга подробно раскрывает перед читателем кровопролитное противостояние умов и моторов, проявленное народами в ходе битв и сражений Второй мировой войны. Детально рассмотрены биографии авиаформирований, жизнь и труд авиаконструкторов, компоновки основных истребителей, вооружение ВВС наступавших и оборонявшихся стран.

При создании книги привлекались мемуары участников Второй мировой и Великой Отечественной войн, воспоминания очевидцев и военные архивы, а также многолетний личный архив авторов, оформивших изданный труд.

Рассматривая боевую деятельность истребительной авиации и конструкторско-инженерные проекты в отечественной авиации, авторы отдельно останавливаются на славных патриотах Франции, разделивших умом и сердцем трагедию России. Не за один день формировалась знаменитая эскадрилья «Нормандия-Неман», прославившаяся под небом Орловщины во времена Курской битвы. Здесь, в двух шагах

от фронта, французские авиаторы проявили исключительное мужество как в личных и групповых вылетах, так и при сопровождении бомбардировщиков «Пе-2». Здесь они столкнулись в жесткой схватке с «Мессершмиттами» и «Юнкерсами», с «Хейнкелями», пилоты которых ещё верили в отмщение за Сталинград.

Книга богато проиллюстрирована, может стать настольным пособием по важнейшей странице Великой Отечественной войны как для школьников, изучающих историю своей Родины, так и для широкой массы читателей.

П. Клостерман М. Альбер Р. де ля Пуап Ж. Андро А. Литольф

Ф. де Жоффри —
автор книги
«Нормандия—
Неман»

На аэродроме

ПОД ФЛАГОМ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ

(Рецензия на книгу орловских писателей
Виктора и Сергея Рассохиных «Ток»)

Прочитав книгу Виктора Васильевича и Сергея Викторовича Рассохиных, вышедшую в типографии «Труд», создаётся впечатление глубинного погружения в скрижали времени. Однотомник «ТОК» не принадлежит какой-либо одной теме, или жанру — книга калейдоскопна и энциклопедична, широко охватывает политические, аграрные, межрелигиозные, научно-технические, межполовые, духовно-нравственные проблемы и вопросы. Много Нового для себя узнает читатель из работ «Абвер на Орловщине», «Небопроходец» о Н. Н. Поликарпове, «Луч Восходящего Солнца в застенках» об академике Н. И. Конраде, «Рамзай» о Р. Зорге, «Неизвестный Чкалов», и из отрывка повести «Зелёное Знамя Ислама» — «Басмачи». В полной мере это относится к исследованиям «Распятия всероссийского не прощаю!», «Дело №», к редкостным

очеркам «Далёкий Мидуэй», «Кровь и слёзы Лейте» о сражениях ВМС и ВВС Японии и США на Тихом океане...

Образны, выразительны и фольклорны поэмы «Бригадирские будни» и «Золотая кувшинка», сатирическая миниатюра в стихах — «Сказка об Иване Свидетеле», уже известные массовому читателю.

«ТОК» — в многосмысленном значении русского языка и в авторском подтексте — есть вольтова дуга образов, душ, судеб, характеров, победа разумного над порочным, независимо от нации и вероисповедания. Яркая работа Рассохиных, несомненно, оставит мощный след и положительный заряд в истории и литературе Орловского края, осуществит «шевеление» памяти, чего так не хватает всем нам в третьем тысячелетии.

Будем ждать новых книг плодотворно сотрудничающих авторов и пожелаем им ещё больших творческих успехов, чем уже достигнуты в Отечестве и за рубежом!

Василий КУЗНЕЦОВ,
Герой Социалистического Труда.

ЖИЗНЬ НЕ ПО РИФМЕ

Новая книга орловских писателей Виктора и Сергея Рассохиных «Мы Вас любим, фронтовики!», вышедшая к майским праздникам и к 65-летию освобождения Орловщины от захватчиков — уникальное произведение. Поэтический сборник содержит 340 стихотворений, вошедших в разделы «Мы Вас любим, фронтовики!» «Искажение вечности», «Зори счастья и зарницы мысли», в поэму «Отчисленный поэт» («Неудобные вирши»).

Помимо глубокого знания военной тематики, почерпнутой из тысяч командировок, архивов и тысяч встреч с защитниками Отечества, репрессированными, героями обороны и тыла, авторы поднимают вечные вопросы, судьбы крестьян и рабочих, проблемы экологии, взаимоотношения полов, отцов и детей, не отворачиваются от преступлений прошлого и настоящего, высвечивают непродуманно-ошибочные действия власти. Заголовки у Рассохиных воистину говорящие: «Чёрный скорый», «Бумеранг войны», «Оккупация», «Передачи дружбы», «Штрафбат героев», «Летописцам войны», «По долгу мести», «Обоз», «Медичка», «Котелок», «Потеря», «Майская трагедия», «Эшелон», «Вор чести воинской», «Безмедальный инвалид», «Стыдно!», «Меченый», «Самолёт земляка», «Интендант»...

О событиях на рубежах XX–XXI веков нео-

бычны и суровы, эмоциональны и предельно честны стихи — «Обращение», «Куда идём?», «Завещание деда», «Великопродажность» и «Терпимость», «Нашенское» и «Очевидное—невероятное», «Обыкновенный двор» и «Кощунство», «Народолюбцам», «В зеркале НЭПа» и «Реальная фантастика»...

Спектр внимания авторов охватывает большинство профессий, обратные стороны легального и криминального миров, нюансы хладнокровного равнодушия по отношению к родне, болям и проблемам соотечественников. В небольшой по формату книжке — вы встретитесь с противоречиями возрастов, с безработностью и буржуйной шикоманией, с охаиванием и унижением религий, с предательством и пресмыкаемостью, с карьеризмом, подхалимажем и подсиживанием, с антиматеринством и неуважением частью общества бойцов минувших войн — от Великой Отечественной до Афганистана и Чечни. При этом — авторы, можно сказать, кричат в «Заповеди» двумя строками:

*«От войн есть мощный эликсир:
ВСЁ ЗОЛОТО — ИДЁТ НА МИР!»*

Первая часть тиража — свыше 600 экземпляров — подарена авторами по Орловской об-

ласти и соседним областям. Книги вручены ветеранам войн и труда, лучшим представителям интеллигенции, библиотекам, ряду СМИ, труженикам АПК и школам, уважаемым гостям региона. Ибо, по мнению создателей, нет выше и светлее людей, освободивших Отчизну от чужеземных агрессоров, нет сильнее волей и духом тех, кто поднимал страну в послевоенное время, отказывая, себе во всем ради будущего сыновей и дочерей, внуков и правнуков...

Совершенно не случайно, что посвятив труд дебрям цивилизации, отец и сын ввели много-смысленный подзаголовок книги — «Жизнь не по рифме». Очевидно, ещё долго выбирать-ся Человечеству из порочных «джунглей» на пути межнационального построения взаимопочитаемых и добрых рифм.

Вспоминая о книгах В. и С. Рассохиных — «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», «Тихие Гавайи?», «ТОК», «Небесные снайперы» в первом и втором изданиях, важно пожелать им новых творческих побед — самокритичных, общенациональных, всероссийских и международных масштабов — от быта до космических устремлений!

Юрий ВАСЮТИН,
уполномоченный
по правам человека, профессор.

ОШИБОЧНЫЙ ВЫБОР

Деревенский увёртливый парень
Очень ловко пролез в аппарат.
Он столичного гостя запарил
На полдюжине сочных девчат.

И теперь он баронствует в Думе,
Генералов «рыбачить» зовёт...
И в газетке при кризисном шуме
Их портреты — во весь разворот.

Приласкал сей сермяжный вельможа
Тех, о ком не тоскует Москва,
Угощая губернским «пирожным»
Их «тойотные» кузова.

Жаль народ, что не вычел пройдоху,
Не увидел в нём экстра-льстеца.
Но, о злившись в крутую эпоху,
Может сбросить с высот «мудреца».

НАКАЗ

Фронтовиков становится меньше и меньше...
Из выступлений должностных лиц

Не говорите, что их МАЛО.
Да, МАЛО — годы не вернуть.
Зато ИХ СЛАВА прочно стала:
Не дай нам, Бог, — пройти их путь.

МОЁ МНЕНИЕ ТАКОВО...

Размышления писателя

В ходе встреч с жителями Свердловского района (объезжено всё, что можно объехать) мною уловлено немало сердечных болей людей. Не буду тащить известный мусор из избы: многое говорит — там — о деградации, а тут — о возрождении и заботе о земле, простых тружениках. К тому же я был несказанно обрадован принятию от детей, юношества, взрослых пап и мам не менее сотни стихов, рассказов, наконец, иллюстрированного красочного бытия, выполненного всеми видами красок.

Глубинка — наш корень, наша святость, наша вековая вырубательница. И спасительница деревня, к большой моей радости, продолжает вспаивать на своих мелких водах одарённых людей — нашу действующую и будущую опору.

Меня часто просят помочь по многим вопросам тяжкого ныне бытия. Я не могу подписать рецепт под жизненный эликсир, могу только лишь посоветовать: не отчаивайтесь, работайте, чеканьте знания, находите время поднять глаза к небу, не обязывайте себя цепями пороков, дайте волю творчеству детей, укрепите их досуг и сознание патриотической заинтересованностью начинаний.

Не знаю, говорилось ли об этом в местной печати официально, но констатирую: на мой взгляд, люди не хотят больше жить и работать под именем Якова Свердлова, родоначальника репрессивных методов внутренней войны против родного народа. Мы не будем вспоминать, кем он был и что сотворил конкретно: Орловское локомотивное депо с честью хранит тайну его скоропостижной смерти...

Правда, приводятся, раскручиваются заново седые и кровные примеры: Свердловск, Энгельс, Троцк, Ленинград, Сталинград и Ворошиловград, Молотов, Брежнев, Андропов, Калинин, Устинов... Да простит меня население названных и не названных облцентров, с которыми время, история — допустили действительно необходимую перевёртку. Нам много не надо! У нас есть Афанасии — Никитин и Фет; Александры — Невский и Суворов; Дмитриии — Донской и Пожарский; Семёны — Дежнёв и Раич; Иваны — Крылов и Бунин... И так далее по ухабистой истории России, окроплённой кровью невинных великомучеников, флагманов армии и флота, солдат и матросов, религиозных деятелей и национальных меньшинств.

Итак, подвожу к финалу главную мысль статьи: до каких пор чистейшая милая родина очарованных странников и левшей будет жить под вымпелом кровавой эпохи беззакония?

Исходя из этого, предлагаю переименовать Свердловский район в Неручанский (по названию красивой и рыбной реки Неручь). Буду рад, если на эту тему выскажут своё мнение читатели газеты.

Виктор Рассохин.

«Сельская новь». 3 ноября 2000 года,
№ 86(9041).

P.S. В печати прошли материалы о переименовании Урицкого района в Нарышкинский (2009 г.).

ПОГОНЫ

Война... В оставшихся церквах —
Молебны и поклонны.
Святейший Сергей, Патриарх, —
Напомнил про погоны.

Немало русских на Земле,
Восстанут против гада...
И призадумались в Кремле:
Вводить погоны надо.

Парад Победы на
Красной площади в
Москве 24 июня 1945 г.

ПРОПАСТЬ НЕСЧАСТИЙ МЕЖДУ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ

В последнее десятилетие на мир обрушилась горькая череда техногенных катастроф, планету охватил вирус международного терроризма. Цепь теорий и случайностей, невидимая связь просчитанного и непредсказуемого вновь заявила о себе в Америке в минувший уик-энд, который останется мощной зарубкой в её истории.

Космос — холодно молчалив, грандиозен и красив, влекущ и печален. Он никому не прощает ошибок, чьи бы интересы ни представляли в нём посланцы иных миров. И с первых шагов навстречу покорению межзвёздных пространств человечество преследует трагизм, постоянно напоминающий о неминуемой закономерности жертв на неизменном пути. Он явился спутником космонавтики, пропастью между победами.

«Икарам» вечно плавил или подрубали крылья, а землепроходцам ставили палки в

колёса, подпиливали мачты и киль, сыпали гадость в моторы и бензобаки, отравляли воду и пищу.

Россия и США, несмотря на струнную натянутость отношений, ежегодно чтут узким кругом обширную семью космонавтов, погибших в разное время на взлётах и падениях отрасли. Поклон от Земли всем героям и героиням, ушедшим ради цивилизованности человечества!

Скорбят Америка, Израиль, Индия, все, имеющие разум, сердце и душу землянина в двух полушариях. На неделю мир превратят в телевизионного и газетно-интернетного монстра, вокруг которого будут чертыхаться, причитать, злословить, смаковать и пустозвонить кликуши, виновные и невинные, учёные и дилетанты. ...Сгорели семь профессиональных астронавтов: Рик Хазбенд (командир), Дэвид Браун, Илан Рамон, Майкл Андерсон, Лорел Клар, Калпана Чавли и Уильям Маккул. Они спешили поделиться увиденным, детально обсудить общую работу экспедиции. Они мечтали о единственно-сокровенном земном, но на каком-то этапе, возможно, оказались в плену глобальных иллюзий. Родная атмосфера стала для них оружием смерти, и заверения Дж. Бушамладшего пока ничего не значат.

Спейс-блокбасторы, созданные Голливудом, — вот притяжение чёрных сил негативизма, олицетворение виртуальной человеческой вседозволенности, а точнее — высокоинтеллектуального, авангардного и крепко спонсируемого атавизма. За это притяжение рано или поздно придётся платить, ибо судьба человечества в его же руках, имеющих неприятности прожитых лет ради прогресса.

Наяву же государство уравнивает всех духовой медью, надгробиями, лафетами и салютами, наградами и премиями в слёзной кавалькаде траурных процессий. После них остаётся гадать, кто падёт новой жертвой той или иной вопиющей халатности, имеющей икс-число чёрных дыр, словно в безразмерном безмятежье Вселенной.

1 февраля 2003 года.

НЕИЗБИРАЕМАЯ ПЛАТФОРМА

беспартийного гражданина
«КАЖДОМУ — ПО ТРУДУ!»

Раскол систем госуправления и идеологии СССР за короткий период времени привёл не только к капитализации взаимоотношений в её худшем виде, но и предоставил возможность легализации ряда политических авантюристов, бурбонов и педантов.

Убожеский шарм сегодняшней многопартийности стриптизируется тем, что **ВСЕ** ныне действующие «едино-великосвятские, апельсинопивные, либерально-автомобильные и др. ясновидцы» вышли из колыбели обязательного карьеризма КПСС, МВД, КГБ и ВЛКСМ. Обозначенные структуры лелеяли, любили, уважали, люто ненавидели. Мы десятилетиями унижались ими и погибали из-за них; мы оставили их представителей на постах самоуправления регионов после московского путча и в ходе не нужной стране Чеченской войны. Что они дали верившему в них населению после обнародования выстраданных Родиной якобы «демократических» избирательных бюллетеней???

Передел госсобственности, приватизация, реформистско-провокационный дефолт, фактическое уничтожение курса общенациональной денежной единицы и утрата госграниц, дикий рынок и челночная нация, рост коррупции,

преступности, узаконенных афёр и одичалой порнографии, откуп от армии и флота, всенародная миграция и античеловеческое глумление над крестьянством, ветеранами войн, труда и заграничных кампаний — вехи «экономического прорыва» наций и народностей в состоянии сырьевого придатка Запада, испокон жаждущего нашего развала на «княжества» и последующей гибели. Сверхумные «комсомолята» торгуют лесом, нефтью, пушниной, иномарками, остатками промышленного комплекса, мясом, скупленным за бесценок, и рыбой, получают льготные кредиты, «смазывая» их документацию обильным валютным «жиром». Они формируют еженедельный «конкур» цен, и им абсолютно наплевать на терроризм, снижение рождаемости при повышении смертности, начхать на духовно-нравственное былое величие державы и создавших её предков. Автобум уносит в небытие свыше 30 000 сограждан ежегодно, процветают наркомания, алкоголизм, проституция, брачный и внебрачный разврат, продажность «защитников» в форме и беспардонность шикующих на рекламе СМИ. «Неплохое наследие», данное народу экс-коммунизмом под цвет демократии! Гибнут вертолёты и подлодки, отстреливают людей, горит тайга, мёрзнут Сибирь и Дальний Восток, а нас «единят» аж с процентами...

Хлопочущая власть, без обиняков, предельно любознательна, хитра и непредсказуема на теоретические маневры «во благо народа», который, сопя, умирая, рождаясь и матерясь, продолжает её харчевать, одевать, гримировать, обувать, отогревать и катать день и ночь. Помпезно и сочно сюсюкающие народовольством фарисеи и демагоги, представляющие как изовравшееся правительство, так и ВИА говорунов «Госдума», за прошедшие четыре года отделились от народа стеной благополучия при многомиллионной нищете последнего. Подкупив массу «фертинггов» на горе и несчастьях соотечественников, где прокатом в офшорах, а где и пулей в лоб или катастрофой, высокоинтеллектуальное хамьё, «поднимающее Россию», крепко лопухнулось в телешоу «Выборы-2003», ибо, отвечая зрителям, большинство «праведников», желая того или нет, подчеркнули ущербно-заочную инфантильность на всём пути своей краткой партийной жизни...

«Благодетели» наши боятся критики, интерпретируют лобовую истину, кощунственно полемизируют и изошрённо клеветуют друг на друга, тихо и продуманно опускают историю России, её трагическую сущность со времён Золотой Орды. Их интересуют нетрадиционный сатанизм в виде искажённого марксизма, анархия полов, нефтяные и водочные монопо-

лии, недвижимость и автопром, дегустация отечественных и зарубежных продуктов по всей стране. Вечнодойщикам в костюмах импонирует жизнь задарма с зарплатой, в сотни раз превышающей оплату труда тех, у кого тело и душа покрылись чёрными, морально-физическими шрамами и мозолями. Их не беспокоит участь безработных и пенсионеров...

Обожают у нас исстари девизы, трафаретные тезисы и долгоиграющие афоризмы. А главный — «Каждому — по труду!» — ныне воспринимается, словно испужья крамола. Ибо в нём сокрыта не революция, а Конституционное право воздать каждому по профессии, заслугам, наработке и трудам, наконец, поддержка люда за передачу опыта будущим поколениям. При чём же тут Ленин, Столыпин, Горбачёв, Путин и Хакамада???

Бесспорно, здесь монтируется простейшая платформа международного человеческого общежития. Её конструкция ясна даже ребёнку с открепительным удостоверением:

1. Дать волю крестьянству во всём, от земли до налогов — бессрочно; открыть льготные аграрные банки на всей территории России, строго для земледельцев, животноводов, рыбобитомников и лесхозов.

2. Максимально сократить госаппаратчиновников и исключить их деятельность на тех же

должностях пенсионным сроком. Искоренить баллотировку, самовыдвижение и пиар-кампании лиц, достигших 60 лет, оставив за ними право работы по специальности и по найму.

3. Освободить от налогов на 15 лет предприятия, средний и малый бизнес, производящие конкурентоспособную, востребованную продукцию, как и работодателей, обеспечивающих работой контингент от 50 человек.

4. Аннулировать возможность работорговли, законного оборота наркотиков, обязать лиц без гражданства покинуть страну за 48 часов; начать истинное, а не показушное преследование наркобаронов, проституции, фиктивной вино-водочной продукции и фармацевтики. Объявить войну авто-мафии и секс-индустрии.

5. Запретить продажу-скупку земли и находящихся на ней госстроений, а также манипулирование природными и человеческими ресурсами у океанских, морских, речных и озёрных акваторий; усилить контроль за Госграницей России по всей её протяженности.

6. а) За счёт сокращения штатов карательно-охранных и других инспектирующих структур укрепить внешнюю разведку, ПВО, армию, ВВС и флот на контрактной основе;

б) срочно возобновить внутренний оборонный госзаказ на новые виды вооружений, а

также воскресить космические программы и прекратить торговлю оружием кому бы то ни было.

7. Ввести в УК РФ статью о пожизненном заключении с конфискацией имущества изменников Родины, госворов и оборотней в мундирах и без, для чего основать для них островную зону в Ледовитом океане (с широко-масштабным промышленным производством без амнистии).

8. Полное взаимопонимание конфессий:

а) запрет на вероисповедальные и национальные преследования верующих, снятие цензуры с религиозной, призывающей к милосердию и человеколюбию литературы;

б) прозрачность финансовых Фондов пожертвований в буддизме, исламе, православии и других конфессиях; ответственность служителей культов за ложь перед народом.

9. Господдержка науки, культуры, искусства, многодетных семей, приютов, детдомов, интернатов, инвалидов по рождению, пострадавших от стихии, в войнах и локальных конфликтах (финобеспечение всем необходимым по международным стандартам в у.е.).

10. Обеспечить минимальные тарифы на всех видах общественного транспорта в целях искоренения разобщённости родственников, живших в СССР, и начать реализацию про-

граммы полной смены транспортных парков со старых на современные новые.

11. Ввести отчисления от оборота природных богатств страны на каждого трудящегося во благо России (индивидуально-паспортный подход ко всем гражданам от 16 до 100 лет).

12. Образование, здравоохранение, почта, отоваривание и снабжение ветеранов ВОВ, репрессированных, тружеников тыла и угнанных в Германию — бесплатно; узаконить крупные финансовые компенсации близким родственникам, потерявшим сыновей в Афганистане и на Кавказе.

13. Резко снизить цены на продукты первой необходимости, услуги ЖКХ и стабилизировать их до виртуальной реформы денег, возможно, — один раз в полвека. Ввести уголовно наказуемый запрет на их взвинчивание ростовщиками, посредниками и спекулянтами, а также на ввоз зарубежной просроченной и некачественной продукции.

14. Строжайшая и публичная ответственность избранных политиков за ложь перед избирателями и невыполнение их законных требований. Полное снятие всех видов привилегий административного аппарата по вертикали госиерархии вплоть до Президента. Табу на избрание и захват государственных должностей сыновьями, дочерьми, жёнами, любовницами и прочими лицами, состоящими в род-

ственных и заинтересованных отношениях с ранее избранными.

Вне брифингов, чёрного нала или «законно» заработанных миллионов долларов этих пунктов достаточно, чтобы каждый рождённый и живущий в России осознал бы себя её истинно полноценным гражданином.

Голосуя против закреплённых Центризбиркомом претендентов, возомнивших скроить «великое обеспеченное светлое будущее Матери-Руси» партийной макулатурой и психологическим использованием ностальгии, никто из здоровой оппозиции ничего не добьётся. Героический, битый непередаваемым горем, исключительно самобытный, пусть выпивающий российский народ так или иначе выработал в себе единственную и естественную броню, надеясь, как это не парадоксально, только на самого себя. Времена «добрых царей», мудрых диктаторов, дальнзорких ясновидцев-тиранов канули в лету.

И всё же, на все 100 процентов, очень больно и обидно будет всем нам, если наши дети, внуки и правнуки заново пройдут сквозь крушение надежд, проектов и начинаний, порождённое ошибками не определившихся в политдумках сегодняшних пап и мам.

Не стоит никому забывать правило арифметики: **0 + 0 = 0!**

«Сельские зори». 23 января 2004 года.

ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ГАДЮКА

«Если ты здоров, будь готов уяснить, что ты болен».

«Золотое» правило аптекарей.

...Ранним утром, порадовавшись звучанию могучего нового гимна по старым нотам, страна встаёт навстречу трудодню, и, толком не раскрыв глаза, попадает под колоссальнейший прес-

синг коммерческой фармацевтики.

Чего только не сулят беспардонные рекламные «нувориши» СМИ, присягнувшие препаратно-таблеточной эквилибристике! Тут и чистка желудков, печёнок, почек, кишечника и вен, снятие жира с бёдер, наращивание и сокращение ошибок природы, промывка носов, ушей, глаз, обеззараживание ногтей и гениталий, суперпротезирование и оволосачивание на века. Молодость, красота, Голливуд-стандарты, импотенция, фригидность, «венерные» болезни и инвалидность — обеспечиваются и лечатся без проблем за неделю, а то и три дня. Человек усаживается глотнуть чайку перед рабочими сутками, школой, ВУЗом, судом, мэрией или редакцией, а ему: «Прямо сейчас мы доста-

вим вам «Жень-щень для скелета», кремы «Не усыхай!», «Спи со мною...», омолаживающую воду «Хвойная Анастасия» и лосьон-оберег «Кышь, нечистая!..»

Поперхнувшись, выхожу на балкон перевести дух, а у соседа по этажу воет радио экстрасенсорикой: «Закажите Корень Мудрости быстро и дёшево! Скидка без доставки»... Тампоны разных видов в изобилии!

Терапевтический и прочий околорольничный репертуар трезвонит звонче будильников. Хорошо ещё, если «конфетки-бараночки» озвучиваются на русском! Но, если в ход пускается исковерканная до неузнаваемости латынь, с примесью английского, франко-итальянского и иврита, к моменту выхода из дома в мозгу начинает что-то шевелиться и сопротивляться такому «гуманному» лечению. Жалко тех, кто ещё дрыхнет: того и гляди, вскочат в кошмаре с браслетами Кикабидзе и Куравлёва под жеманные улыбочки Валерии с Мирошниченко...

После новостей, состоящих целиком из катклизмов, аварий, катастроф, убийств и терактов, после отрицательного, антисоцидательного, избирательского и рыночного скулёжа по поводу «неблагоприятных» дней и лживо-надуманного гороскопа — сердце сжимается от боли за живущих в России. Мало того, что

многие хворают с зарплатой и пенсиями с гулькин нос, так их ещё и обирают через московский телефон — код и наложенные платежи. Сам Гиппократ уколол бы воздухом эксплуататоров живых и мёртвых душ, а Уильям Гарвей разработал бы новый метод лечения «баксового вируса» кровопусканием тех, кто с перестройки дозирует нам здоровье...

Профи челночной фармацевтики под крышей «народных» аптек аргументирование прикроются «заботой» о народе, упрекнут автора, в непонимании рыночных отношений или в разжигании недовольства. А между тем службам менеджмента, маркетинга и околпачивания в дружбе с УВД стоило бы выпускать почаще бесплатные рекламные брошюры о новинках отрасли, а не мучить организм и саму жизнь сограждан.

Конечно, можно выключить радио и телевизор, не читать газеты, прыгнуть в прорубь по Иванову, обойти аптеки прабабушкиным знахарством. Но, когда на общество прёт нашествие «элексиров», когда лицедеи и актриски «голодают» без участия в медрекламе, многоуважаемой и многомиллионной России остаётся пожелать психологического здоровья, за которым, наверняка, придёт всё остальное...

Виктор Рассохин.

ЛАНДЫШИ

Рассказ

Хромой сторож предложил нам само-сада с донником. Мы отказались.

— А я вот, старый дурак, кашляю, аж слёзы из глаз, да бросить не брошу. Не курил ведь тоже, как и вы.

За огородом, в сквозистых ещё кустах смородинника, щёлкнул соловей, робко, как бы пробуя голос.

— Вишь, пострелёнок. Рядом почти, а не увидишь. Поёт себе и округу радует. Невидимка. Прямо-таки финский снайпер. Только песня у того была смертельная. Пропоёт пуля — знаешь, что в ёлках грохнуло, оглянешься — нет товарища...

Он глубоко затаился. Крылья носа расширились, и седые струи дыма шумно вытолкнулись лёгкими.

— Она, война эта, вроде и не завидная была. А брата нашего взяла — сосен в лесу меньше. Многим снег пухом...

— Василий Фёдорович, в Отечественную вы не воевали? — обратился к нему мой товарищ.

— Нет. Я её раньше хлебнул. На линии Маннергейма ахнуло. Четыре месяца в госпитале. И сюда — домой. Тут следом и Гитлер... В кадровую, сами видите, не попал, а партизаны меня помнят. Двух лётчиков спас. Генералом один был. Прошлым летом меня отыскал...

Так вот, была у нас девушка. Военврач, Ларисой величали. Ленинградская. Ох, и девка — картина писаная. Дела-то до моего ранения происходили. Наша братия какая? Чуть чего — гы да гы-гы. А тут цыц! Пройдёт, бывало, Лариса Николаевна — мы молодели. Каждый вспоминал свою возлюбленную, и сердце мягче становилось: чёрствость-то, она как ржа. Раз пристала, не уберёшь — съест. Да и радостно было ещё оттого — незанятою ходила.

Говорили, что командир батальона сох по ней. Вологодский сам. Всё на «о» нажимал. Гаркнет, бывало:

«Смирно!» — коленки дрожат. Мне почему-то не верилось, что он себе в душу мягкость допустить может. Поводил он нас крепко... Полбатальона получило награды. Мы в мыле, и он в мыле. Сухов фамилия была. Осколком грудь ему протаранило. Клок шинели аж на спине вылез.

Лариса Николаевна рядом стояла. Ничего не сказал, лишь обескровленной рукой указал на планшетку. Возьми, мол. Она белее снега была, потом наклонилась и поцеловала его в ещё теплую небритую щеку.

В планшете её портрет оказался. Вылитый. Карандашом сделан...

— Рисовал, значит! — заполнил паузу Михаил. — Находил время.

— Находил, стало быть, у кого охота на что. Война ведь не всё в человеке убивает. Он, человек-то, для жизни предназначен. Разве кто плохо загадывает? Изверги только...

Со смертью Сухова и в Ларисе Николаевне что-то произошло. Осунулась. Голос осёкся. Но всегда с нами приветлива была, иногда шутила как-то по-городскому и на щеках её горел румянец маковым цветом.

— Ты, — говорит, — Вася, когда-нибудь ландыши рвал своей любимой?

А я и засмейся. Открыто говорю:

— Никогда. У нас в деревне этак не водится.

— Не смейся, — говорит, — попробуй. Вот снег сойдёт, нарви да в конверт. Обрадуется — любить лучше будет!

Сама к другому подойдёт спросит: как рана? Перевязку или что надо сделает...

Последнее время батальону работа подвернулась. То нас потрепят, то мы потрепем. Однажды нас так залучили — думали, снегом задавят. Но выбрались, и не знаю, каким образом такую у них краюху отхватили, что я сам под награду попал. И Ларисе Николаевне тоже орден выпал.

Бои не прекращались. Мы всё лесами шли. Снег по ноздри. Лыж мало. Да и непривычны на них. Сосняком пробираемся. На убитых то на опушке, то в лощине наткнёмся. Скрюченные лежат. Ноги тут, голова там валяется. Видим, что здесь прошли недавно. Шли скоро. Убирать было некогда. Да и глушь, возьми её господи, там превеликая!

Ничего мы не тронули, только лыжи захватили. Спускаемся этак вниз. Стон слышим. Подходим ближе. Финн лежит, скорчившись. Голова льняная. Сзади полоса красная. Полз... Командир новый подошёл, понимал по-ихнему. А раненый показывает рукой на Ларису Николаевну. Красный крест на рукаве заметил. Она подошла.

— Убрать бы его! Прикончить! — кое-где раздались голоса.

— Донесём до ближнего пункта! — сказал командир. — Сейчас перекур, и в путь. Соединиться должны.

Мы пошли к головной группе, а Лариса Николаевна осталась перевязку ему делать. И едва мы отошли саженой семь, как остановил нас пронзительный женский крик. Меня аж пот прошиб... Бежим на крик с Митькой Огурцовым.

У сосны Лариса Николаевна с ножом в груди. По самую рукоятку вогнал, подлец!

На руки я её — жива, дышит прерывисто. Несу, у самого поджилки трясутся, и плачу. Текут слёзы — и всё. Не слышал, как Митька в убийцу выпалил. Вот тебе и ландыши, думаю...

Положил её на ветки. Сумку снял. Бинты беру, йод... Она — головой — не то, говорит, не то. Глянул — сверток в газете. Кивнула. Адрес, говорит, дописывай. Только и успела всего. Кровь горлом пошла...

Тяжело переживали. Не верили. В деревне с почестью схоронили. Ей-богу, многие плакали. Уж очень смерть её у нас неожиданно выкрала...

Фёдорыч замолчал и глухо кашлянул. Мы сидели, слыша своё дыхание, и ясно представляли непроходимые леса, огоньки самокруток и девушку, видимо, ушедшую добровольцем из вуза...

— Спичку бы, — охрипшим голосом сказал Фёдорыч Михаилу, но вспомнив, что мы некурящие, рассыпал табак...

— В Питер я наведывался. Точно по адресу. После войны никого не нашёл. Мать в блокаду умерла. Опоздал я с наказом. Раньше бы надо. И портрет её теперь у меня. Зайдёмте, посмотрите.

Мы обрадовались такому случайному совпадению и направились за Василием Фёдоровичем, опирающимся на вишнёвый узловатый костыль.

На стене, рядом с семейными фотографиями, в багетовой рамке висел портрет. На нас смотрела белокурая девушка, с затаённой лукавинкой в глазах, с лица, казалось, вот-вот спорхнёт улыбка и она спросит у нас звонким и чистым голосом:

— А вы, ребята, рвёте любимым ландыши?

ВЕРНЫЕ ПАМЯТИ

*Сергею Николаевичу Медведеву —
главе Новодеревеньковского
района Орловской области,
организатору народного
праздника*

Судьба одна — но есть Судбищи.
Они в истории страны.
Герои прошлого — их тыщи,
И все — российские сыны.

Одни — врага мечом рубили,
Другие — танком и винтом,
Вся авиация России —
С солдатско-маршальским умом.

И слава жителям района,
Кто на изгибе жёстких дней,
Героев вспомнил поимённо —
Во имя Родины своей!

БАНЯ

Быть в парной — обычай древний,
Любит баню человек.
Если бани нет в селенье,
Значит там — пещерный век.

Сотня брёвен — вся отрада.
Здесь не нужны терема.
Бане — золота не надо,
Баня — золото сама.

Кто б ты ни был — пыльный, потный,
Пас коров, пахал ли клин —
Отмывает люд работный —
Пляшет пламечко вдоль спин.

С картины А.М. Герасимова
«Деревенская баня». 1938–1956 годы

Слышишь — кожа заскрипела
От берёзовой листвы.
Значит, хворь ушла из тела,
Дурь ушла из головы.

Для ребят неугомонных
Наступает благодать:
Девок, паром раскалённых,
Как в снегу не повалить?!

Там сосед соседку за бок
На тропинке узкой взял,
А уж бабы, а уж бабы
Лупят смехом наповал:

— Всё поведаем Настюше!
— Ишь, выиграл, как молодой!
Сами, ангельские души,
Рады вольности мужской.

После бани — жёны слаще,
Откровеннее мужья.
Даже тёщи как-то мягче
В отношении питья.

Стопка свойской иль казённой —
По желудку — огоньком...
Разговор не пустозвонный
Возникает за столом.

Я кричу тугим на ухо,
Отрастившим животы:
Баня — храм культуры духа,
Наготы и чистоты.

И смешны порой ответы
Тех наставников села,
Что для бани — нету сметы.
Смета есть! Нужна метла.

Непрактичным, нерадивым,
Вросшим в личный кабинет...
Я считаю несчастливым
То село, где бани нет.

Под мочалкой, под пареньем,
Будь здоров, кому не лень...
Пахнет лишним воскресеньем
Благодатный Банный день.

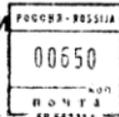

*Весна.
(В предбаннике). 1954.
А.А. Пластов*

ПИСЬМА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АППАРАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ

15

11-0557

302030, Г.ОРЕЛ,
НОВОСИЛЬСКИЙ ПЕР., 4-59

РАССОХИНЫМ В. И С.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕКРЕТАРИАТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ул. Охотный ряд, д. 1, Москва, 103265

Тел. Факс

E-mail

302030, г.Орел,
Новосильский пер.,
д.4, кв.59

В. и С.РАССОХИНЫМ

19 ноября 2007 г. № 11-0557

По поручению Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б.В.Грызлова сообщая Вам, что письмо Б.В.Грызлову и книги "Тихие Гавайи?" и "Небесные снайперы" Председатель Государственной Думы получил.

Советник Председателя
Государственной Думы

Н.А.Сахаров

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
103132, Москва, Старая площадь, дом 4

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ

Рассохину В.В.
Новосильский пер., 4-59
г. Орел
Орловская область
Российская Федерация, 302030

268784

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

« 24 » июля 200 9 г.

№ A26-21-268784

Рассохину В.В.
Новосильский пер., 4-59
г. Орел
Орловская область
Российская Федерация, 302030

268784

Уважаемый Виктор Васильевич !

Благодарим Вас за письмо и книги, которые Вы прислали на имя Президента Российской Федерации.

В соответствии с ч.3 ст.8 Федерального закона от 2 мая 2006 года №59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" Ваше обращение направлено по компетенции на рассмотрение в Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям с просьбой сообщить Вам о результатах.

Книги переданы в Библиотеку Президента Российской Федерации.

Желаем Вам и Вашим близким доброго здоровья, счастья, благополучия.

Референт Управления

В.Матвеев

7230

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ

ДКО ФМ

г. Москва, 103265

ОТ КОГО: ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ -
ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В.В. Жириновский, удостоверение № 296
ул. Охотный ряд, д. 1, г. Москва, 103265

В.В. ЖИРИНОВСКИЙ

АДРЕСАТ: Рассохин
Виктор
Васильевич
КУДА: 302030
Орловская область
Орел г
Новосильский пер. д.4,
кв.59

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ**

103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1

18.09.2009 г.

№ 1.7/21- 09.2182/а

Рассохин В. В.
302030
Орловская область
Орел г
Новосильский пер. д.4,
кв.59

Уважаемый Виктор Васильевич!

Хочу выразить Вам свою благодарность за Вашу книгу. Полученная от Вас книга достойно пополнила партийную библиотеку ЛДПР.

Благодарю Вас за доверие к позиции ЛДПР и активную патриотическую позицию, за Вашу заботу о судьбе и будущем России.

Желаю Вам, Вашим родным и близким успехов и крепкого здоровья!

С уважением, и надеждой на сотрудничество!

С уважением,

В. В. Жириновский

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
ПРЕСС-СЛУЖБА
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

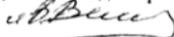
Москва, Чистый пер., 5
Тел. (495) 637-4318
press@patriarchia.ru

Орловское отделение союза
российских писателей
г. Орёл,
Новосильский пер. 4-59
302030

Уважаемые Виктор Васильевич и Сергей Викторович Рассохины!
Выражаем Вам слова благодарности и признательности за книгу “Лишний гражданин (Путь провинциала)”, присланную Вами в дар Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу.

Руководитель
Пресс-службы
Патриарха Московского
и всея Руси

Священник Владимир Вигилянский.

AMBASSADE DE FRANCE EN RUSSIE

L'Ambassadeur
N°323

Moscou, le 17 mars 2010

Messieurs,

Vos deux ouvrages me sont bien parvenus et je vous en remercie.

L'Ambassade vous communiquera les adresses que vous demandez. Vos livres apportent un nouveau témoignage passionnant sur l'épopée du Normandie-Niemen et vont enchanter leurs lecteurs.

Je vous prie d'agréer, Messieurs, l'expression de ma considération distinguée.

Jean de GLINIASTY

Monsieur Victor RASSOKHINE
Monsieur Sergueï RASSOKHINE
UNION DES ECRIVAINS RUSSES
Section de l'Union des Écrivains d'Orel

неофициальный перевод

ПОСОЛЬСТВО ФРАНЦИИ В РОССИИ

Москва

Москва, 17 марта 2010г.

Уважаемые Господа!

Я своевременно получил два издания Вашей книги, в связи с чем искренне Вам признателен.

Посольство сообщает Вам адреса, о которых Вы просите. Ваши книги являются ещё одним очень интересным свидетельством, рассказывающим об эпохе «Нормандия - Неман», они вызовут восторг у своих читателей.

Прощу Вас принять, Уважаемые Господа, уверения в моём высоком почтении.

Жан де ГЛИНИАСТИ

Господину Виктору РАССОХИНУ
Господину Сергею РАССОХИНУ
СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Орловское отделение Союза российских писателей

Адміністрацыя Прэзідэнта
Рэспублікі Беларусь
Галоўнае ўпраўленне па рабоце
са зваротамі грамадзян
і юрыдычных асоб

220016, г. Мінск, рэзідэнцыя Прэзідэнта,
тэл. 222-32-17, факс 226-06-10
E-mail: contact@president.gov.by

Администрация Президента
Республики Беларусь
Главное управление по работе
с обращениями граждан
и юридических лиц

220016, г. Минск, резиденция Президента,
тел. 222-32-17, факс 226-06-10
E-mail: contact@president.gov.by

/8 августа 2010 г. № 15/8-1039

Рассохину В.В.
пер.Новосильский, д.4, кв.59
302030, г.Орел, Россия

Уважаемый Виктор Васильевич!

По поручению руководства Администрации Президента Республики Беларусь выражаем Вам сердечную благодарность за подаренную книгу Президенту Республики Беларусь А.Г.Лукашенко.

Сообщаем, что Ваша книга передана в Президентскую библиотеку.

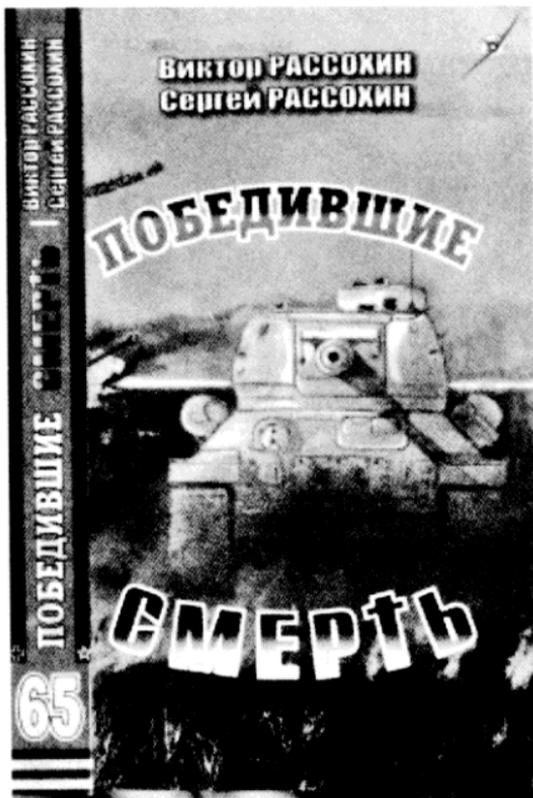
Желаем Вам доброго здоровья, благополучия, творческого вдохновения, жизненного оптимизма и активного долголетия.

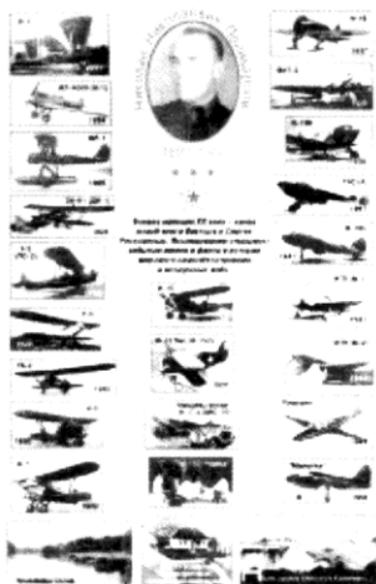
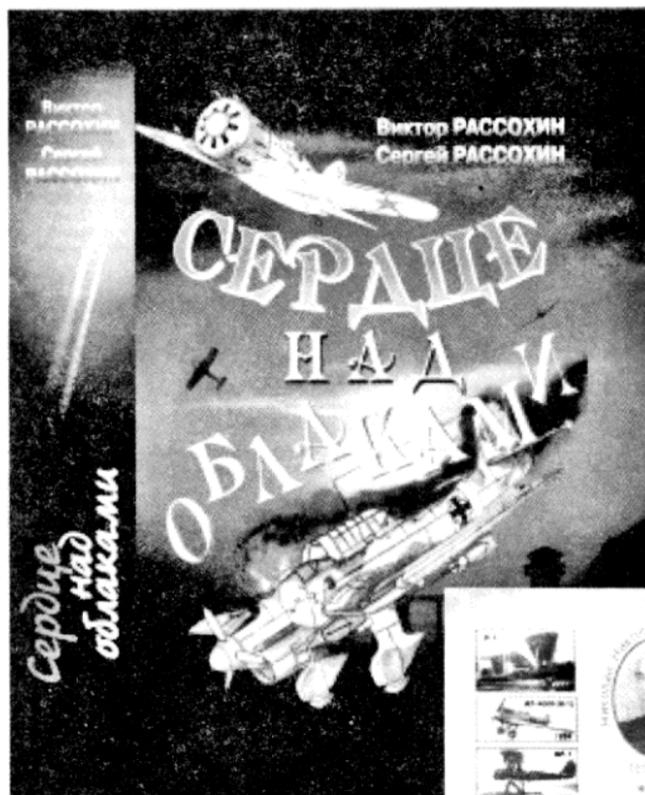
С уважением,

Начальник главного управления
по работе с обращениями
граждан и юридических лиц

С.И.Буко

НОВЫЕ КНИГИ

Небeproхoдцу - букет сирени!

Марианна
Николаевна
Поликарпова -
дочь
авиаконструктора
- на родине отца.
Ев письмо
из Москвы..

Марианна Николаевна,
Спасибо Вам за письмо, которое
я получила. Очень приятно,
что Вы помните о своей родине.
Я очень рада, что Вы живете
в Москве. Желаю Вам
здоровья и счастья. С любовью,
Ваша дочь,
Марианна Николаевна.

Марианна Николаевна,
я очень рада, что Вы живете
в Москве. Желаю Вам
здоровья и счастья. С любовью,
Ваша дочь,
Марианна Николаевна.

Миряне и недруги!

Будете рядом, не отворачивайтесь, отбросьте
личностное. Просто поклонитесь Герою, на
чьих крыльях машина завоевывалась наша
и не только наша свобода!

Васильев *Малков*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСНИСЬ, ИВАН! Часть первая	3
Нелюбимая правда	4
Радищев	5
Неосборщики дани	5
Наставникам	6
Опасная скупость	6
Поэтам XX века	7
Схватка полов	8
Бессонница	9
Позиция	9
Танцплощадка	10
Признание	11
После дождя	11
Вежливые черти	11
Бухгалтера	12
Родине	12
Автореволуция	13
Финансовое море	13
Ответ на вопрос читателя	14
Люди на подхвате	15
Помощница	15
В капкане	16
Отгородились	16
Валютопленные	17
Додумался	18
Дьявольская фраза	18
Частое название	20
Нетопыри	21
Главному богатырю	21
Народец	22
Продажный кукляж	22
Почтовый ящик	23
Слепой город	23
Исповедь наркоманки	24

Вопрос ребром	25
Известной певице	25
Немое студенчество	25
Кредитчики	26
Совет отца	26
Поздно разглядели	26
Осторожней с наградами	27
Забыли про книги	27
Странный новый год	28
Посланец	29
Царь-желудок	30
Мне дорог художник...	30
Пышный отъезд	31
Самотлорская встреча	32
Лечебный бизнес	33
Миллионы за дурь	33
«Вежливая» дань	34
Батон	34
Изменилась традиция	35
МЭРзкие лгуны	35
«Лыжник»	36
Острый нюх	36
Нужен ли писатель России?	36
«Вестники»	38
Культурники	38
Переучили...	39
Лесник	39
Аккордеонист	40
Нытикам	41
Михаилу Пришвину	41
Чужесловие	42
Съехались...	42
Лжереклама	43
Пожелание	43
Глазок	44

Попугай	44
В одном селе	45
Нерест прошёл...	46
Боевик	46
На трассе	47
Ясновидцы	47
Волшебник Куинджи	48
Выходной у дворника	48
Саранча	49
Телохраниитель	50
О Родине	50
Сила	51
Накашляли...	51
Исторический диктор	52
Мужские слёзы	52
Гостеприимство России	53
Разные методы	54
Освободители	54
После рыбалки	55
Тёплый день	55
Шофёрская боль	56
Особая среда	56
Мужество в кризисе	57
Дерзкая мысль в защиту правды	57
Труженику	59
Расслабился	59
Юрмальская пошлость	59
Шлэнда	60
Настойчивая просьба	61
Странный город	61
Забытый хлебобоб	62
В церкви	62
Желание денег	63
Письмо в Звёздный городок	63
Благодарность	64

Добирайтесь, как хотите.....	65
Чья «Российская газета»?	65
Взгляд другого читателя	66
Мнение третьего	66
Зри в корень	66
Спецназовец.....	67
Буран	67
«Рыбаки» Госстола	67
Проснись, Иван!	68
Отливающий от яйца	69
В Совете ветеранов	69
И такое бывает... ..	69
На рассвете	70
Жизненный вопрос	70
Великий телепат	71
Одинокий босс	71
Редакция областной газеты	72
Вновь обманули	72
Памяти Патриарха Алексия II	73
В отставку!	73
Законники	74
На границе	74
Спецы	74
УЛЫБНИТЕСЬ ЧЕРЕЗ БОЛЬ. Часть вторая ..	75
Кормилец	76
Фонды «Развитие»	76
Старый курильщик	77
Бесталанные	77
Чужой	78
Памятка	79
На озере	79
Элитные дома	79
Попытки забвенья	80

Журавлиный клин	80
Приценка на дороге	81
Последняя хата	81
Взвод	82
Деду вспомнилось...	82
На севере	83
Спасибо!	84
Грунтовой колеёй	84
Проездом	84
Опозорили Менделеева	85
Монолог безработного	85
Валюта перевесила	86
Возмущённые птицы	86
Окружили	86
Ненавистники Пушкина	87
Клеточный академик	87
Мечты и дело	88
Памяти Виктора Астафьева	89
Отринь соблазн	89
Коммунист	90
Говорит пехота	91
Шахтёр на митинге	91
Пропали за смелость	91
Летописец	92
Зоркость	92
Выход из тупика	92
Предизбиркома	93
Штрихи к автобио	93
Скорбные вехи	94
Судьба	94
Пчелиный магнат	95
«Охотники»	95
Одинаковость отказов	95
Из молодых — да ранний	96
Контролирующим бюджет	96

Молчанье умных	97
Беспредельная алчность	97
Наркоманы асфальта	97
Ошибка	98
Переехали в город	98
Уставные книги	98
Спутник	99
Старатель	99
Спешащим в мэрию	99
Радостный день	100
Редактор-клеветник	100
Землепашец	100
Выжил	101
Обленились	102
Перевертыши	102
Таксист разозлился...	102
Гигантский аппетит	103
Эфирный лжец	104
К высотам спорта и души	104
Исповедь	105
Жалоба подчинённого	105
После демонстрации	105
Почти афоризм	106
Верьте в себя !	107
На ошейнике	107
«Верующий»	107
«Книжники»	108
Нулевые люди	108
Апрельская радость	109
Бывший зэк на родине	110
Фуршетники	110
Урок истории	111
Зощенко в бане	112
Особое мнение	112
Эхо трагедии	112

Псевдоактёрам и псевдопевцам	113
Полярный взгляд	113
Не тот избранник	113
Новое время	114
Регион разврата	114
Выродок	115
Жить по совести	115
Тупизматики	116
Гоголь на ярмарке	116
Калифам на час	117
Фрагмент беседы	117
Совет экстрасенса	118
Дети и отцы	118
Необъятная Родина	119
Остряк	120
Новогодний тост	120
Погожая осень	120
Творенья, уходящие в века...	121
Глава района	121
Монолог тракториста	122
Раздумье	122
Ночной редактор	123
За кадром	123
Слепота зрячих	124
Плюсы-минусы	124
Монолог просителя	125
Заспинные философы	125
Другу, ставшему недругом	126
Наши ветераны	126
Кто ошибся?	127
Чужежёнцы	127
Корень России	127
Трезвому	128
Безголосые	128
Прожорливая почта	129

Кинотеатр «Просьба»	130
Спасибо за журнал «Нёман»!	130
Невиденье пророков	131
Неоозяин	132
Мировой кризис по-российски	132
Романтикам	133
Вне бизнеса	134
Пражский профессор	134
Директор школы	134
Улыбнитесь через боль	135
Обещатель	135
Исток	136
Рептильный	136
Ласточки	136
После наркомовской...	137
Сдвиг	137
Племенной хряк на выставке	138
Письмо из колонии	138
Чудак	138
Возьми луну	139
Красота в одиночестве	139
Замкнутый круг	140
Думский коробейник	140
Чернорубашечник	141
Аркадий Райкин	141
Разные взгляды	142
МИДовец	142
«Фехтовальщики»	142
Нужна решимость	143
Проклятие войнам	143
Эксперименты	144
Валютосводка	144
Хлеб	145
«Хозяева» изгаляются...	145
Политические сани	146

Нечитающим	146
Розовый поэт	147
Междустрочия истории	147
Не по-русски	148
Горцы	148
Яснополянец	149
У хранителя частушек	149
Перехватчики	154
Гипноз природы	155
Петровцам	155
К свету	156
Палачи и жертвы	157
Владыка Паисий	157
Потерянный район	158
Кривцовский мемориал	159
Денежная боязнь	160
Буланка	160
Речной хищник	161
Восемнадцатое мгновение	161
Прячься за культуру...	161
Стратег	161
Беспокойство	162
Примета	163
Сергею Есенину	163
Внезапный клёв	164
«Оздоровители»	164
Брат — младшей сестре	165
Казнь	166
Вторая встреча с частушечником	166
Пружины страха	173
Возвращённый Бунин	173
Околоврачи	173
Реставратор	174
Луна над собором	174
Бомж	174

На мотив известной песни	175
Цензор	175
Возвращение	176
Флюгера	177
Норный	177
Энтузиаст	177
Отражение	178
Песня сталиниста на мотив «Сулико»	179
Синичья смелость	179
Богатый двор	180
Аппаратчик	180
Расстреляли в спешке	180
Мнение	181
Святослав Фёдоров	182
Святые могилы	182
Последнее пристанище	184
Наш рецепт	184
Салют Родины	185
Поклон гению	186
Перебор	186
Травы созрели...	187
На болоте	187
Третьего не дано	188
Мать	188
Мессинг в Орле	189
Танкер «Луганск»	190
Ваш выбор	191
Уши стен	191
Неожульё	192
Помните!	192
Отшельница	193
Заблудшим	193
Мчатся годы...	193
Кто, если не Вы? (Открытое письмо экс-прези- денту РФ В.В. Путину)	194

Из цикла «Музыка души»	196
Анастасия Вяльцева	196
Пётр Лещенко	196
Изабелла Юрьева	197
Вадим Козин	197
Александр Вертинский	198
Алла Баянова	198
Юрий Морфесси	199
Фёдор Шаляпин	199
Константин Сокольский	200
Георгий Виноградов	201
Фея	201
Александр Цфасман	202
Леонид Утёсов	202
Лидия Русланова	203
Эдди Рознер	204
Клавдия Шульженко	205
Марк Бернес	205
Николай Сличенко	206
Оскар Строк	207
Нани Брегвадзе	208
Булат Окуджава	208
<i>Музыка Души</i>	209
Владимир Высоцкий	211
Олег Лундстрем	212
Седой скрипач	213
Добрая встреча	213
Доктор Время	213
София Ротару	214
Молодой солистке	214
Гелена Великанова	214
Аркадий Погодин	215
Людмила Зыкина	215
Глеб Скороходов	215

Без луны	216
В универсаме	216
Прихватизатор	216
Домой	217
Светотень	218
В Комарово	219
Десантники	220
Офицерской жене	220
Мандариновая роща	221
Провинция	221
Никогда не поздно...	222
Скептик	223
Заветное место	223
Странный сон	224
Перед бурей	225
В «Пенатах»	225
Кого охраняют?	226
Паталогоанатомам	227
Смех да и только...	228
Девяностые...	228
Удавы мысли	229
В неоплатном долгу	229
«Землепашцы»	230
Русская лапта	230
К вечеру	232
Стар и мал...	232
Даритель клёва	233
Досада	233
Музейным работникам	234
ИМЯ РОССИИ — ЗАРЯ. Часть третья	235
Утро	236
Июль	236
Сосновый бор	236

Малеевка	237
Мысль на охоте	237
Над рекой	237
Осенний призыв	238
Почтовые пираты	238
Приютите!	239
Типаж	239
В горсаду	239
Разлад	240
В ювелирном	241
Живое золото	242
Таких мало...	242
Дорожный азарт	243
«Творец» на даче	244
Всемирный город	244
После игры	245
Крыловская заповедь	245
Красивое одиночество	246
На опушке	246
Близнецы	247
9 мая 1994 года	247
Ректор	248
Недоучились...	248
Шефица культуры	249
Раздумье отца	249
Щедринарий. (Цикл стихотворений)	250
Ласочка	256
«Прогресс» бюрократии	256
Небрючная проблема. Сатириюмор	257
Не моя...	258
Майские сумерки	258
Женская журналистика	259
Цветы	259

Разум	259
Лонгфелло и Бунин	260
Юбилей Тургенева	260
Загадочные острова. (Цикл стихотворений) . .	261
Северная ночь	263
Странный узник	264
Тяжкая вина	265
Двое	266
Расправа	266
Милость	267
Палач	268
После допроса	269
Гробовщик	270
Берёзовые прутья	271
Соловецкая молодка	271
Слепцы	273
По доносу	274
Побег	275
Бог простит?	276
Сослуживцы	277
В лесу	278
Неспящий инок	279
Помогли убежать	281
Итог	283
Тихая обитель	284
Эхо истории	285
Василий Перов	286
Двадцатый век	287
Горький на Соловках	287
Павел Флоренский	288
Атеисты	289
Сельский пророк	289

Э т а п ы	290
Смелый монах	291
Проспавшим	292
Глухота горсовета	292
Ещё не то архивы скажут...	293
Флюгеризм	294
Желание	294
Секьюрити	294
Шахматный ход	295
Льстецам	296
Скрытные депутаты	296
Не прощается...	296
Система бега	297
Простите за резкость!	298
Киноиндустрия	298
Через годы...	299
Не просмотри!	299
Странные неточности в энциклопедии	300
Неоинквизиция	303
Геополитика	303
Встреча в «Юности»	304
Нищета	305
Предсмертное письмо Александра Фадеева в ЦК КПСС	306
Грани войны	310
Рассказ сержанта. (Быль)	311
Фляга. (Пехотинцу вспомнилось...)	312
Бомбёжка	312
Последний полицай	313
Ответ хлюстам	313
Через время	314
День	314
Ода пишущей машинке	315
Валерий Приёмыхов	316

Газетная авантюристка	316
Лицедеи пера	317
Писатели. Сосланы, повешены, убиты на дуэли, расстреляны, преданы остракизму, покончили самоубийством... (XIX–XX вв.):	318
Рылеев	320
За что страдаешь ты, Россия?	321
Находка	321
Дробился рваный цоколь монумента...	322
Послевоенные дети	323
Женская ненависть	324
Славянская душа	325
Норкомания	326
Дозор	326
Телефонная цензура	327
Не дали слова...	328
«Смелые»	328
Живодёр	329
Амнистия	330
Монолог журналиста	330
Сергею Аксакову	330
Шаг до пропасти	331
Несовместимое	331
И в штиль, и в штормы...	332
Войнолюбцам	334
Магические ритмы. (Цикл стихотворений) . .	335
Дюк Эллингтон	336
Луи Армстронг	336
Эдит Пиаф	338
Бенни Гудмен	338
Чарли Паркер	339
Джордж Гершвин	339
Элла Фицджеральд	340

Марика Рёкк	340
Зарубежные звёзды эстрады и кино	341, 342
Гленн Миллер. (Сражающийся оркестр)	343
Элвис Пресли	344
Марлен Дитрих	345
Незабвенное танго	345
Чарли Чаплин	347
Мэрилин Монро	349
Вор чести воинской	350
Противоборство	350
Игрушки детства	351
В доме престарелых	352
Коса на камень...	352
Подвиг художника	353
Солнце	354
ПОЭМЫ	355
Золотая кувшинка	356
К рассвету	388
Озарённая душа	395
Шапка Мономаха	411
Ночь	437
Посмертный обыск. (Драматическая поэма)	447
Эхо тарана	481
Звезда критики	488
Система	493
В пасти зла	496
Адмирал Николай Кузнецов: Жизнь в океане бесправия	497
Верные вечности. (Русский взгляд на «проблемность» евреев в России и Мире на примере рецензии книги «Евреи Орловщины. Лабиринты нашей памяти»)	510

«Монетизация» душ	519
Депутат-«книгочей»	522
Заккрытие открытых писем	523
<i>М. Анненкова, Н. Ермаков</i> «Не любит правда пышной фразы...»	526
Золотые шары	529
Забывтое добро	533
Слово поэта-классика	543
Весточка от академика Фёдора Углова	548
Пишут собратья по перу	548
В Переделкино	549
Кто же всё-таки стрелял в Маяковского???	551
«Тихие Гавайи?»	562
В напряжении времени. (Рецензия на книгу Виктора и Сергея Рассохиных «Ток»	565
«Небесные снайперы»	567
Второе издание «снайперов»	570
Под флагом человеколюбия. (Рецензия на книгу орловских писателей Виктора и Сергея Рассохиных «Ток»)	572
Жизнь не по рифме	574
Ошибочный выбор	577
Наказ	577
Моё мнение таково...	578
Погоны	580
Пропасть несчастий между землёй и небом	581
Неизбираемая платформа беспартийного гражданина «Каждому — по труду!»	584
Здравоохранительная гадюка	592
Ландыши. Рассказ	595
Верные памяти	601
Баня	602
Письма	605
Новые книги	611

Встречи с читателями
трудны и радостны!

Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин

ПО УХАБАМ ОТЕЧЕСТВА

*(Раздумья о Родине. Стихи. Поэмы.
Статьи. Очерки. Рецензии. Письма)*

* * *

Подписано в печать 07.10.2011. Формат 70x90 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 23,11.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4632

Цена договорная

Отпечатано с готового оригинал-макета

в Типографии «Новое Время». Орёл, ул.Итальянская 23

СТОЙКОСТЬ ДУХА И БЕЗДУШИЕ

Дети, бегущие от грозы
К.Е. МАКОВСКИЙ

На богомолье
В.В. РАССОХИН

**Всё пережили: ветер, град и грозы.
Да, Русь такая – силой не сломить.
И кровь лилась, текли ручьями слёзы,
И сколько их ещё придётся лить?!**

Богатыри
В.М. ВАСНЕЦОВ

Чесменский бой
И.К. АЙБАЗОВСКИЙ

Адмирал Ф.Ф. Ушаков
П. БАЖАНОВ

Военный совет в Филях в 1812 г.
А.Д. КИВШЕНКО

М.Ю. Лермонтов
Акварель
А.К. ЛЮНДЕРА

Дарьяльское ущелье.
Лунная ночь
А.И. КУИНДЖИ

Свидание генерала
Клюкке фон Клюгенау
с Шамилём
Г.Г. ГАГАРИН

Чаепитие
в Мытищах, близ
Москвы
В.Г. ПЕРОВ

Торг
Н.В. НЕВРЕВ

Тройка
В.Г. ПЕРОВ

Бурлаки на Волге
И.Е. РЕПИН

Император
Николай II
В.А. СЕРОВ

Адмирал С.О. Макаров
и В.В. Верещагин
Е.И. СТОЛИЦА

Возвращение
кормильца.
1904 г.
С.Я. НИКОЛАЕВ

Всюду жизнь.
Н.А. ЯРОШЕНКО

Последний выход
Керенского
КУКРЫНИКИСЫ

Большевик
Б.М. КУСТОДИЕВ

Тачанка
Б.М. ГРЕКОВ

В.И. Чапаев в бою
П.В. ВАСИЛЬЕВ

Разрушенный храм
П.П. КОНЧАЛОВСКИЙ

Зенитица Лена.
Война окончилась
П.П. КОНЧАЛОВСКИЙ

Великая
Победа!

Сын Планеты –
Юрий Гагарин

Патриарх
Московский
и всея Руси
Кирилл

Герб
России

Герб
СССР

С ярмарки
П.П. КОНЧАЛОВСКИЙ

Авторы благодарны ВАМ за внимание к русской литературе!

Архиепископ Орловский
и Ливенский Пантелеимон

В.З. Молодчин

В.В. Глухов

О.В. Тимохин, Н.А. Жернов,
Д.М. Пониткин

В.Е. Волченко

В.П. Костюченко

В.С. Бовин

А.И. Гапонов

Ю.С. Белоусов,
Е.С. Строев,
Е.Н. Климова

В.П. Бугусов

А.А. Сытников

В.Н. Батов

В.А. Адам-
енко

А.Н. Петров

Н.В. Азаров

В.И. Ковалёв

В.В. Седищев

В.П. Бугусов

В.Н. Логвинов

Ю.В. Судар-
иков

Е.К. Бабарыкин

В.М. Мишин

М.Л. Дорофеев

М.К. Рамазанов

Ю.М. Выходов

С.А. Будагов

В.А. Голентсов

П.Е. Селин

Д.Д. Шалимов

В.А. Курин

О.И. Гладкова

М.К. Пеньков

Н.М. Ушаков

А.Е. Сорокин

В.М. Тишина

А.И. Писарева

Г.В. Жукова

Л.А. Пашин

Ю.Н. Ревин

Л.Т. Канатникова

О.Я. Одинцова

В.Г. Рассохина

Н.И. Кобылкин

Н.Ф. Емельянов

В.И. Харитонов

А.И. Наумов

С.В. Семочкин

А.М. Алдо-
баев

В.А. Пикулин

С.Л. Астапов

О.А. Губа

А.П. и А.П. Бугусовы

Д.А. Кожухов

И.Д. Бушнев

А.Е. Василь-
ковский

Л.Е. Бородин

На аэро-
дроме

А.С. Коно-
нин

Н.В. Галкин

Флотская дружба

У защитников Отечества